

Литература

2 ЧАСТЬ

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ 8 КЛАССА
В ДВУХ ЧАСТЯХ

Издание седьмое

*Утверждено Министерством народного образования
Республики Узбекистан в качестве
учебника-хрестоматии для школ общего среднего
образования с русским языком обучения*

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2014

УДК 821.161.1(075)
ББК 83.3 (Рус)я721
В 18

Группа авторов:

**И.П. ВАРФОЛОМЕЕВ, Н.М. МИРКУРБАНОВ,
Н.А. ЧЕКУЛИНА, Н.Ф. БОЯРСКАЯ**

Под общей редакцией
доктора филологических наук,
профессора **И.П. Варфоломеева**

Рецензенты

В.И. Андрианова — доктор педагогических наук, профессор
А.С. Лиходзиевский — доктор филологических наук,
профессор УзГУМЯ
Г.Г. Хамитова — учитель русского языка и
литературы школы № 107 г. Ташкента

**Издано за счет Республиканского целевого
книжного фонда для аренды**

ISBN 978-9943-01-542-5

© Издательство «УЗБЕКИСТАН», 2000.
© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2006.
© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2010.
© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2014.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

❁❁❁
(1818–1883)

В современном русском обществе едва ли найдется хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнесся с изумительнейшей чуткостью, которого он не попытался истолковать...

М. Салтыков-Щедрин

И.С. Тургенев — один из замечательнейших мастеров художественного слова, в совершенстве владеющий богатством русского литературного языка. Тонкий знаток дворянского быта, психологии своих героев, Тургенев большой мастер изображения характеров, изумительно точных, обогащенных глубоким смыслом картин русской природы и жизни русских людей. Представитель старинного дворянского рода, восходящего к эпохе царя Ивана Грозного, И.С. Тургенев неоднозначно относился к своему сословию. Истинный дворянин, аристократ по воспитанию, умеренный противник крепостничества, «постепеновец»¹ по мировоззрению и политическим убеждениям Тургенев в своих произведениях выступал искренним и честным критиком дворянства второй половины XIX века. Его собирательные образы (Рудин, Ася, Инсаровы и др.) правдиво отображают вырождение дворянства, охотно потребляющего материальные и духовные ценности, ничего не создавая взамен. Дворянство — наиболее образованная, когда-то влиятельная часть российского общества, теперь остро критикующее изъяны в государственном устройстве, но ничего не делающее для его оздоровления. Представители этой части дворянства и

---

¹ *Постепеновец* — противник революционных преобразований жизни, сторонник умеренных помыслов за эволюционное изменение жизни народа в сторону ее совершенствования в лучшую сторону.

являются предметом художественного изображения в ряде произведений И. Тургенева. Литературная критика обозначила таких дворян как «лишних людей».

И.С. Тургенев — писатель мужественный, самокритичный, человек в высшей степени честный и порядочный. Художественная правда его романов и повестей — это такое правдивое освещение своего «больного» сословия, что нередко писатель подвергался острой критике.

Отец его, Сергей Николаевич, будучи молодым поручиком кавалерийского полка женился на богатой помещице Варваре Петровне Лутовиновой, чье имение находилось в Орловской губернии и давало солидные доходы от крепостных крестьян. Умная, образованная, обладающая сильным характером и тонким вкусом, Варвара Петровна была натурой эгоистичной, деспотически властной по отношению к крестьянам и дворовой челяди. Она слыла хорошей хозяйкой в доме и в имении, содержала свои финансы в безупречном состоянии. Сергей Николаевич, напротив, занят был только собой, ни в какие дела имения не вмешивался, что в общем-то вполне устраивало волевою, энергичную Варвару Петровну.

Несколько лет семья Тургеневых жила в Орле. Здесь родился первый сын, затем через два года — 9 ноября 1818 года появился на свет будущий талантливый писатель Иван. Его детство прошло в усадьбе Спасское-Лутовиново. Мать сердцем чувствовала «неземное дарование» своего любимца Ивана. Требовательная к себе и особенно к дворовой челяди, она так же относилась и к детям, проявляла порой к ним свой жесткий характер, добиваясь от Ивана подчеркнутого обожания. Иван безгранично любил мать, но тяготился ее суровой опеки, доходившей до несправедливых наказаний даже за мелкие детские шалости. «Я родился и вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и пр., — вспоминал позже Тургенев. — Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне». Подросток Иван удивлялся, как в матери уживаются и холодная жестокость к людям и любовь ко всему красивому — к цветам, природе, птицам, к голубому небу. Она постоянно заботилась о красоте роскошного лутовиновского парка, равных которому не было во всей Орловской губернии. Она создала домашний театр, в доме имелась пре-

красная библиотека, в которой Иван был одним из постоянных читателей. Варвара Петровна не жалела ни сил, ни денег, ни времени на то, чтобы дети — Николай и Иван — получили хорошее светское образование. И ее усилия не пропали даром. Особенно радовал ее Иван, который уже в раннем детстве владел французским, немецким и английским языками — умел грамотно писать и хорошо, почти без акцента, говорить. А знание родного языка — русского было предметом особой материнской заботы.

Когда Ивану исполнилось 9 лет, родители переехали в Москву, чтобы дать своим детям «европейское» образование. Какое-то время Иван учился в частном пансионе, были наняты известные в то время учителя, готовившие будущего писателя к поступлению в Московский университет. Усилия родителей были не напрасны. В 15 лет Иван Тургенев успешно сдал вступительный экзамен в Московский университет, стал студентом. А по окончании первого курса он с родителями переехал в Петербург — центр русской культуры и науки.

Здесь, в Петербургском университете, Тургенев изучает литературу, историю, совершенствует знания иностранных языков. Но больше всего увлекается философией и мечтает когда-нибудь стать профессором философии. Но в перерывах между занятиями пробует свои силы и в художественном творчестве. Пишет романтически окрашенные стихотворения, создает первую свою драматическую поэму «Стено».

Окончив Петербургский университет, обнаружив при этом большие способности к разносторонним научным знаниям, Иван переезжает в Германию, учится в Берлинском университете. Изучает латынь, греческий, готские языки, совершенствует знания французского и немецкого языков, глубоко изучает историю Европы, немецкую, английскую, французскую, итальянскую литературу, увлекается живописью, музыкой, театром. В Италии знакомится с античным и современным итальянским искусством, в Швейцарии — с ее культурой.

И судьба сводит его с известным писателем и крупнейшим лингвистом Владимиром Ивановичем Далем, под руководством которого ему довелось работать в одном из государственных учреждений. Счастливый случай — да и только! Литературные интересы того и другого, глубокие познания богатства и

сочности великого русского языка сблизили их. Эта дружба сыграла значительную роль в становлении писателя.

Тургенев за короткое время создает ряд замечательных произведений: поэмы «Помещик» и «Разговор», повесть «Андрей Колосов», рассказы «Бретер», «Три портрета», пьесы «Неосторожность» и «Безденежье». В этих художественно ярких, стилистически своеобразных произведениях, в романтически окрашенных характерах героев с их возвышенными чувствами, светлыми мечтами в полной мере раскрылись душевный настрой, кроткое и нежное сердце писателя.

Но это были последние его сочинения в духе романтизма, уступающего свои ведущие черты новому направлению — реалистическому.

Окончательно порвав с романтическими грезами, Тургенев в течение пяти лет (1847—1851) создает серию очерков, направленных против крепостного права, показывая лучшие человеческие качества крестьян — неподдельную доброту, простоту и мудрость человеческих отношений крепостных, душевное богатство, непосредственность, поэтичность их натур.

Эти очерки объединены под общим названием «Записки охотника». В первом очерке, например, «Хорь и Калиныч» автор показывает душевную красоту двух крестьян — житейски мудрых, правдивых, наделенных тонкими человеческими чувствами. Нежная дружба, свободная от корысти и ханжества Хоря и Калиныча, не схожих ни характерами, ни житейскими наклонностями. Хорь рассудителен, практичен, в поступках решителен. Автор сравнивает его с Петром Первым, с его деятельной натурой; Калиныч эмоционален, человек пылкой натуры, поэтичен, влюбленный в природу, знает цену всему красивому, полезному для людей. Разные по характеру Хорь и Калиныч гармонично дополняют друг друга.

Тургенев убедительно показал в «Записках охотника», что крепостной крестьянин жертва не только барина-помещика, но и его помощников — приказчика, старосты, бурмистра.

Под арестом, в полицейском участке, Тургенев продолжал работать над антикрепостнической темой. Здесь он написал рассказ «Муму», в котором старая барыня по характеру напоминает его мать — ревнивая, деспотичная, волевая. В основе рассказа — живой случай, имевший место в ее жизни.

Образованнейшего дворянина И.С. Тургенева, равно как и Пушкина («Евгений Онегин»), Лермонтова («Герой нашего времени»), Гончарова («Обломов») и других демократически настроенных писателей, волнуют и такие животрепещущие проблемы российского общества XIX века, как тема вырождения дворянства, когда-то ведущей силы общества — «лишних людей», бесплодно пытавшихся взять на себя просветительскую миссию. Но при этом Тургенев видел и показал в своих произведениях и положительные черты образованной части дворянства — честность, порядочность, простодушие, чувство справедливости, благородство. Его герои — честный и благородный Каратаев («Петр Петрович Каратаев»), порядочный и справедливый Чертопханов («Чертопханов и Недоноскин») — люди образованные, гордые, они выделяются своими положительными качествами характера из среды большинства дворян. Но у них нет будущего, они в жизни неудачники, т.е. «лишние люди».

Тургенев продолжает разработку этой важной темы в романе «Рудин» (1856). Но идеалы Рудина слишком общи, лишены конкретного наполнения и оторваны от самой жизни, что и обуславливает их бесполезность. И в этом смысле Рудин, равно как Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Печорин в «Герое нашего времени» Лермонтова, Онегин в «Евгении Онегине» А. Пушкина, — «лишние люди», бесполезные обществу. И в то же время Рудин и ему подобные все же оказывали и положительное влияние на развитие передовых идей своего времени. Характеризуя личность Рудина, учитель Басистов, выражающий взгляды демократически настроенной интеллигенции, подчеркивает: «...Этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя». Но при этом сам герой — Рудин — бездействовал, не находил, да и не искал своего активного места в общественном движении России.

Национальные и общечеловеческие проблемы поднимает и художественно исследует Тургенев и в таких произведениях, как «Отцы и дети», «Ася» и других, ярко и психологически убедительно раскрывает характеры положительных и отрицательных образов. Автор создает такие живые картины жизни дворянского общества, в которых герои симпатичные или антипатичные автору, предстают перед читателем в полном объеме их страстей и переживаний.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ «АСЯ»

«...Я читал недавно кое-что из твоих повестей... Тон их удивителен — какой-то страстной, глубокой грусти. Я вот что подумал: ты поэт более, чем все русские писатели после Пушкина, взятые вместе. И ты один из новых владеешь формой — другие дают читателю сырой материал, где надо уметь брать поэзию... Но прошу тебя — перечти «Три встречи»¹, — уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределенные и прекрасные по своему безумию порывы юности, в эту тоску без тоски — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившего — как твое — любовью, страданием и всякой идеальностью».

(Н.А. Некрасов — И.С. Тургеневу, 7 апреля 1857 г.)

«Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке.

Вечер был прелестный. Ни об чем не думая, лежал я в лодке, дышал теплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие ее отношения к старухе, — и так, тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула² рассказа».

*(И.С. Тургенев в воспоминаниях современников.
М., 1969, т. 11, с. 68.)*

«...я писал ее («Асю») очень горячо, чуть не со слезами...»

(И.С. Тургенев — Л.Н. Толстому, 8 апреля 1858 г.)

«...она (повесть) прелесть как хороша. От нее веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлось эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте».

(Н.А. Некрасов — И.С. Тургеневу, 25 декабря 1857 г.)

---

¹ Повесть И.С. Тургенева.

² *Фабула* — здесь: содержание событий в их последовательности.

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н.Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы еще не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придет время — и хлеба напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана, останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея¹ возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошел в дрезденском «Грюне Гевёлбе»². Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых ее красот, необыкновенных гор, утесов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уедине-

---

¹ *Лонлакей* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

² «*Грюне Гевёлбе*» («Зеленый свод» — нем.) — название коллекции ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

ния; я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почел долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после вхождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend¹! — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие камешки мостовой четко рисовались в ее неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый ее светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трехугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле все глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен²» — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

---

¹ «Добрый вечер!» (нем.).

² *Гретхен* — героиня трагедии Гете «Фауст», символ молодости и красоты.

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытасченной на берег и опрокинутой насмоленным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (*Landsmannschaft*). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки¹, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*², *Gaudeamus*³, курят, бранят филистеров⁴; иногда они нанимают оркестр.

¹ *Венгерка* — куртка особого покроя.

² *Landesvater* — старинная немецкая песня («Отец подданных»).

³ *Gaudeamus* (лат. «будем веселиться») — старинная студенческая песня.

⁴ *Филистер* (нем.) — обыватель, мещанин.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — все это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперед — куда бы то ни было, лишь бы вперед, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнес за мною мужской голос по-русски.

— Подождем еще, — отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть ее лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка. Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновенье, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нем. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повели-

тельное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновенье — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то свое, особенное, в складе ее смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин. — Кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живем за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Через низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все еще обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил ее и повел нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград, солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зеленых лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика с косыми черными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несет молоко. Guten Abend Madame!..¹ Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы, широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася ее нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распорядись. Вели все сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственно имя ее было Анна, но Гагин называл ее Асей, и уж вы позвольте мне ее так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоем несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; ее черные волосы, остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ежиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновенье она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен.

---

¹ Добрый вечер, мадам!., (нем.).

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша все продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна¹, мы ее распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки ее казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; все осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не същешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил ее брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие площадки, зажженные студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и протиснулся с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал весла в темную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять ее голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

---

¹ *Рейнвейн* — сорт виноградного вина (букв. — рейнское вино).

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского¹ вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришел в свою комнату весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблен?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне ее бежал ручей и шумно прядал² через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за темной гранью круто рассеченных горных гребней. Гагин обратил мое внимание на некоторые счастливо освещенные места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырехугольная башня, вся черная, еще крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривленные деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

¹ Ланнер И. (1801—1843) — венский композитор.

² Прядал — катился, перекатывался.

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул ее в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шепотом Гагин, — не дразните ее; вы ее не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберется. А вот вы лучше подивитесь смышленности здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду¹. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжелых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик ее отчетливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством посматривал на нее. Уже накануне заметил я в ней что-то напряженное, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, с стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестящих на солнце. Ее движения были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на нее, хотя я невольно любовался ее легкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало еще досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

---

¹ *Зельтерская (сельтерская) вода* — минеральная вода (по названию источника Setters в Германии).

Наконец, Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подергивала ее брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились темные глаза.

«Вы находите мое поведение неприличным, — казалось, говорило ее лицо, — все равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса. Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подсела к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел ее лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уже все побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты ее мне показались больше, строже, про-

ще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил еще кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же ее нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновение; ее лицо опять изменилось, опять появилась на нем вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила ее к себе на плечо, как ружье, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее свое платье, тщательно причесанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всем. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребенок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен¹ и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущенной улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера еще обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоем: господин Н. (она указала на меня) что-нибудь еще тебе расскажет.

Она ушла.

---

¹ *Книксен* (нем.) — поклон с приседанием.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причину этому всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с нее и подавно. Я обязан быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменял разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нем ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умен, но я не мог себе представить, что с ним станется, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! трудиться ты не будешь, сражаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоем, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася все еще не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернем к фрау Луизе; я спрошу, там ли она? Крюк не велик.

Мы спустились в город и, свернув в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа...

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Освещенное окошко в третьем этаже стукнуло и открылось, и мы увидели темную головку Аси. Из-за нее выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася. — В таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил ее в карман, дошел до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шел домой, ни о чем не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней... Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнес я громко.

Я разделся, лег и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине¹, — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

V

На следующее утро я опять пошел в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, — да простою девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платье, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты ее приняли

---

¹ Фреска Рафаэля (1483—1520) «Триумф Галатеи» в вилле Фарнезина в Риме.

такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку». Я глядел на ее желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдет сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу *á la Van Dyck*¹, блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплелся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, попросил ее позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лег на траву и достал книжку; но я двух страниц не прочел, а он только бумагу измарал; мы все больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое собственно значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лег рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чем-то, вернулись мы домой. Я нашел Асю точно такую же, какую я ее оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть ее в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чем: этот день прошел в

---

¹ В стиле Ван Дейка, фламандского живописца (1599—1641).

трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А все-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорченной или смущенной; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу *à la Van Dyck* и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех ее движениях было что-то неспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино еще бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об ее жизни в России, об ее прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал ее раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Bravo! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»¹. Ася сперва все только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принужденно.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения. Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашел калитку запертою. Не долго думавши добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через нее. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошел было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слезы произносившей следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидал их обоих сквозь негустой переплет ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя рукой по ее волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через нее на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвер-

---

¹ «Герман и Доротея» — поэма Гете.

дившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить ее. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в мое отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил, наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал ее пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошел тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, ее нельзя винить, и если б вы знали ее историю...

— Ее историю?.. — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на мое замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам все.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара ее не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после нее шести месяцев. Отец увез меня в деревню и целые двадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил, наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше темное и невеселое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешел в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего все более и более грустным, в себя углубленным, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на нее; она была дика, проворна и молчалива, как зверек, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днем зажигались свечи, она

тотчас пряталась за вольтеровское кресло¹ его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался еще молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел ее: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты все узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню ее высокую стройную фигуру, ее благообразное, строгое, умное лицо, с большими темными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошелся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всем были

---

¹ *Вольтеровское кресло* — глубокое кресло с высокой спинкой (по имени французского писателя Вольтера).

рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная темным платком, с желтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — ее строгий профиль четко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увез меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь ее при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину, она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шелковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был ее учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал ее, то есть не нянчился с нею; но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин ее отец; но она так же скоро поняла свое ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить *целый мир* забыть ее происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в ее годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила. Полная независимость во всем! да разве легко ее вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при

одном звуке моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбил ее, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполонину.

Я привез ее в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил ее в один из лучших пансион¹. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такую же, какую была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на нее. «И наказать ее нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не подается». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрячилась, глядела букой... Я не мог слишком винить ее: в ее положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили ее, язвили ее и кололи как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ее стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить ее слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей все нипочем, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

---

¹ *Пансион* — закрытое учебное заведение с постоянным проживанием.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Все так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что, вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык. — А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видела же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдемте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце, точно мне втихомолку меду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал ее холодные пальчики. Мне стало очень жаль ее; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: ее внутреннее беспокойство, неуменье держать себя, желание порисоваться — все мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнет давил ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но все существо ее стремилось к правде. Я понял, почему эта

странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ее тонкому телу, привлекала она меня: ее душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своем отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее¹? Ведь это ее скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть черный кот с желтыми глазами... — Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась вниз по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить.

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в ее светлые глаза и только промолвил:

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил за ее здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

---

¹ Народная легенда о Лорелее.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради Бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы, наконец, перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и легким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»... Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей!¹ —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она все так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на нее, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я еще не летал.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

---

¹ Строки из «Евгения Онегина». У Пушкина: «...Над бедной нянею моей!».

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед — за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь ее девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалось мне ее ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мне темные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживленном лице, резво обвеянном кудрями.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблен ли я в Асю, но я много размышлял о ней, ее судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал ее; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился ее образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния¹ стыдливо в нем сквозили...

Бодро шел я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошел в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение ее лица не шло к ее наряду: оно было печально. А я пришел таким веселым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художественного жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взье-

---

¹ *Обаяние* — здесь: притягательная сила, очарование.

рошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нем кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинута на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне ее темные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на ее губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чем?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: еще с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом еще раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной должно быть очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? Скажите, что я должна делать? Я все буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне. Я не тотчас нашелся, что сказать ей. — Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет. И ее маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновенье Гагин, — не темен этот фон?

Я подошел к нему. Ася встала и удалилась.

ХП

Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что все вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так, на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило с ней, чего я не понимал. Ее взор часто останавливался на мне; сердце мое тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на нее, все хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в ее побледневших чертах, в ее нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперед всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеетесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните,

вы вчера говорили о крыльях?.. Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмутив брови.

— Я? дурного мнения? о вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гагин, — хотите, я, по-вчерашнему, сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она, бледнея.

«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему темные волны...

XIV

...Мальчик убежал.

Я пришел к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечел я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати еще не было.

Дверь отворилась — вошел Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал ее. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я.

Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвертого дня, — начал он с принужденной улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю еще более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведет. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашел ее нераздетою, в лихорадке, в слезах; голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти ее как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь ее успокоить... Рыдания ее усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на нее так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы ее презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам ее историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость ее — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увез ее, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу ее? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передрягам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнес я твердым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнем шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы все скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она. Гагин взял записку, быстро пробежал ее и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? Она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... и когда это она успела написать? Чего ж, она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чем мы остановились, наконец: во избежание беды я должен был идти на свиданье и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подавать вида, что ему известна ее записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твердо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и ее и меня. А уезжаем мы все-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Он ушел, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в нее нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, ее любовь меня и радовала и смущала. Я не мог понять, что заставило ее все высказать брату; неизбежность, скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с ее нравом, как это можно!» — сказал я, вставая.

XV

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был тот самый мальчик, который приходил ко мне поутру. Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шепотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж...

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошел, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко ее. Я подошел к ней. Она еще больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил ее руку, она была холодна и лежала, как мертвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались ее, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос ее прерывался на каждом слове.

Я сел подле нее.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать ее руку и глядел на нее. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слезы... Я глядел на нее; было что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности; точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я, едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к ее руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл все, я потянул ее к себе — покорно повиновалась ее рука, все ее тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатила с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг ее стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он все знает... Он знает, что я вижу с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат все знает... Я должен был ему все сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас все высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним.

Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате.

— Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришел сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что все искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — слышался испуганный шепот Аси, — он пришел сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она просто-душно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в ее устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь все кончено! — начал я снова. — Все. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо ее быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася все больше и больше наклонялась вперед — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и

зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять ее, но она мне не давалась. Я не выношу женских слез: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял ее за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная, меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило прийти к этой старухе, как я не удержал ее! Наедине с ней в той глухой, едва освещенной комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть ее от себя, даже упрекать ее... А теперь ее образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклоненной шее, о легком прикосновении ее головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне ее шепот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться ее? «Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XIX

...Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновенье...

XXI

Когда на другой день утром я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нем были растворены и дверь тоже была раскрыта...

— Уехали! — брякнула служанка... — Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н. К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?... — Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин: а от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне все сказала; для ее спокойствия я должен был уступить ее повторенным, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить ее у меня...»

Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну...

...Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра...

...— Возьмите. — Я взял записку: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю ее...

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кельн...

XXII

В Кельне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться, наконец, от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Темные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она...

...Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал в лучшую пору моей жизни, какую я ее видел в последний раз, наклоненной на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашел, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслью, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным... Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремленных на меня глаз, ни на чье сердце, припавшее к моей груди, не отвечало мое сердце таким радостным и сладким замиранием! Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, ее записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так легкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1875 г.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете роль Гагина в произведении «Ася»?
2. Расскажите на уроке, какое отношение сложилось у вас к образу Аси.
3. Раскройте композиционную роль «господина Н.» в повести «Ася».
4. Напишите домашнее сочинение на тему: «Поэтически яркий образ природы и ее влияние на «господина Н.». Раскройте, как вы оцениваете его слова: «Природа действовала на меня чрезвычайно».
5. Вчитайтесь в образ Аси, напишите чем и как «господин Н.» объясняет «странности» в ее характере и поведении.
6. Примите во внимание (подтвердите или опровергните) следующие высказывания русского критика о героях повести:

«Ася является в повести Тургенева восемнадцатилетней девушкой; в ней кипят молодые силы, и кровь играет, и мысль бегаёт, она на все смотрит с любопытством, но ни во что не вглядывается; посмотрит и отвернется, и опять взглянет на что-нибудь новое; она с жадностью ловит впечатления, и делает это без всякой цели и совершенно бессознательно; сил много, но силы эти бродят. На чем они сосредоточатся и что из этого выйдет, вот вопрос, который начинает занимать читателя тотчас после первого знакомства с этой своеобразной и прелестной фигурой...

...Что же касается до тестообразного г. Н., то он поступил так замысловато и вследствие этого так глупо, как может, поступить только существо, лишенное плоти и крови или одаренное весьма жалкою дозой крови плохого достоинства... У него все перепутано: чувство врывается в процесс мысли, мысль парализует чувство... Это — ходячая теория, человеческая голова на курьих ножках, выжатый лимон без соку, без вкуса и без остроты.»

(Д. И. Писарев. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова.)

Сложные отношения связывали И.С. Тургенева с его младшим современником Л.Н. Толстым. Тяга друг к другу, горячая дружба сменялась годами охлаждения и даже разрыва.

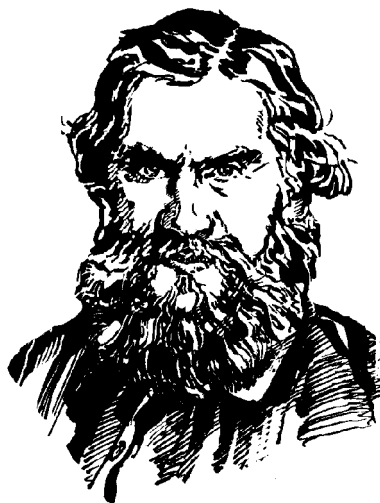
В 1857 году, в год создания «Аси», Тургенев вместе с Толстым и Некрасовым был в Париже. Это с Толстым он позднее в письме поделился раздумьями о повести «Ася». Уже будучи глубоким стариком, Л.Н. Толстой написал рассказ «После бала», где тоже поведал историю несчастной любви молодого человека. Конечно, произведение Толстого совершенно оригинально и создано отнюдь не под влиянием повести Тургенева. Но, вчитавшись, мы неожиданно обнаруживаем общие черты в биографиях героев и даже в построении произведений. Видимо, писателей привлекали некоторые сходные характеры и жизненные проблемы.

Советуем прочитать

Повести И.С. Тургенева «Андрей Колосов», «Три встречи», «Часы».

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

❧
(1828–1910)

...Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

М. Горький

Великий русский писатель Л.Н. Толстой, историческое значение которого невозможно переоценить, своими бессмертными произведениями «Война и мир» и «Анна Каренина», «Воскресенье» и «Хаджи-Мурат» снискал мировое признание. Он прожил долгую и яркую жизнь и скончался на восемьдесят третьем году жизни.

Многое испытал и пережил Толстой в своей жизни. Он был студентом Казанского университета и военным, причем часто подвергался в бою смертельной опасности на Кавказе и в Севастополе. Писатель-художник и сельский хозяин, педагог, общественный деятель и философ, Толстой известен как проповедник высокой нравственности и обличитель пороков самодержавного строя.

Тяга к поэзии проявлялась у Толстого с раннего детства. Не было ему еще восьми лет, когда однажды отец застал его за декламированием стихов Пушкина «Наполеон» и «К морю». Отца поразил тот пафос¹, с каким маленький Лев произносил эти стихи, и он заставил его продекламировать их еще раз.

Писать Толстой начал в двадцать два года. В 1851 году, живя в Москве, он создал первую редакцию повести «Детство». Когда же в следующем году повесть, после троекратной авторской переделки, была напечатана в журнале знаменитого поэта Н.А. Некрасова «Современник» и вызвала самые лест-

---

¹ *Пафос* — здесь: глубокое, торжественное чувство.

ные отзывы критики, Толстой почувствовал, что настоящее призвание его — литература, и по окончании «Восточной войны» вышел в отставку.

В возрасте тридцати четырех лет Толстой женился на дочери московского врача Софье Андреевне Берс и почти безвыездно оставался в своем имении Ясная Поляна. Его занятия — литературный труд, сельское хозяйство и воспитание детей.

Толстого привлекало общение с природой. Он любил разводить домашних животных, наблюдать созревание злаковых растений, любил заниматься садом и посадкой лесов. Толстой насадил в своем имении сто восемьдесят гектаров леса. Любил и высоко ценил крестьянский труд.

Он смолоду любил физические упражнения и занимался гимнастикой до последнего года своей жизни. Шестидесяти семи лет от роду Толстой выучился кататься на велосипеде и на коньках. Есть фотография, где Лев Николаевич снят на коньках в саду московского дома Толстых, причем снимок этот был сделан в 1898 году, когда ему было уже семьдесят лет.

Когда Толстому было около пятидесяти лет, произошел резкий перелом в его мировоззрение... Теперь он глубоко переживал нравственную незаконность своего положения богатого помещика среди нищеты окружающих его бедняков крестьян...

Свой талант он расценивает не как средство личного обогащения, а как дар, данный ему свыше для служения человечеству. В своих многочисленных статьях и художественных произведениях он борется с существующим злом и неправдой, обличает насилие и деспотизм власти, угнетение трудового народа; он протестует против любой войны, называя войну «самым ужасным злодеянием, какое только может совершить человек»... Вместе с тем Толстой не призывал людей «к топору», а призывал людей к нравственному обновлению, к освобождению от недостатков, к осознанию нравственной ответственности за все свои поступки...

...Известно, что Толстой умер не в Ясной Поляне. За десять дней до кончины он навсегда покинул свой дом, чтобы остаток жизни провести где-нибудь в глуши, в простой крестьянской избе...

В таком возрасте, когда человек обычно ищет одного только — покоя, Толстой пытается вырваться из привычных усло-

вий обеспеченного существования и начать жить в новых для него условиях.

«Я отрекся от жизни нашего круга, — писал он в «Исповеди», — признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей». Глубоким обобщением звучат слова М. Горького о деяниях Толстого: «60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все. Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век, и книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением...».

В творческом наследии Толстого множество замечательных рассказов. И один из наиболее значительных — «После бала», созданный в последние годы жизни. Сюжет основан на историческом материале из жизни русской армии в период царствования Николая I. Это тяжелое время для крепостного крестьянства отмечено и суровой службой солдат в русской армии, состоящей в основном из крестьян — бесправных, лишенных человеческого достоинства и какой бы то ни было защиты от произвола офицеров. «После бала» — это и раздумья писателя о причинах жестокости по отношению к ним, об ужасах солдатчины и произволе самодержавной власти, отразившейся и на поведении офицеров из дворянского сословия.

ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ РАССКАЗА «ПОСЛЕ БАЛА»

В 1866 году недалеко от Ясной Поляны был казнен солдат, ударивший офицера, постоянно издевавшегося над ним. Л.Н. Толстой взял на себя защиту солдата перед судом, но ничего не смог добиться. Суд над солдатом и казнь произвели на писателя тяжелейшее впечатление.

«Случай этот, — писал впоследствии Л.Н. Толстой, — имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей».

Мы ночевали у 95-летнего солдата. Он служил при Александре I и Николае.

— Что, умереть хочешь?

— Умереть? Еще как хочу. Прежде боялся, а теперь об одном Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привел Бог. А то грехов много.

— Какие же грехи?

— Как какие? Ведь я когда служил? При Николае; тогда разве такая, как нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, так ужас берет. Я еще Александра застал. Александра того хвалили солдаты, говорили — милостив был.

Я вспомнил последние времена царствования Александра, когда из 100 — 20 человек забивали насмерть. Хорош же был Николай, когда в сравнении с ним Александр казался милостивым.

— А мне довелось при Николае служить, — сказал старик. И тотчас же оживился и стал рассказывать.

— Тогда что было, — заговорил он. — Тогда на 50 палок и порток не снимали; а 150, 200, 300... насмерть запарывали...

А уж палками — недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка. Нынче уж и не знают, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У нас и солдаты Николая Палкиным прозвали. Николай Павлыч, а они говорят Николай Палкин. Так и пошло ему прозвище... Унтер-офицеры до смерти убивали солдат молодых. Прикладом или кулаком свиснет в какое место нужное: в грудь или в голову, он и помрет. И никогда изыску не было. Помрет от убоя, а начальство пишет: «Властию Божиею помре». И крышка...

Он рассказал о том, как водят несчастного взад и вперед между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровяные рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступают и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала еще кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли еще бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда зажи-

вет, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему...

Мы говорим: зачем поминать... те страшные дела: палки, сквозь строй и другие — прошли уже; зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше.

Прошло? Изменило форму, но не прошло...

Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят, запертые в тесные, вонючие помещения, и умирают медленной телесной и нравственной смертью. Жены и дети их брошены без пропитания... Тысячи сидят по крепостям или убиваются тайно начальниками тюрем, или сводятся с ума одиночными заключениями. Миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов... Царь русский не может выехать никуда без того, чтобы вокруг него не была цепь явная сотен тысяч солдат, на 50 шагов друг от друга расставленная по дороге, и тайная цепь, следящая за ним повсюду. Король собирает подати и строит башни, и на башне делает пруд, и в пруду, выкрашенном синей краской, и с машинами, представляющими бурю, катается на лодке. А народ мрет на фабриках: и в Ирландии, и во Франции, и в Бельгии.

Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время все то же и что наше время полно теми же ужасами, теми же пытками, которые для следующих поколений будут так же удивительны по своей жестокости и нелепости».

(Л.Н. Толстой. Николай Палкин).

В сороковые годы Лев Толстой жил в Казани и был знаком с полковником по фамилии Корейш и его дочерью Варварой Андреевной, девушкой светской, благородного воспитания, которая на балу окружена была лаской, нежностью, сердечной заботой своего «добродетельного» отца — подчеркнуто вежливого дворянина-интеллигента, совершенно не похожего на полковника утром в солдатской роте на плацу. Свидетелем событий, описанных Толстым в рассказе «После бала», был его брат Сергей Николаевич, потрясенный перевоплощением полковника из благовоспитанного интеллигента на балу в черствого, жестокого служаку в роте на плацу. Вот это его свидетельство и вошло в сюжет рассказа «После бала».

Название рассказа «После бала» не случайно. В дневниковых записях Толстого в июне 1903 года среди намеченных новых произведений есть указание и на «рассказ о бале и сквозь строй».

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более, что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у нее уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная.

---

¹ *Грациозная* — изящная.

Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами¹, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, все с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом, и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных² башмачках.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, а *1a Nicolas I*³ подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки, николаевской выправки.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигурка Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких, белых, атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁴, — хорошие опойковые⁵ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и оде-

---

¹ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

² *Атласный* — сделанный из атласа — шелковой гладкой блестящей ткани.

³ Как у Николая I.

⁴ *Штрипка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁵ *Опойковые сапоги* — сапоги из опойка — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

вать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя

и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну все равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, не смотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт¹. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые² с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя

---

¹ *Девический институт* — институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

² *Ломовые* — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только, когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя

воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О, господи, — проговорил подле меня кузнец. Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?». А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул

---

¹ *Шпицрутены* — прутья или палки, которыми били наказываемых.

только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним и был совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Ясная Поляна. 20 августа 1903 г.

Вопросы и задания

1. Значительная часть рассказа посвящена изображению бала, а называется он «После бала». Почему?

2. Проанализируйте облик полковника на балу и после бала; раскройте причину такой перемены. Был ли он двуличным человеком, и в чем выражается это двуличие?

3. Какими средствами изображает рассказчик полковника, Вареньку в первой части рассказа и какими — солдат и наказываемого татарина во второй части? Какими словами передает свои чувства он на балу и какими — во время истязания солдата?

4. Раскройте причину крушения любви Ивана Васильевича к Вареньке?

5. Солдаты, наказывая шпицрутенами «провинившегося», не реагировали на его мольбы «Братцы, помилосердуйте». Как вы думаете — почему?

6. Напишите сочинение на тему: «Жизненная правда и художественный вымысел в рассказе».

КРАТКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА «ПОСЛЕ БАЛА»

Художественное своеобразие, сложное построение рассказа predetermined жизненными источниками его содержания и самим характером повествования — показать удручающе контрастную жизнь двух миров: беспечную «благополучную» праздность дворянского общества и его порождение — офицерский корпус и их бесчеловечную суровость к незащищенной никакими законами солдатской службы. Униженный, лишенный личного достоинства солдат, призван защищать самодержавие, его государственное устройство, защищать Отечество и благополучную жизнь дворянского сословия. Писатель поставил перед собой художественную задачу — раскрыть двуличие представителей этого сословия «полковника с серебряными эполетами», в котором уживаются внешняя показная добродетель и непомерная черствость души, звериная сущность характера крепостника, скрытая под маской дворянского обаяния и интеллигентности. И на этом фоне двух миров — дворянского и солдатского, раскрыто воинское неравенство в самодержавной России, которую олицетворяет царь Николай I, прозванный в народе Николай Палкин. Рассказ назван «После бала», потому что его внешне «благородный» герой — носитель зла, унижающий достоинство человека, безжалостный хранитель палочной дисциплины в армии, раскрывается не на балу, а после бала во всей своей бесчеловечной сущности. Именно после бала Иван Васильевич сообщает о том, как полковник лично избивает солдата, который из жалости к наказуемому беглому с малой силой опустил свою палку на его окровавленную спину.

«— Я тебе помажу... Будешь мазать? Будешь?»

И я видел, как он своей рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он не очень сильно бил своей палкой по красной спине татарины».

Особое значение в рассказе представляет его композиционный прием — антитеза¹, в котором образная система формируется на контрастных сопоставлениях. И проявляется это не только в своеобразии использования автором изобразительно-выра-

---

¹ *Антитеза* — сопоставление противоположных мыслей, фактов или образов для усиления впечатления.

зительных средств языка, но и в цветовой и звуковой полифонии, в стилистических особенностях повествования.

Композиция рассказа, выразительные средства двух частей произведения различны при описании бала и после бала, что читатель помимо воли и оценок Ивана Васильевича обнаруживает мощную силу авторского замысла, его откровенное неприятие самой морально-нравственной системы самодержавного строя России. Авторская позиция раскрывается и в психологическом переломе характера героя, отказавшегося бывать в доме Вареньки, и от Вареньки, любовь к которой умерла вместе с радужными представлениями о жизни юного студента. Авторская позиция раскрывается в неприятии миропонимания полковника, охраняющего беззаконие властей, верно следуя призыву в своей службе. Жестокость «всеми признавалась». И им — тоже, как «справедливая», «оправданная» необходимость. У полковника свои, в отличие от автора и рассказчика, представления о воинском долге и свое понимание нравственности, основанной не на человеколюбии, а на отвратительной традиции, присущей обществу самодержавной России. Двуличие полковника предопределено самими социальными условиями, всем укладом общественного порядка в армии и дворянской среде.

Произведение «После бала» — это рассказ в рассказе. Иван Васильевич — человек бывалый и честный, излагает суть дела «очень искренно и правдиво», говорит интересно, сочным образным языком, убеждая читателя грустной правдой о полковнике в воинском подразделении, занятого контролем за избиением человека и избивающим ни в чем не повинного солдата. В рассказе четко прослеживаются две сюжетные параллели: светлый, радостный бал и мрачное, жестокое обращение с солдатами; счастливая полная светлых чувств дочка полковника Варенька и несчастный, безжалостно наказуемый солдат; беспечно-веселая обстановка на балу и жуткая картина прогона сквозь строй окровавленного солдата; галантный, с хорошими манерами полковник на балу и жестокий, бездушный служака в роте.

Первая часть рассказа — о самом бале не несет в себе острых переживаний рассказчика. Он в спокойных тонах говорит о происходящем («Бал был чудесный: зала прекрасная, с

хорами, музыканты — знаменитые...) в доме добродушного губернского предводителя, «богача-хлебосола». И жена его такая же добродушная, гостеприимная дама. Здесь и полюбил Вареньку рассказчик — любитель шампанского. Но он воздерживался от вина, ибо «без вина был пьян любовью к Вареньке». И о Вареньке рассказчик говорит спокойно — как о давно прошедшем: «Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках...» — рассказывает Иван Васильевич. Он любовался ее «высокой стройной фигурой», «ее ... зарумянившимися ямочками на лице и ласковыми, милыми глазами». Его восхищение было всеобщим — чтобы подчеркнуть обычность и естественность этого факта. Он намеренно задерживает внимание на облике Вариного отца. «Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий... Лицо у него было румяное, с белыми, как у Николая I подвитыми усами». И особо подчеркивает, что он так же, как Варенька «ласково, радостно улыбается». Однако как бы невзначай добавляет, что «он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки», т.е. строгий и жутковатый, как самодержец Николай Палкин. Однако это замечание пока еще без черных красок в его облике, наоборот, Иван Васильевич восхищается полковником, его вежливым и «милым» обхождением с дочерью.

В первой части писатель обрисовал восторженное впечатление влюбленного студента, который от нахлынувшего счастья готов был только на самые светлые поступки, «способный на одно добро». «Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать», — доверительно сообщает Иван Васильевич, завершая рассказ о происшедшем на балу. При этом автор использует изобразительные средства только светлых тонов, эмоционально окрашенные эпитеты и метафоры передают сладостное душевное состояние влюбленного героя.

А утром, когда он еще не освободился от сладостных впечатлений бала, и Варенька с ее ласковым, манящим взором и обворожительной улыбкой переполняла все его существо, Толстой употребляет иные выразительные средства в описании утра, не совпадающие с настроением героя. Детали пейзажа раннего утра даны в серых, мрачноватых тонах, предвещая смену его настроения: стоял туман, с крыш капало, снег был мокрым, тающим, мотались мокрые головы лошадей, и «покрытые рогож-

ками извозчики» шлепали по снежной жиже в «огромных сапогах подле возов»; что-то большое, черное виделось рассказчику в тумане. А в душе героя, по рассказу Ивана Васильевича, все еще было светло и радостно. «В душе у меня все время пело и слышался мотив мазурки». Однако что-то наметилось совсем другое — предвестник смены настроения, хотя герой еще не осознает: что это — другое? Только «это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка», — подчеркивает то ли герой, то ли сам писатель.

На этом завершается первая часть рассказа — впечатления от праздной ночи, проведенной на балу у гостеприимного, «добродушного» предводителя дворянства.

События, которые произошли утром, наблюдаемые героем, писатель представляет уже не как воспоминания рассказчика, а как случившееся только что, сейчас, в данный момент. И выразительные средства теперь мрачные, пугающие героя. В тумане он различает что-то «черное» и догадывается: «Очевидно, солдаты». Это «черное» — владения полковника, его повседневность, его служба в своем полку — в «страшной» обыденности солдатского быта.

Во второй части повествование лишено строгой последовательности развития сюжета как это было в первой части. Теперь рассказчик Иван Васильевич взволнован. Он потрясен увиденным. И потому его сообщение слушателям о случившемся постоянно прерывается пересказом уже ранее сказанного, он нередко возвращается к тому, что сообщил. При этом каждый раз вносит новые детали и подробности, как бы дорисовывая картину жестокости, бесчеловечного отношения полковника к «своим» солдатам. Писатель в этой непоследовательности, некоторой хаотичности рассказа высвечивает душевное смятение Ивана Васильевича, вызревание острого чувства ужаса и сердечной боли от увиденного.

Под звуки «неприятной, визгливой мелодии» выводимой флейтой, устрашающего треска *барабана* и глухо доносившихся стонаний солдата: «братцы, помилосердуйте», Иван Васильевич разглядел происходящее: жестоко палками наказывали солдата, привязанного руками к ружьям своих сослуживцев, которые тащили его сквозь строй — двух длинных шеренг. И казалось солдаты в строю не обращали внимание на стоны и призывы

«помилосердовать», усердно наносили удары по окровавленной спине «провинившегося», так как рядом шел полковник и строго следил за каждым персонально, повторяя: «Подать сюда свежих шпицрутен!».

Правдивость рассказа Ивана Васильевича сразу воспринимается читателем, потому что рассказчик представлен человеком искренним, «всеми уважаемым», глубоко равнодушным к жизни, откровенно осуждающим жестокие традиции армейской жизни. Достоверность рассказа Ивана Васильевича несет в себе заряд социального протеста писателя против той части дворянства, которая характеризуется раздвоенностью образа жизни: одна для себя — праздная, беспечно благополучная, другая — для тех, кто призван защищать это благополучие, и бесправных, униженных, забитых палками солдат.

Иван Васильевич в фигуре строгого, безжалостного полковника узнал ночного «добродетеля», «высококультурного» красивого дворянина. Потрясенный этим контрастом, Иван Васильевич испытывает острое разочарование. Восторженное отношение юного героя к жизни («я обнимал в то время весь мир своей любовью») и эта омерзительная, бесчеловечная картина наказания человека палками сквозь строй перевернула в нем все прежние представления о полковнике, наделенном царизмом властью над человеком.

Рассказывая эту историю, Иван Васильевич подает ее как случай, свидетелем которого он был: «Что же вы думаете, — обращается он к слушателям, — что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть». Для него это не обычное явление, а случай: так это было. Писатель представляет своего героя таким непонимающим того, как можно быть одновременно и добрым, воспитанным дворянином и до ужаса жестоким военачальником. Герой не пытается оценить пережитое им в юности с позиций высокой человеческой ответственности, он просто не может понять смысл тех законов, которые обуславливают это страшное поведение полковника. И мучается своим непониманием. Мучаясь, он все же остается как бы нейтральным к случившемуся, он не выражает открытого протеста против унижения человеческого достоинства, против общепринятой морали, характеризующейся признанием насилия над человеком.

Писатель, разумеется, знает, что поведение полковника на балу и в полку не отдельный случай, а серьезные социальные причины, имевшие место в самой самодержавной России. И поэтому его герой лишь в тайниках своей души ощущает догадку, что дело не в отдельном полковнике, что все значительно глубже и серьезней — в самой системе социально-общественного уклада. Пассивная форма протеста кроется в самом характере Ивана Васильевича, лишенного чувства высокой гражданственности и наделенного человеческой отзывчивостью. Он готов винить себя за эту пассивность. Но не более того. Теперь, спустя 40 лет, он так же остро переживает эту историю, но все не может подняться до глубоких социальных обобщений. Впрочем, писатель и не ставит перед собой такой задачи — возвысить героя до открытого активного протеста. Возмущение писателя, его личный протест против произвола в царской армии опосредованно, но мощно звучит в полифонии рассказа. Авторская социально-обобщенная оценка протеста вытекает из ощущения ужаса, который испытывает свидетель-рассказчик при передаче слушателям виденного и пережитого им.

Советуем прочитать

Л.Н. Толстой. Повесть «Хаджи-Мурат».

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

❧
(1853–1921)

«... в великой работе строения новой России найдет должную оценку и прекрасный труд честнейшего русского писателя В.Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем».

М. Горький

Владимир Галактионович Короленко родился в середине XIX века, в 1853 году, и прожил часть нашего XX века; ушел из жизни в 1921 году. Его родина — Украина, город Житомир. Родители — представители передового дворянства. Отец писателя служил уездным судьей — воплощение неподкупной честности, строгой порядочности. Приоритетная черта его натуры — совесть, помноженная на острое чувство справедливости в делах судебных.

Мать писателя — дочь польского зажиточного помещика, образованного и начитанного. В семье господствовали добродетель и человеколюбие. В этом духе воспитывался Владимир Короленко, рассказавший о своем детстве, овеянном интернациональными идеями, в мемуарном повествовании «История моего современника», опубликованном в 1922 году — после смерти писателя. Учился он в Житомирской и Ровенской гимназиях, затем был студентом Технологического института в Петербурге.

Отца уже не было, а мать долго не могла добиться от властей пенсии, и первые два его студенческих года прошли в большой нужде.

Унаследовав от отца неодолимую страсть к справедливости, демократ по убеждениям, молодой Короленко побывал в тюрьмах, ссылках, испытал Костромскую глушь, суровую Сибирь и униженную Якутию.

Шли годы, Короленко сменил ряд профессий, прежде чем стал писателем, хорошо знающим различные социальные слои русского общества. Широкое и глубокое знание жизни определило творческое направление писателя. С одной стороны, он глубокий реалист, с другой, — романтик. Такое сочетание сыграло заметную роль в том, что его произведения — рассказы, очерки, публицистика — стилистически всегда оригинальны, образы свежи, характеры героев проникновенно цельны. Любое его произведение наполнено светлой верой в справедливость, в возможность человеческого счастья. Большинство его произведений населяют образы простых людей — вольных сибиряков, устремленных к личной свободе (к примеру «Сон Макара»). Они предпочитают суровую, бродяжью вольницу в глухой сибирской тайге размеренной и спокойной крестьянской жизни, даже относительно обеспеченной (рассказы «Убийца», «Федор Бесприютный», «Соколинец» и др.). Герои таких рассказов свое счастье видят в своей личной свободе, даже если она противоречит здравому смыслу, вековым народным традициям. Писатель верил в то, что человеку свойственно стремление к счастью, в каком бы положении он не находился.

Тема человеческого счастья звучит и в очерке «Парадокс». Только здесь она как бы «повернута» другой стороной. Герой рассказа, названный писателем «феномен», который якобы «знает прошедшее, настоящее и будущее», провозглашает афоризм: «Человек создан для счастья, как птица для полета». Но ведь это выражение принадлежит, в отличие от «слепого музыканта», нашедшего свое счастье в труде, в служении людям, «безрукому, жалкому и отталкивающему в своем уродстве калеке». «Феномен» не только сам не верит в жизненность этого афоризма. Он смеется над ним. Да и сам писатель относится к нему иронически. «Человек создан для счастья, — подчеркивает Короленко, — только счастье не всегда создано для него». Во всяком случае не для «феномена», который в сущности и не стремится обрести человеческое счастье, а лишь довольствуется подачками от мелкого шулерства. Таким образом, афоризм «феномена» оборачивается парадоксом, ибо видится писателем как исключение из житейского опыта.

Обобщенно говоря, у «феномена» при его афоризме нет своего счастья. «А если нет счастья? — задается вопросом

писатель. И сам же отвечает на него: — Ну, что ж, исключение не опровергает правило. Нет своего — есть чужое, а все-таки общий закон жизни есть стремление к счастью...» Нередко счастье бывает не столько реальным, сколько иллюзорным. Подтверждение этому находим в самом заглавии очерка «Парадокс», открывающегося словами: «Для чего, собственно, создан человек...» Два брата, сидя на заборе, ловят рыбу в бадье в мутной воде, удочками неумело сделанными из веток березы. Они счастливы в своей игре. Но это счастье иллюзорно, вызревшее в детском воображении. И легко оно разрушается «проникшем в наш (детский) фантастический уголок неприятным и резким голосом лакея Павла». Писатель показывает, что стремление к счастью присуще всем людям, даже детям. Однако цена счастья, мнимого и реального, — вот вопрос, на который ищет ответ писатель...

ПАРАДОКС¹

(Очерк)

I

Для чего, собственно, создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма², или, по обстоятельствам, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон³ этими двумя греческими словами.

Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе, под тенью густого серебристого тополя, и держали в руках удочки, крючки, которые были опущены в огромную бадью⁴ с загнившей водой. О назначении жизни в то время мы не имели еще даже отдаленного понятия, и, вероятно, по этой

---

¹ *Парадокс* (греч.) — мнение, расходящееся с общепринятым, даже противоречащее здравому смыслу.

² *Афоризм* (греч.) — краткое выразительное изречение.

³ *Лексикон* — здесь: запас слов.

⁴ *Бадья* — огромное ведро, чаще всего деревянное.

причине вот уже около недели любимым нашим занятием было — сидеть на заборе, над бадьей, с опущенными в нее крючками из простых медных булавок и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.

Правда, уголок двора, где помещалась эта волшебная бадья, и сам по себе, даже и без живой рыбы, представлял много привлекательного и заманчивого. Среди садов, огородов, сараев, двориков, домов и флигелей, составлявших совокупность близко известного нам места, этот уголок врезался как-то так удобно, что никому и ни на что не был нужен; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушал здесь нашего одиночества.

Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча... На вершине мусорной кучи валялся старый кузов какого-то фантастического экипажа...

В то время как мы сидели по целым часам на заборе, вглядываясь в зеленоватую воду, из глубины бадьи то и дело подымались стайками эти странные существа, напоминавшие собой гибкие медные булавки, головки которых так тихо шевелили поверхность воды, между тем как хвостики извивались под ними, точно крошечные змейки. Это был целый особый мирок под этою зеленою тенью, и, если сказать правду, в нас не было полной уверенности в том, что в один прекрасный миг поплавок нашей удочки не вздрогнет, не пойдет ко дну и что после этого который-нибудь из нас не вытащит на крючке серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумеется, рассуждая трезво, мы не могли бы не придти к заключению, что событие это выходит за пределы возможного. Но мы вовсе не рассуждали трезво в те минуты, а просто сидели на заборе, над бадьей, под колыхавшимся и шептавшим зеленым шатром, в соседстве с чудесной каретой среди зеленоватых теней, в атмосфере полусна и полусказки... Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни...

III

У крыльца нашей квартиры, на мощеном дворе, толпилась куча народа. На нашем дворе было целых три дома, один большой и два флигеля. В каждом жила особая семья, с соответствующим количеством дворни и прислуги, не считая еще одиноких жильцов, вроде старого холостяка пана Уляницкого, нанимавшего две комнаты в подвальном этаже большого дома. Теперь почти все это население высыпало на двор и стояло на солнцепеке, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись с братом, разыскивая в своем прошлом какой-нибудь проступок, который подлежал бы такому громкому и публичному разбирательству. Однако отец, сидевший на верхних ступеньках, среди привилегированной публики, по-видимому, находился в самом благодушном настроении. Рядом с отцом вилась струйка синего дыма, что означало, что тут же находится полковник Дударев, военный доктор. Немолодой, расположенный к полноте, очень молчаливый, он пользовался во дворе репутацией человека необыкновенно ученого, а его молчаливость и бескорыстие снижали ему общее уважение, к которому примешивалась доля страха, как к явлению, для среднего обывателя не вполне понятному... Иногда, среди других фантазий, мы любили воображать себя доктором Дударевым, и если я замечал, что брат сидит на крыльце или на скамейке, с вишневой палочкой в зубах, медленно раздувает щеки и тихо выпускает воображаемый дым, — я знал, что его не следует тревожить. Кроме вишневой палочки, требовалось еще особенным образом наморщить лоб, отчего глаза сами собой немного тускнели, становились задумчивы и как будто печальны. А затем уже можно было сидеть на солнце, затягиваться воображаемым дымом из вишневой ветки и думать что-то такое особенное, что, вероятно, думал про себя добрый и умный доктор, молча подававший помощь больным и молча сидевший с трубкой в свободное время. Какие это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего они были важны и печальны, а затем, вероятно, все-таки довольно приятны, судя по тому, что им можно было предаваться подолгу...

Кроме отца и доктора, среди других лиц, мне бросилось в глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она сто-

яла в белом переднике, с навернутыми рукавами, очевидно, только что оторванная от вечных забот по хозяйству. Нас у нее было шестеро, и на ее лице ясно виднелось сомнение: стоило ли выходить сюда в самый разгар хлопотливого дня. Однако скептическая улыбка, видимо, сплывала с ее красивого лица, и в синих глазах уже мелькало какое-то испуганное сожаление, обращенное к предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телега, в которой как-то странно помещался человек. Голова его была большая, лицо бледно, с подвижными, острыми чертами и большими, пронизательными бегающими глазами. Туловище было совсем маленькое, плечи узкие, груди и живота не было видно из-под широкой, с сильной проседью бороды, а руки я напрасно разыскивал испуганными глазами, которые, вероятно, были открыты так же широко, как и у моего брата. Ноги странного существа, длинные и тонкие, как будто не умещались в тележке и стояли на земле, точно длинные лапки паука. Казалось, они принадлежали одинаково этому человеку, как и тележке, и все вместе каким-то беспокойным, раздражающим пятном рисовалось под ярким солнцем, точно в самом деле какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорее... Вы имеете случай увидеть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающим голосом сказал нам пан Уляницкий, проталкиваясь за нами через толпу.

Пан Уляницкий был старый холостяк, появившийся на нашем дворе Бог весть откуда. Каждое утро, в известный час и даже в известную минуту, его окно открывалось, и из него появлялась сначала красная ермолка с кисточкой, потом вся фигура в халате... Кинув беспокойный взгляд на соседние окна (нет ли где барышень), — он быстро выходил из окна, прикрывая что-то полой халата, и исчезал за углом. В это время мы стремглав кидались к окну, чтобы заглянуть в его таинственную квартирку. Но это почти никогда не удавалось, так как Уляницкий быстро, как-то крадучись, появлялся из-за угла, мы кидались врассыпную, а он швырял в нас камнем, палкой, что попадало под руку. В полдень он появлялся одетым с иголки

и очень любезно, как ни в чем не бывало, заговаривал с нами, стараясь навести разговор на живших во дворе невест. В это время в голосе его звучала фальшивая ласковость, которая всегда как-то резала нам уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди! — заговорил вдруг каким-то носовым голосом высокий субъект с длинными усами и беспокойными, впалыми глазами, стоявший рядом с тележкой. — Так как, по-видимому, с прибытием этих двух молодых людей, дай им Бог здоровья на радость почтенным родителям... все теперь в сборе, то я могу объяснить уважаемой публике, что перед нею находится феномен¹, или, другими словами, чудо природы, шляхтич² из Заславского повета³ Ян Криштоф Залуский. Как видите, у него совершенно нет рук и не было от рождения.

Он скинул с феномена курточку, в которую легко было одеть ребенка, потом расстегнул ворот рубахи. Я зажмурился, — так резко и болезненно ударило мне в глаза обнаженное уродство этих узких плеч, совершенно лишенных даже признаков рук.

— Видели? — повернулся долгоусый к толпе, отступая от тележки, с курткой в руках. — Без обману... — добавил он, — без всякого обману... — И его беспокойные глаза обежали публику с таким видом, как будто он не особенно привык к доверию со стороны своих ближних.

— И, однако, уважаемые господа, сказанный феномен родственник мой, Ян Залуский — человек очень просвещенный. Голова у него лучше, чем у многих людей с руками. Кроме того, он может исполнять все, что обыкновенные люди делают с помощью рук. Ян, прошу тебя покорно: поклонись уважаемым господам.

Ноги феномена пришли в движение, причем толпа шаракнулась от неожиданности. Не прошло и нескольких секунд, как с правой ноги, при помощи левой, был снят сапог. Затем нога поднялась, захватила с головы феномена большой порыжелый картуз, и он с насмешливой галантностью приподнял картуз

---

¹ *Феномен* (греч.) — здесь: нечто исключительное, небывалое.

² *Шляхтич* — мелкопоместный польский дворянин.

³ *Повет* — уезд на Украине.

над головой. Два черных внимательных глаза остро и насмешливо впились в уважаемую публику.

— Господи Боже!.. Иисус — Мария... Да будет похвалено имя Господне, — пронеслось на разных языках в толпе, охваченной брезгливым испугом, и только один лакей Павел загоготал в заднем ряду так нелепо и громко, что кто-то из дворни счел нужным толкнуть его локтем в бок. После этого все стихло. Черные глаза опять внимательно и медленно прошли по нашим лицам, и феномен произнес среди тишины ясным, хотя слегка дребезжавшим голосом:

— Обойди!

Долгоусый субъект как-то замялся, точно считал приказ преждевременным. Он кинул на феномена нерешительный взгляд, но тот, уже раздраженно, повторил:

— Ты глуп... обойди!

Полковник Дударев пустил клуб дыма и сказал:

— Однако, почтенный феномен, вы, кажется, начинаете с того, чем надо кончать.

Феномен быстро взглянул на него, как будто с удивлением, и затем еще настойчивее повторил долгоусому:

— Обойди, обойди!

Мне казалось, что феномен посылает долгоусого на какие-то враждебные действия. Но тот только снял с себя шляпу и подошел к лестнице, низко кланяясь и глядя как-то вопросительно, как бы сомневаясь. На лестнице более всего подавали женщины; на лице матери я увидел при этом такое выражение, как будто она все еще испытывает нервную дрожь; доктор тоже бросил монету. Уляницкий смерил долгоусого негодующим взглядом и затем стал беспечно смотреть по сторонам. Среди дворни и прислуги не подал почти никто. Феномен внимательно следил за сбором, потом тщательно пересчитал ногами монеты и поднял одну из них кверху, иронически поклонившись Дудареву.

— Пан доктор... Очень хорошо... благодарю вас.

Дударев равнодушно выпустил очень длинную струйку дыма, которая распустилась султаном¹ на некотором расстоянии, но

---

¹ *Султан* — здесь: струя дыма, похожая на украшение на военном головном уборе в виде пучка перьев или конских волос.

мне почему-то показалось, что ему досадно или он чего-то слегка застыдился.

— А! то есть удивительное дело, — сказал своим фальшивым голосом пан Уляницкий, — удивительно, как он узнал, что вы — доктор (Дударев был в штатском пиджаке и белом жилете с медными пуговицами).

— О! Он знает прошедшее, настоящее и будущее, а человека видит насквозь, — сказал с убеждением долгоусый, почерпнувший, по-видимому, значительную долю этой уверенности в удачном первом сборе.

— Да, я знаю прошедшее, настоящее и будущее, — сказал феномен, поглядев на Уляницкого, и затем сказал долгоусому: — Подойди к этому пану... Он хочет положить монету бедному феномену, который знает прошедшее каждого человека лучше, чем пять пальцев своей правой руки...

И все мы с удивлением увидели, как пан Уляницкий с замешательством стал шарить у себя в боковом кармане. Он вынул медную монету, подержал ее в тонких, слегка дрожавших пальцах с огромными ногтями и... все-таки опустил ее в шляпу.

— Теперь продолжай, — сказал феномен своему провожатому. Долгоусый занял свое место и продолжал:

— Я вожу моего бедного родственника в тележке потому, что ходить ему очень трудно. Бедный Ян, дай я тебя подыму...

Он помог феномену подняться. Калека стоял с трудом, — огромная голова подавляла это тело карлика. На лице виднелось страдание, тонкие ноги дрожали. Он быстро опустил ся опять в свою тележку.

— Однако он может передвигаться и сам.

Колеса тележки вдруг пришли в движение, дворя с криком расступилась; странное существо, перебирая по земле ногами и еще более походя на паука, сделало большой круг и опять остановилось против крыльца. Феномен побледнел от усилия, и я видел теперь только два огромных глаза, глядевших на меня с тележки...

— Ногами он чешет у себя за спиной и даже совершает свой туалет.

Он подал феномену гребенку. Тот взял ее ногой, проворно расчесал широкую бороду и, опять поискавши глазами в толпе,

послал ногой воздушный поцелуй экономке домовладелицы, сидевшей у окна большого дома с несколькими «комнатными барышнями». Из окна послышался визг, Павел фыркнул и опять получил тумака.

— Наконец, господа, ногою он крестится.

Он сам скинул с феномена фуражку. Толпа затихла. Калек поднял глаза к небу, на мгновение лицо его застыло в странном выражении. Напряженная тишина еще усилилась, пока феномен с видимым трудом поднимал ногу ко лбу, потом к плечам и груди. В задних рядах послышался почти истерический женский плач. Между тем феномен кончил, глаза его еще злее прежнего обежали по лицам публики, и в тишине резко прозвучал усталый голос:

— Обойди!

На этот раз долгоусый обратился прямо к рядам простой публики. Вздыхая, порой крестясь, кой-где со слезами, простые люди подавали свои крохи, кучера заворачивали полы кафтанов, кухарки наскоро сбегали по кухням и, проталкиваясь к тележке, совали туда свои подаяния. На лестнице преобладало тяжелое, не совсем одобрительное молчание. Впоследствии я замечал много раз, что простые сердца менее чутки к кощунству, хотя бы только слегка прикрытому обрядом.

— Пан доктор?.. — вопросительно протянул феномен, но, видя, что Дударев только насупился, он направил долгоусого к Уляницкому и напряженно, с какой-то злостью следил за тем, как Уляницкий, видимо, против воли, — положил еще монету.

— Извините, — повернулся вдруг феномен к моей матери... — Человек кормится, как может.

В его голосе была какая-то особенная, жалкая нота. Доктор вдруг выпустил бесконечную струйку синего дыма и, вынув серебряную монету, кинул ее на мостовую. Феномен поднял ее, поднес ко рту и сказал:

— Пан доктор, я отдам это первому бедняку, которого встречу... Поверьте слову Яна Залуского. Ну, что же ты стал, продолжай, — накинулся он вдруг на своего долгоусого провожатого.

Впечатление этой сцены еще некоторое время держалось в толпе, пока феномен принимал ногами пищу, снимал с себя куртку и вдевал нитку в иглу.

— Наконец, уважаемые господа, — провозгласил долгоусый торжественно, — ногами он подписывает свое имя и фамилию.

— И пишу поучительные афоризмы, — живо подхватил феномен. — Пишу поучительные афоризмы всем вообще или каждому желающему порознь, ногами, за особую плату, для душевной пользы и утешения. Если угодно, уважаемые господа. Ну, Матвей, доставай канцелярию.

Долгоусый достал из сумки небольшую папку, феномен взял ногой перо и легко написал на бумаге свою фамилию: «Ян Кристоф Залуский, шляхтич-феномен из Заславского навета».

— А теперь, — сказал он, насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм?.. Поучительный афоризм, уважаемые господа, от человека, знающего настоящее, прошедшее и будущее...

Острый взгляд феномена пробежал по всем лицам, останавливаясь, то на одном, то на другом, точно гвоздь, который он собирался забить глубоко в того, на ком остановился его выбор. Я никогда не забуду этой немой сцены. Урод сидел в своей тележке, держа гусиное перо в приподнятой правой ноге, как человек, ожидающий вдохновения. Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе, в саркастическом взгляде, как будто искавшем в толпе свою жертву. Среди простой публики взгляд этот вызывал тупое смятение, женщины прятались друг за друга, то смеясь, то как будто плача. Пан Уляницкий, когда очередь дошла до него, растерянно улыбнулся и выразил готовность достать из кармана еще монету. Долгоусый проворно поставил шляпу... Феномен обменялся взглядом с моим отцом, скользнул мимо Дударева, почтительно поклонился матери, и внезапно я почувствовал этот взгляд на себе...

— Подойди сюда, малец, — сказал он, — и ты тоже, — позвал он также брата.

Все взгляды обратились на нас, с любопытством или сожалением. Мы рады были бы провалиться сквозь землю, но уйти было некуда; феномен пронизывал нас черными глазами, а отец смеялся.

— Ну, что ж, ступайте, — сказал он таким тоном, каким порой приказывал идти в темную комнату, чтобы отучить от суеверного страха.

И мы оба вышли с тем же чувством содрогания, с каким, исполняя приказ, входили в темную комнату... Маленькие и смущенные, мы остановились против тележки, под взглядом странного существа, смеявшимся нам навстречу. Мне казалось, что он сделает над нами что-то такое, от чего нам будет после стыдно всю жизнь, стыдно в гораздо большей степени, чем в ту минуту, когда мы слезали с забора под насмешливым взглядом Павла... Может быть, он расскажет... но что же? Что-нибудь такое, что я сделаю в будущем, и все будут смотреть на меня с таким же содроганием, как несколько минут назад при виде его уродливой наготы... Глаза мои застигались слезами, и, точно сквозь туман, мне казалось, что лицо странного человека в тележке меняется, что он смотрит на меня умным, задумчивым и

смягченным взглядом, который становится все мягче и все страннее. Потом он быстро закрипел пером, и его нога протянулась ко мне с белым листком, на котором чернела ровная, красивая строчка. Я взял листок и беспомощно оглянулся кругом.

— Прочитай, — сказал, улыбаясь, отец. Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виднелось несколько тревожное участие, и механически произнес следующую фразу:

— «Человек создан для счастья, как птица для полета»...

Я не сразу понял значение афоризма и только по благодарному взгляду, который мать кинула на феномена, понял, что все кончилось для нас благополучно. И тотчас же опять раздался еще более прежнего резкий голос феномена:

— Обойди!

Долгоусый грациозно кланялся и подставлял шляпу. На этот раз, я уверен, больше всех дала моя мать. Уляницкий эмансипировался¹ и только величественно повел рукой, показывая, что он и без того был слишком великодушен. Последним кинул монету в шляпу мой отец.

— Хорошо сказано, — засмеялся он при этом, — только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полета...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя. Но тотчас же взгляд его сверкнул опять холодным открытым цинизмом. — Га! — сказал он громко, обращаясь к долгоусому. — Делать нечего, Матвей, обойди почтенную публику еще раз.

Долгоусый, успевший надеть свою шляпу и считавший, по-видимому, представление законченным, опять замялся. По-видимому, несмотря на сильно помятую фигуру и физиономию, не внушав-

---

¹ *Эмансипировался* — здесь: освободил себя от обязанности (эмансипация — лат. освобождение от зависимости).

шую ни симпатии, ни уважения, в этом человеке сохранялась доля застенчивости. Он нерешительно смотрел на феномена.

— Ты глуп! — сказал тот жестоко. — Мы получили с уважаемых господ за афоризм, а тут оказался еще парадокс... Надо получить и за парадокс... За парадокс, почтенные господа!.. За парадокс бедному шляхтичу-феномену, который кормит ногами многочисленное семейство...

Шляпа обошла еще раз по крыльцу и по двору, который к тому времени наполнился публикой чуть не со всего переулка.

IV

После обеда я стоял на крыльце, когда ко мне подошел брат.

— Знаешь что, — сказал он, — этот... феномен... еще здесь.

— Где?

— В людской. Мама позвала их обоих обедать... И долгоусый тоже. Он его кормит с ложки...

...Из-за угла нашего дома показалась худощавая и длинная фигура долгоусого. Он шел, наклонясь, с руками назад, и тащил за собою тележку, в которой сидел феномен, подобравши ноги. Проезжая мимо флигелька, где жил военный доктор, он серьезно поклонился по направлению к окну, из которого поыхивал по временам синий дымок докторской трубки, и сказал долгоусому: «Ну, ну, скорее!». Около низких окон Ульяницкого, занавешенных и уставленных геранью, он вдруг зашевелился и крикнул:

— До свиданья, благодетель... Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, как пять пальцев моей правой руки... которой у меня, впрочем, нет... ха-ха! Которой у меня нет, милостивый мой благодетель... Но это не мешает мне знать прошедшее, настоящее и будущее!

Затем тележка выкатилась за ворота... Как будто сговорившись, мы с братом бегом обогнули флигель и вышли, на небольшой задний дворик за домами. Переулок, обогнув большой дом, подходил к этому месту, и мы могли здесь еще раз увидеть феномена. Действительно, через полминуты в переулке показалась долговязая фигура, тащившая тележку. Феномен сидел, опустившись. Лицо у него казалось усталым, но было теперь проще, будничнее и приятнее.

С другой стороны, навстречу, в переулок вошел старый нищий с девочкой лет восьми. Долгоусый кинул на нищего взгляд, в котором на мгновение отразилось беспокойство, но тотчас же он принял беззаботный вид, стал беспечно глядеть по верхам и даже как-то некстати и фальшиво затянул вполголоса песню. Феномен наблюдал все эти наивные эволюции¹ товарища, и глаза его искрились саркастической усмешкой.

— Матвей! — окликнул он, но так тихо, что долгоусый только прибавил шагу.

— Матвей!

Долгоусый остановился, посмотрел на феномена и как-то просительно произнес:

— А! Ей-богу, глупство!..

— Доставай, — кратко сказал феномен.

— Ну!

— Доставай.

— Ну-у? — совсем жалобно протянул долгоусый, однако полез в карман.

— Не там, — сказал холодно феномен. — Сороковец² доктора у тебя в правом кармане... Дедушка, постой на минуту.

Нищий остановился, снял шляпу и уставился в него своими выцветшими глазами. Долгоусый, с видом человека, смертельно оскорбленного, достал серебряную монету и кинул в шляпу старика.

— Дьявол вас тут носит, дармоедов, — пробормотал он, принимаясь опять за дышло. Нищий кланялся, держа шляпу в обеих руках. Феномен захохотал, откинув голову назад... Тележка двинулась по переулку, приближаясь к нам.

— А ты сегодня в добром гуморе³, — угрюмо и язвительно сказал долгоусый.

— А что? — с любопытством сказал феномен.

— Так... пишешь приятные афоризмы и раздаешь голодранцам по сороковцу... Какой, подумают люди, счастливец!

Феномен захохотал своим резким смехом, от которого у меня что-то прошло по спине, и потом сказал:

---

¹ *Эволюция* (лат.) — здесь: маневры, маневрирование.

² *Сороковец* — серебряная монета.

³ *Гумор* (устар.) — настроение, расположение духа.

— Ха! Надо себе позволить иногда... притом же ничего не потеряли... Ты видишь, и приятные афоризмы иногда делают сбор. У тебя две руки, но твоя голова ничего не стоит, бедный Матвей!.. Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У людей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки, а тебе по ошибке поставили на плечи пустую тыкву... Ха! Это неприятно для нас, однако не изменяет общего правила...

Под конец этой речи неприятные ноты в голосе феномена исчезли, и в лице появилось то самое выражение, с каким он писал для меня афоризм. Но в эту минуту тележка поравнялась с тем местом, где мы стояли с братом, держась руками за балясины палисадника и уткнув лица в просветы. Заметив нас, феномен опять захохотал неприятным смехом.

— А! Лоботрясы! Пришли еще раз взглянуть на феномена бесплатно? Вот я вас тут! У меня есть такие же племянники, я кормлю и секу их ногами... Не хотите ли попробовать?.. Это очень интересно. Ха-ха-ха! Ну, Бог с вами, не трону... Человек создан для счастья. Афоризм и парадокс вместе, за двойную плату... Кланяйтесь доктору от феномена и скажите, что человеку надо кормиться не тем, так другим, а это трудно, когда природа забыла приклеить руки к плечам... А у меня есть племянники, настоящие, с руками... Ну, прощайте и помните: человек создан для счастья...

Тележка покатилась, но уже в конце переулка феномен еще раз повернулся к нам, кивнул головой кверху, на птицу, кружившуюся высоко в небе, и крикнул еще раз:

— Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полета.

Затем он исчез за углом, и мы с братом долго еще стояли, с лицами между балясин, и смотрели то на пустой переулок, то на небо, где, широко раскинув крылья, в высокой синеве, в небесном просторе, вся залитая солнцем, продолжала кружиться и парить большая птица...

А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье...

Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия. От бадьи несло вонью, ее глубина потеряла свою заманчивую таинственность, куча мусора, как-то скучно освещенная солнцем, как бы распалась на свои составные части, а кузов казался дрянной старой рухлядью...

Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подернутые внутренней болью...

Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему героя произведения писатель все время называет феноменом, хотя у него есть имя?

2. В чем вы видите смысл названия очерка «Парадокс»?

3. Прочтите внимательно очерк и устно перескажите поведение мальчиков-«рыболовов»; объясните их поведение. Счастливы ли они в своей детской фантазии?

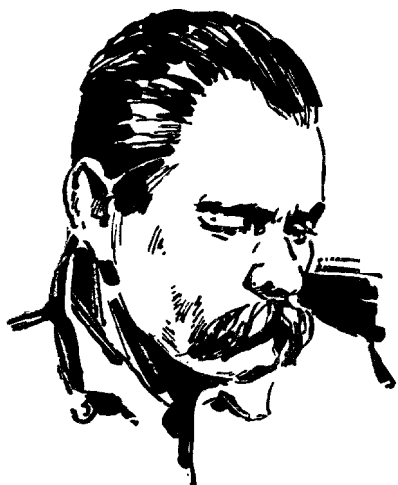
4. Оцените поступок феномена, который потребовал от долгоусого отдать нищему серебряную монету.

5. Попытайтесь уяснить для себя, в чем состоит счастье «слепого музыканта» и в чем — «феномена». И есть ли оно у них — счастье?

6. Как вы думаете, ответил ли Короленко в очерке «Парадокс» на свой вопрос: «Для чего, собственно, создан человек...»?

Советуем прочитать

В.Г. Короленко. Повесть «Слепой музыкант», миниатюру «Огоньки».

**Максим
ГОРЬКИЙ**
(Алексей Максимович
ПЕШКОВ)

❁
(1868–1936)

...Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах... Талант несомненный... и большой талант... Это настоящее искусство. Вот Вам мое мнение, и я очень рад, что могу высказать Вам его.

А.П. Чехов — М. Горькому

ГОРЬКИЙ СРЕДИ НАС

Когда хочешь назвать самую важную, главную черту горьковского могучего дара, горьковского гения, то видишь, что каждое проявление этого дара озарено одним и тем же особым внутренним светом. Мы знаем Горького-мыслителя, Горького-гуманиста, учителя жизни. Какой из этих областей ни касался бы его плодоносный талант, всюду горел внутренний свет веры Горького в победу человеческого разума. Это, кажется мне, и была главная черта его гения — неугасимая вера в победу разума.

Горький пронес свою веру через всю жизнь, с юношеских лет до последнего вздоха. И к концу жизни свет этой веры горел жарче, горел ослепительнее, чем когда-либо прежде...

Сотни оттенков человеческого чувства встречаем мы записанными для нас рукой Горького, нескончаема чередой мыслей, которых коснулся он скальпелем своих суждений, сколько красок звучит в его книгах — от любви, обожания, воспевания до гнева, презрения, ненависти. Но одной краски не было в разнообразной гамме горьковских цветов — скепсиса¹. Яд неверия в человека был для него непереносим...

---

¹ *Скепсис* — сомнение во всем, неверие.

Он был певцом света. Бесстрашное изображение мрака и мерзостей жизни, картины «дна», взбаламученного им и пробужденного к обновлению, разоблачение низости и тлена старых человеческих муравейников Горьким делались лишь затем, чтобы повторять и повторять все убежденнее, все убедительнее: но я верю, верю в победу разума, ибо, смотрите, как он могуч, невзирая на тьму его врагов, смотрите, как прекрасны дети солнца, вопреки извечным потугам варваров изуродовать красоту!..

К. А. Федин

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за огромными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан¹, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю,

---

¹ Чабан — пастух.

волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени. Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется прозрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный Богу человек идет в рай. А который не служит Богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уже рассказал... Больше не знаю... — Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим. Я хочу слышать старую песню с унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

---

¹ *Речитатив* — напевная речь.

I

«Высоко в горы вполз Уж, и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...».

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью. И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..».

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь еще немного в твоей стихии».

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул¹ в воздух и узкой лентой блеснул на солнце...

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо.... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не

---

¹ *Прыгнуть* — метнуться, прыгнуть.

разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье —землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

...Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла! — машет на нее Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Все кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расска-

жут про тайны мира, разъясят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения.

1895—1899 гг.

*ПОВОРОМ О СВОЕОБРАЗИИ
КОМПОЗИЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
М. ГОРЬКОГО «ПЕСНЯ О СОКОЛЕ»*

Литературоведение определяет композицию как построение художественного произведения, его структуры, обеспечивающие создание целостной картины романной жизни. Композиция состоит из ряда компонентов и приемов, с помощью которых и создается сюжет произведения, его художественная целостность.

Один из таких компонентов — **художественное обрамление** или **рассказ в рассказе**. Это такой изобразительный прием, который заключает основное содержание произведения в своеобразную смысловую рамку, усиливающую эмоциональное восприятие содержания.

В «Песне о Соколе» М. Горький великолепно использует прием обрамления, где рамками для главной части повествования является пейзаж, создающий настроение умиротворенности, спокойного созерцания морской стихии, как бы уставшей от недавней непогоды и лениво отдыхающей на каменистом крае прибоа.

Пейзажная зарисовка морского берега располагает к философским раздумьям о вечности и смысле жизни, о месте человека на земле. Море в «Песне о Соколе» одушевлено. Автор-рассказчик сообщает читателю о том, что оно лениво вздыхает, а всплеск ленивых волн напоминает шепот умиротворенного бескрайнего синего моря, в предчувствии новых бурь. Всему живому свое место в многообразии мира: морским волнам — вечное волнение в смене бурь и ласкающих штилей.

Умиротворенно вздыхающее море, вечерняя тишина настраивает читателя услышать от автора нечто интересное, может быть, таинственное, занимательно волнительное. Загадки жизни и смерти всегда волнуют человека, а очарование вечно

подвижного прибора пробуждает чувство, «когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний — думать», размышлять под шепот ласкающих слух и душу спокойных всплесков «ленивых волн».

Так первой частью обрамления автор подготовил читателя к восприятию философского содержания «сказки» Раги́ма.

И теперь автор-рассказчик уступает место своему собеседнику — рассказчику Рагиму, мудрому пастуху, склонному к философским раздумьям о смысле жизни, о месте человека и всего живого в ней. Глядя на игру огня в костре, на котором варится уха «из только что наловленной рыбы», Рагим начинает рассказывать свою «сказку».

Вслушаемся в его неторопливую речь. Рагим рассказывает о тусклой жизни Ужа в сыром и темном ущелье. Ему уютно и покойно в «благоговейном» его жилье, которым он гордится; он не понимает и как бы осуждает Сокола за его бессмысленное стремление подняться в небо — ближе к солнцу. Он точно знает: «рожденный ползать — летать не может... Земли творенье, землей живу я, свернувшись в клубочек».

Если в начале произведения море — сонное, умиротворенное, то в «сказке» Раги́ма после гибели Сокола оно грозное, ревущее, стонущее. Мощные волны свирепо ударяются о безмолвные скалы, рассыпаются в мириады белых брызг, беспомощно ниспадая затем в морскую пучину. Эта пейзажная зарисовка создает и эмоционально-ироническое отношение к пониманию Ужом смысла своей жизни как единственно правильной, и душевную боль за трагический финал вольной как ветер жизни Сокола.

В самом названии произведения — «Песня о Соколе» — вы улавливаете восхищенное отношение автора к судьбе (хоть и трагической) вольного как ветер Сокола — безумно храброго, порывистого даже в своем последнем поступке. «Безумству храбрых поем мы славу!» И в львином реве морской стихии звучала песня о гордой птице...

«Пускай ты умер!.. — вторгается автор в рассказ Раги́ма. — Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету». И заключительные слова автора: «Безумству храбрых поем мы

песню!» —наполнены восторженным чувством восхищения и боли за вольного Сокола, отдавшего свою жизнь в «борьбе с врагами».

И «молчит опальная даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря», потому что жизнь Сокола кончилась в бесславном порыве, как кончилась и «сказка» Рагима, воспевшая свободу и честь вольной птицы, разбившей свое умирающее сердце о холодные острые уступы гранитной скалы. «А одна из волн вблизи «закипающего котелка» игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползет к голове Рагима». Так начинается вторая часть обрамления «Песня о Соколе». Вспомним отрывок из обрамления в начале произведения: «...А море ластится к берегу... И когда в общей гармонии плеска слышится более возвышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к ним» — к автору-рассказчику и Рагиму.

Давайте зададимся вопросом, какую художественную и смысловую роль играет в произведении прием обрамления? И, наверное, каждый из вас сможет ответить: этот прием необходим, чтобы создать определенное настроение, возбудить интерес к Рагиму и на этой поэтически проникновенной основе зародить остроту восприятия философского содержания «Песни о Соколе», воспеваящей свободолюбивый характер птицы, трагический подвиг которой противопоставлен приземленным потребностям Ужа, свернувшегося в благоговейном чувстве своего превосходства над Соколом в клубок на дне сырого и темного ущелья. Каждому свое — трагическая кончина Сокола в честной борьбе с «врагами» в светлом небе над ярким блестящим морем и тусклая, никчемная жизнь в темной бездне сырого ущелья бесславного, бездушного и одинокого Ужа.

Второе, не менее важное назначение художественного обрамления «Песни...» — в побуждении читателя к раздумью о смысле жизни, о предназначении человека на земле, о смерти и бессмертии, о «безумстве храбрых» в их борьбе за жизнь на земле, согретую лучами извечного солнечного света по имени человеческий подвиг. Эта идея восходит к горьковскому афоризму: «В жизни всегда есть место подвигу». И в «сказке» Рагима — в столкновении Сокола и Ужа — заложена эта фи-

лософская мысль — о божественно ярком и приземленном, тусклом, воплощенных в образах Сокола и Ужа.

Вопросы и задания

1. Какие образы противопоставлены в песне?
2. Каким стремлением охвачен раненый Сокол?
3. Почему Уж называет стремление Сокола безумством?
4. Выпишите из текста эпитеты и афоризмы, характеризующие Ужа и Сокола.
5. Выпишите из литературоведческого словаря понятие «композиция».
6. Что такое прием обрамления и какова его смысловая и композиционная роль в «Песне о Соколе»?
7. Подготовьтесь к дискуссии на тему: «Чья правда вам больше по душе — Сокола или Ужа?».
8. Как вы думаете, почему произведение называется «Песней о Соколе», а не «Песней о Соколе и Уже»? Ведь образ Ужа занимает в произведении больше места, чем образ Сокола.
9. Сопоставьте образ природы в начале «Песни» и в ее заключительной части. Что внушает вам зарисовка моря в этих отрывках?
10. Почему, прежде чем исполнить «Песню о Соколе» Рагим заговорил о том, что «верный Богу человек идет в рай» и задается вопросом: «А который не служит Богу и пророку? Может он — вот в этой пене... Кто знает?».

Александр ГРИН
(Александр
Степанович
ГРИНЕВСКИЙ)

(1880–1932)

**Мне встречи с ним судьба
не подарила,
И лишь недавно поздние цветы
Я положил на узкую могилу
Прославленного рыцаря мечты...**

В. Вихров

Александр Степанович Гриневский (Грин — это его литературный псевдоним¹) родился 23 августа 1880 года в Слободском провинциальном городе Вятской губернии, в семье конторщика пивоваренного завода. Годы детства и юношества прошли в Вятке — «городе дремучего невежества», царстве «удушливой пустоты и немоты». Этот удручающе скучный мещанский быт провинции угнетал будущего писателя, который искал спасения в книгах, лесной охоте, в познании красот самой природы, в уединении своих дерзких мечтаний, он пытался открыть свой «философский камень»², совершая различные алхимические опыты.

Отличительная черта его характера — увлечение чем-то необычным. В школе увлекся научно-популярной книгой «Тайны руки», пытался предсказывать судьбу человека по своеобразию линий ладони. В школе его за это дразнили «колдуном». Вообще среди сверстников Саша резко отличался уровнем своего интеллекта. В отроческие годы он уже читал книги Ф. Купера, Майн Рида, Виктора Гюго, Диккенса и особенно хорошо знал классику русской литературы. Много читал научной литературы по философии, истории, филологии, но особенно увлекался кни-

¹ *Псевдоним* — вымышленное имя, которое иногда берут писатели.

² «Философский камень» — по представлению алхимиков, таинственный, чудотворный камень, якобы способный обращать все металлы в золото.

гами по морскому делу. Юноша из «сухопутной» глубинки России, одержимый мечтами о море, в 1896 году сразу же после окончания городского училища уехал в Одессу, мечтая о «живописном» труде мореплавателя. Однако поступить на паром даже каботажного плавания¹ было не так-то просто — требовались деньги, чтобы оплачивать питание и обучение морскому делу. А где их взять, если он приехал в «столицу морей» Одессу с шестью рублями в кармане. Романтическим мечтам юноши не суждено было сбыться. Скитался по России, работал рыбаком, золотоискателем (на Урале), служил солдатом. В Одессе работал переписчиком, чертежником, переплетчиком, потом — простым матросом.

Одесса, Севастополь, Ялта, Феодосия, Керчь, Старый Крым — «морские университеты». Здесь он осваивал трудную романтику моря. Здесь формировалась его писательская любовь к природе, к седым волнам прибоя.

Первый рассказ Александра Грина «Заслуга рядового Пантелеева», вышедший в 1906 году, не принес ни денег, ни славы, а был конфискован царской охранкой. Но это не обескуражило начинающего писателя. Александр Грин в том же году пишет рассказ «В Италию», затем в 1908 году выходит в свет рассказ «Апельсины».

Так началась писательская деятельность романтика по духу и по манере письма писателя Александра Грина. Он умел писать реалистическую действительность романтическими красками; его романтические произведения «Сокровище африканских гор», «Алые паруса», «Блистающий мир» — тому яркие свидетельства. А. Грин — признанный романтик-писатель, занимающий достойное место в истории литературы XX века.

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

I

В Лондоне в 1921 году, зимой, на углу Пикадилли и одного переулка остановились двое хорошо одетых людей среднего возраста. Они только что покинули дорогой ресторан. Там они

---

¹ *Каботажное плавание* — плавание вдоль побережья в пределах одного моря.

ужинали, пили вино и шутили с артистками из Дрюриленского театра.

Теперь внимание их было привлечено лежащим без движения, плохо одетым человеком лет двадцати пяти, около которого начала собираться толпа.

— Стильтон! — брезгливо сказал толстый джентльмен высокому своему приятелю, видя, что тот нагнулся и всматривается в лежащего. — Честное слово, не стоит так много заниматься этой падалью. Он пьян или умер.

— Я голоден... и я жив, — пробормотал несчастный, приподнимаясь, чтобы взглянуть на Стильтона, который о чем-то задумался. — Это был обморок.

— Реймер! — сказал Стильтон. — Вот случай проделать шутку. У меня явился интересный замысел. Мне надоели обычные развлечения, а хорошо шутить можно только одним способом: делать из людей игрушки.

Эти слова были сказаны тихо, так что лежащий, а теперь прислонившийся к ограде человек их не слышал.

Реймер, которому было все равно, презрительно пожал плечами, простился с Стильтоном и уехал коротать ночь в свой клуб, а Стильтон при одобрении толпы и при помощи полисмена усадил беспризорного человека в кэб¹.

Экипаж направился к одному из трактиров Гай-стрита. Бродягу звали Джон Ив. Он приехал в Лондон из Ирландии искать службу или работу. Ив был сирота, воспитанный в семье лесничего. Кроме начальной школы, он не получил никакого образования. Когда Иву было 15 лет, его воспитатель умер, взрослые дети лесничего уехали — кто в Америку, кто в Южный Уэльс, кто в Европу, и Ив некоторое время работал у одного фермера. Затем ему пришлось испытать труд углекопа, матроса, слуги в трактире, а в 22 года он заболел воспалением легких и, выйдя из больницы, решил попытать счастья в Лондоне. Но конкуренция и безработица скоро показали ему, что найти работу не так легко. Он ночевал в парках, на пристанях, изголодался, отошал и был, как мы видели, поднят Стильтоном, владельцем торговых складов в Сити.

---

¹ Кэб (англ.) — извозчик или экипаж, карета.

Стильтон в 40 лет изведal все, что может за деньги изведать холостой человек, не знающий забот о ночлеге и пище. Он владел состоянием в 20 миллионов фунтов. То, что он придумал проделать с Ивом, было совершенной чепухой, но Стильтон очень гордился своей выдумкой, так как имел слабость считать себя человеком большого воображения и хитрой фантазии.

Когда Ив выпил вина, хорошо поел и рассказал Стильтону свою историю, Стильтон заявил:

— Я хочу сделать вам предложение, от которого у вас сразу блеснут глаза. Слушайте: я выдаю вам десять фунтов с усло-

вием, что вы завтра же наймете комнату на одной из центральных улиц, на втором этаже, с окном на улицу.

Каждый вечер, точно от пяти до двенадцати ночи, на подоконнике одного окна, всегда одного и того же, должна стоять зажженная лампа, прикрытая зеленым абажуром. Пока лампа горит назначенный ей срок, вы от пяти до двенадцати не будете выходить из дома, не будете никого принимать и ни с кем не будете говорить. Одним словом, работа нетрудная, и, если вы согласны так поступить, я буду ежемесячно присылать вам десять фунтов. Моего имени я вам не скажу.

— Если вы не шутите, — отвечал Ив, страшно изумленный предложением, — то я согласен забыть даже собственное имя. Но скажите, пожалуйста, — как долго будет длиться такое мое благоденствие?

— Это неизвестно. Может быть, год, может быть, — всю жизнь.

— Еще лучше. Но — смею спросить — для чего понадобилась вам эта зеленая иллюминация?

— Тайна! — ответил Стильтон. — Великая тайна! Лампа будет служить сигналом для людей и дел, о которых вы никогда не узнаете ничего.

— Понимаю. То есть ничего не понимаю. Хорошо; гоните монету и знайте, что завтра же по сообщенному мною адресу Джон Ив будет освещать окно лампой!

Так состоялась странная сделка, после которой бродяга и миллионер расстались, вполне довольные друг другом. Прощаясь, Стильтон сказал:

— Напишите до востребования так: «3-33-6». Еще имейте в виду, что неизвестно когда, может быть, через месяц, может быть, через год — словом, совершенно неожиданно, внезапно вас посетят люди, которые сделают вас состоятельным человеком. Почему это и как — я объяснить не имею права. Но это случится...

— Черт возьми! — пробормотал Ив, глядя вслед кэбу, увозившему Стильтона, и задумчиво вертя десятифунтовый билет. — Или этот человек сошел с ума, или я счастливчик особенный! Наобещать такую кучу благодати только за то, что я сожгу в день поллитра керосина!

Вечером следующего дня одно окно второго этажа мрачного дома № 52 по Ривер-стрит сияло мягким зеленым светом. Лампа была придвинута к самой раме.

Двое прохожих некоторое время смотрели на зеленое окно с противоположного дому тротуара; потом Стильтон сказал:

— Так вот, милейший Реймер, когда вам будет скучно, приходите сюда и улыбнитесь. Там, за окном, сидит дурак. Дурак, купленный дешево, в рассрочку надолго. Он сопыется от скуки или сойдет с ума... но будет ждать, сам не зная чего. Да вот и он!

Действительно, темная фигура, прислонясь лбом к стеклу, глядела в полутьму улицы, как бы спрашивая: «Кто там? Чего мне ждать? Кто придет?».

— Однако вы тоже дурак, милейший, — сказал Реймер, беря приятеля под руку и увлекая его к автомобилю. — Что веселого в этой шутке?

— Игрушка... игрушка из живого человека, — сказал Стильтон, — самое сладкое кушанье.

II

В 1928 году больница для бедных, помещающаяся на одной из лондонских окраин, огласилась дикими воплями: кричал от страшной боли только что привезенный старик, грязный, скверно одетый человек, с истощенным лицом. Он сломал ногу, оступившись на черной лестнице темного притона.

Пострадавшего отнесли в хирургическое отделение. Случай оказался серьезным, так как сложный перелом кости вызвал разрыв сосудов.

По начавшемуся уже воспалительному процессу тканей хирург, осматривавший беднягу, заключил, что необходима операция. Она была тут же произведена, после чего ослабевшего старика положили на койку и он скоро уснул, а проснувшись, увидел, что перед ним сидит тот самый хирург, который лишил его правой ноги.

— Так вот как пришлось нам встретиться! — сказал доктор, серьезный, высокий человек с грустным взглядом. — Узнаете ли вы меня, мистер Стильтон? Я — Джон Ив, которому вы пору-

чили дежурить каждый день у горящей зеленой лампы. Я узнал вас с первого взгляда.

— Тысяча чертей! — пробормотал, взглядываясь, Стильтон. — Что произошло? Возможно ли это?

— Да. Расскажите, что так резко изменило ваш образ жизни?

— Я разорился... несколько крупных проигрышей... паника на бирже... Вот уже три года, как я стал нищим. А вы? Вы?

— Я несколько лет зажигал лампу, — улыбнулся Ив, — в начале от скуки, а потом уже с увлечением начал читать все, что мне попадалось под руку. Однажды я раскрыл старую анатомию, лежавшую на этажерке той комнаты, где я жил, и был поражен. Передо мной открылась увлекательная страна тайн человеческого организма. Как пьяный, я просидел всю ночь над этой книгой, а утром отправился в библиотеку и спросил: «Что надо изучить, чтобы сделаться доктором?». Ответ был насмешлив: «Изучите математику, геометрию, ботанику, зоологию, морфологию, биологию, фармакологию, латынь и т.д.». Но я упрямо допрашивал, и я все записал для себя на память.

К тому времени я уже два года жег зеленую лампу, а однажды, возвращаясь вечером (я не считал нужным, как сначала, безвыходно сидеть дома 7 часов), увидел человека в цилиндре, который смотрел на мое зеленое окно не то с досадой, не то с презрением.

«Ив — классический дурак! — пробормотал тот человек, не замечая меня. — Он ждет обещанных чудесных вещей... да, он хоть имеет надежды, а я... я почти разорен!» — Это были вы... Вы прибавили: «Глупая шутка. Не стоило бросать денег».

У меня было куплено достаточно книг, чтобы учиться, учиться и учиться, несмотря ни на что. Я едва не ударил вас тогда же на улице, но вспомнил, что благодаря вашей издевательской щедрости могу стать образованным человеком...

— А дальше? — тихо спросил Стильтон.

— Дальше? Хорошо. Если желание сильно, то исполнение не замедлит. В одной со мной квартире жил студент, который принял во мне участие и помог мне, года через полтора, сдать

экзамены для поступления в медицинский колледж. Как видите, я оказался способным человеком...

Наступило молчание.

— Я давно не подходил к вашему окну, — произнес потрясенный рассказом Ива Стильтон. — Давно... Очень давно. Но мне теперь кажется, что там все еще горит зеленая лампа... лампа, озаряющая темноту ночи... Простите меня.

Ив вынул часы.

— Десять часов. Вам пора спать, — сказал он. — Вероятно, через три недели вы сможете покинуть больницу. Тогда позвоните мне, — быть может, я дам вам работу в нашей амбулатории: записывать имена приходящих больных. А спускаясь по темной лестнице, зажигайте... хотя бы спичку.

Вопросы и задания

1. Почему Александр Грин дал название рассказу «Зеленая лампа»?
2. Определите, что является кульминацией в рассказе «Зеленая лампа».
3. Какие художественные средства использовал автор в создании образов рассказа?

Советуем прочитать

А. Грин. «Голос и глаз», «Гнев отца», «Комендант порта», «Алые паруса».

Абдулла КАДЫРИ

❧
(1894–1940)

Абдулла Кадыри — классик узбекской литературы, яркий, широко известный за пределами Узбекистана писатель и поэт, драматург и публицист; его произведения «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря», «Несчастливый жених», «К моей нации» и др. вошли в сокровищницу восточной культуры. «Чтобы увидеть величие гор, надо отойти от них на расстояние, то же происходит с оценкой свершений и личностей великих людей, — писал Иззат Султанов в статье «В зеркале одной судьбы», посвященной 95-летию со дня рождения большого узбекского писателя Абдуллы Кадыри, — чтобы, увидеть и осознать величие, непреходящую ценность творчества Абдуллы Кадыри... потребовалось более полувека».

Абдулла Кадыри (Джулкунбай) родился в 1894 году в Ташкенте в семье зажиточного торговца. Среда его обитания в детские и отроческие годы — купцы, богатые и бедные дехкане, талантливые ремесленники, пребывающие в вечной нужде мелкие кустари и безземельные крестьяне. Этот мир трудового люда, а также городская интеллигенция сыграли заметную роль в формировании мировоззрения будущего писателя. А. Кадыри знал жизнь своего народа не понаслышке и не по книжкам, а впитывал в себя ее особенности путем непосредственного общения с ним. Он закончил старометодную школу, учился в русско-туземной школе и в медресе. Увлекался чтением произведений Навои, Лютфи, Мукими, Фурката, Чулпона, Фитрата. Этот самобытный писатель формировался на рубеже двух веков — сложного, противоречивого, беспокойного времени, социальных,

политических и нравственных потрясений. И, естественно, само это время не могло не оставить следа в его мировоззрении и художественном творчестве — тоже противоречивом, не свободном от житейских и социальных предрассудков. Однако в целом путь его литературных исканий отмечен постоянным подъемом, замечательными творческими свершениями. Вершина его поисков — ясные ответы на острые исторически сложившиеся социально-общественные вопросы бытия, реалистически широкое изображение живой современной и «омертвевшей во времени» исторической действительности. Вершина его творчества — исторические романы «Минувшие дни» (1926) и «Скорпион из алтаря» (1929) — первые в узбекской литературе произведения исторической тематики.

Противоречия раскрываются через трудные судьбы героев романа «Скорпион из алтаря» — образы Анвара и Рано, которые, вопреки желаниям Абдурахмана подчинить девушку своей воле и наперекор интригам Шаходата-муфтия, искренне любят друг друга и готовы создать свою семью.

Рано, стремившаяся ко всему прекрасному, чистому, благородному, предстает в романе замечательной девушкой, обладающей типичными чертами народного характера — искренностью, чистотой помыслов, душевной простотой и открытостью. Она любит Анвара чистой, светлой любовью — бескорыстно и преданно. Для нас Анвар воплощение мужества, чувства справедливости, безграничной честности. Таким она видит своего любимого, такой он есть и на самом деле. Он смел, умен, находчив в борьбе за свою Рано, в которой души не чает. Он просто не представляет жизни без своей любимой.

Благодаря своему уму, расторопности, таланту, смекалке и трудолюбию бывший сирота вырос в значительную фигуру в обществе ханского двора — стал мирзой (т.е. секретарем), пользовался значительным авторитетом среди вельмож. Однако в отличие от многих из его окружения он не потерял духовной связи со своим народом, хранит добропорядочные человеческие отношения, выступает против насилия и произвола, оставаясь честным, порядочным человеком. Анвару было очень трудно служить хану-повелителю, который не признает никаких законов, а всецело признает только свою волю и никогда не «советуется со своей совестью».

Одна из особенностей романа «Скорпион из алтаря» состоит в том, что писателю удалось отобразить картины жизни и истории узбекского народа, ярко и проникновенно передать колорит эпохи, раскрыть характеры героев такими, какими они были в исторически реальных условиях 40-х годов XIX века. И в этом новаторство Абдуллы Кадыри, который воспринимается как первопроходец в узбекской исторической романистике. Своим романом «Скорпион из алтаря» писатель значительно обогатил традиции реалистического направления, внес заметный вклад в формы психологического анализа героев, открыл новые пути изображения внутреннего мира человека, показал динамизм развития характеров героев.

СКОРПИОН ИЗ АЛТАРЯ

(Главы из романа)

БУДУЩИЙ ХОЗЯИН РАНО

Салих-махдум нынче что-то расщедрился: из мечети зашел к мяснику, купил мяса на целую таньгу¹ и луку на восемь грошей. Придя домой, приказал двум своим ученикам, упражнявшимся в каллиграфии, оставить занятия, полить и подмести цветник при доме, а сам с покупками пошел на женскую половину.

Нигор-аим только что отпустила девочек, своих учениц, и, взяв на руки крошку сына, кормила его грудью. Рано, сидя на корточках рядом со своими двумя младшими братьями, лепившими что-то из глины, с увлечением играла с ними, не замечая, что ее длинные тонкие косички метут землю и все в пыли.

Салих-махдум с покупками в руках вошел через крытый коридор и, застав дочь в таком неподобающем виде, сказал:

— Вот так умница наша Рано! Для тебя не то что атласа, бязи на платье жалко!

Рано поднялась с земли и, застыдившись, спрятала за спину перепачканные в глине руки.

— И не совестно тебе! Сейчас же пойди вымой руки! Я считал несмышленищами твоих братьев, а ты, оказывается, еще хуже.

---

¹ *Таньга* — серебряная монета, достоинством в 20 копеек.

Рано побежала к арыку, а Нигор-аим сказала:

— Совсем еще дитя наша Рано!

Салих-махдум, сердясь на дочь, продолжал ворчать:

— Нечего делать — читай книги, займись каллиграфией, ты как-никак не дочь гончара...

Он положил мясо около Нигор-аим и поднялся на айван¹. Нигор-аим не обратила внимания на его нотации². Ее сейчас больше интересовало, почему муж принес столько мяса, что заставило его раскошелиться. Правда, на кухне Нигор-аим мясо не было редкостью, порой бывали и целые туши, весом в несколько чораков³, но приносил их не муж. Щедрость же махдума обычно измерялась восьмушками, и то покупал мясо в те редкие дни, когда пятничные приношения учеников — плата за учение — оказывались больше, чем он ожидал. Нынче Нигор-аим никак не могла отнести его щедрость в счет этих приношений.

— Что-то много мяса вы купили... Анвар, что ли, велел? — спросила она.

— Нет, — сказал махдум, вешая чалму на деревянный колышек, вбитым в стену, — просто я решил приготовить манты, давно мы их не ели.

Вернулась Рано, умытая, чистенькая. Смущенно взглянув на отца, она села рядом с матерью и стала нежно ласкать крохотные ручки ребенка, сосавшего грудь Нигор-аим.

Салих-махдум снял халат и, подойдя к жене с дочерью, стал перед ними с важным видом.

— Рано, дочь моя, — сказал он наставительно, — ты уже не дитя, пора перестать ребячиться... Что сказали бы люди, если бы увидели, что ты как маленькая играешь с братишками? Слава богу, тебе уже пора самой быть хозяйкой дома... Теперь, дочь моя, ты должна взвешивать свои поступки сообразно своему возрасту!

Рано, покраснев, взглянула на мать и опять стала целовать ручонки малыша.

---

¹ *Айван* — крытая терраса.

² *Нотация* — правоучение, наставление.

³ *Чорак* — мера веса, в Кокандском ханстве равнялась двум килограммам.

— Видно, до тех пор не станет взрослой наша Рано, пока не вручите ее будущему хозяину, — сказала Нигор-аим.

От этих слов Рано совсем застыдилась и спрятала лицо на груди ребенка. Салих-махдум, усмехнувшись, направился к двери.

— Встань, Рано, хватит бездельничать, — сказал он, надевая кавуши¹. — Помоги матери — нарежь мясо, почисти лук. Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве.

Когда отец ушел, Рано подняла голову и посмотрела на мать с шутивным упреком. В ее взгляде не было теперь смущения, вызванного словами матери, — напротив, в нем светилась радость. Ведь в этих немногих словах, которыми только что обменялись родители, прямо говорилось о судьбе Рано — цветка, расцветшего в их саду. «Пока не вручите ее хозяину...» — эти слова Нигор-аим, может быть немножко грубоватые, говорили о том, что у Рано уже есть хозяин. И оттого, что Рано хорошо знала, кто ее хозяин, и готова была на крыльях лететь к нему навстречу, в ее глазах не было ни тревоги, ни смущения, а сияла радость. Фраза: «Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве», — для Рано была полна глубокого смысла.

ЖЕНИТЬБА МАХДУМА. САЛИХ-МАХДУМ ОТКРЫВАЕТ ШКОЛУ

Салиху-махдуму было двадцать лет, и он еще учился в медресе, когда умер его отец. Старший брат его со своей семьей переехал в Маргелан и сделался там имамом. Салих-махдум с матерью и шестнадцатилетней сестрой Наймой остался в Коканде. Никаких доходов у них не было, семья терпела нужду, и Салиху пришлось бросить ученье и искать какую-нибудь работу.

На тяжелую черную работу он не годился, а для того, чтобы занять место имама, был слишком молод — борода еще не выросла. По совету родных и соседей Салих решил открыть школу у себя на дому, собрав с десяток учеников из ближайших

---

¹ *Кавуши* — кожаные калоши.

кварталов. Это удалось сделать с большим трудом, но зато, став учителем, Салих принялся за дело с усердием, как говорится, засучив рукава. Первые годы особых доходов школа не приносила, ибо количество учеников не превышало пятнадцати-двадцати человек, и их пятничных приношений в виде продуктов и денег едва хватало на пропитание семьи. Но других источников заработка у махдума и его близких не было и приходилось довольствоваться этими приношениями.

Когда юноше исполняется двадцать лет, а девушке пятнадцать, то главная забота их матери — поиски невесты и жениха. Для Мохлар-аим, матери Салиха, эта забота была как рана, посыпаемая солью: сыну ее перевалило за двадцать, дочери исполнилось восемнадцать — значит, нужны были и жених и невеста.

Судьба дочери ее не так беспокоила — Найма была красива, хорошо воспитана, трудолюбива: кто-нибудь да женится на ней — не бек, так из рода беков, не мударрис, так мукаррир¹.

Труднее было с махдумом. Заработок его был невелик, в наследство от отца ему достался дом — только и всего. Если Мохлар-аим не женит его, пока жива, — без нее как он женится? Мохлар-аим решила уладить дело с помощью Наймы, то есть выдать Найму замуж в такую семью, где можно было бы найти и невесту Салиху. Такой обычай «перекрестного сватовства» существует издавна, но дело это сложное. Надо было найти такую семью, которая была бы им ровней по происхождению и где были бы и сын и дочь, да притом невеста была бы хороша собой. На поиски ушло целых два года, и все без толку. Наконец уже на третий год хлопоты Мохлар-аим увенчались успехом.

В семье одного, теперь уже умершего, мирзы² из ханского дворца был сын, учившийся в медресе, и шестнадцатилетняя дочь, сидевшая дома, и от безделья жевавшая серу. Предложение Мохлар-аим было встречено в этой семье с радостью. Недаром говорится: людей сближает общая забота. Свахам сына мирзы понравилась Найма, и они приняли предложение

---

¹ *Мударрис* — преподаватель медресе; *мукаррир* — репетитор, младший преподаватель медресе.

² *Мирза* — здесь: секретарь, письмоводитель, писарь.

Мохлар-аим. Та в свою очередь отправилась в дом покойного мирзы на смотрины невесты и, вернувшись, сказала Салиху: «А девушка-то пригожая». Смотрины женихов тоже удовлетворили обе стороны. Договорились: ни с той, ни с другой стороны никакого калыма, каждая семья устроит угощение, и, снарядив невест, кто как может, разведут их по домам. Обе свадьбы справили на той же неделе. Найма-ханум ушла туда, Нигор-ханум пришла сюда. Вот так Салих-махдум и стал женатым.

На третий год существования школы Салиха-махдума дела его поправились, — теперь у него было уже до сорока учеников. Когда же Салих-махдум достиг тридцатилетнего возраста, школа его славилась во всей округе и число учеников возросло до ста. Михманхана¹ его стала уже тесна для занятий, и он выстроил отдельное помещение для школы. Там были классы для уроков грамматики и каллиграфии.

Салих-махдум привлек к работе и Нигор-ханум. Немного подучив жену, он сделал из Нигор-ханум учительницу — «отин-биби». Девочки из ближайших кварталов приходили к ней учиться. Благодаря своей школе Салих-махдум завоевал уважение в городе, привел в порядок свое хозяйство, увеличил достаток в доме. В сорок лет он стал имамом в мечети своего квартала, еще больше расширил школу, и имя муллы Салиха-махдума стало известным в городе. Его бывшие ученики, ставшие кустарями, торговцами, студентами медресе, выказывали ему уважение и приумножали его славу.

Некоторые из них даже удостоились чести быть принятыми на работу во дворец хана.

РАНО

Внешность человека редко соответствует его имени. Я понял это в пору моей заносчивой юности, когда особенно ищешь во всем красоты... Однажды — не то у нас дома, не то еще где-то, хорошо не помню, — зашел разговор о девушке по имени Лола², об ее способностях к рукоделию. Собеседники были мне людьми близкими, я считал неудобным расспрашивать о девуш-

---

¹ *Михманхана* — комната для гостей, приемная.

² *Лола* — тюльпан.

ке, но вопрос — красива ли она — был для меня гораздо важнее ее рукодельного искусства. Мне казалось, что именем «Лола» мог называться только ангел. Лола, думалось мне, должна быть и красива, как тюльпан. И я решил во что бы то ни стало увидеть ее. Увидеть лицо взрослой девушки и в наши дни дело нелегкое, а лет десять назад было еще труднее. Как говорится, «горя в огне ожидания», я бродил по улицам в надежде случайно встретить Лолу. И наконец я увидел ее, когда она шла с кувшином за водой.

Если не считать сережки в носу, ничего красивого у нее в лице не было. Я не поверил своим глазам и спросил мальчишку, стоявшего рядом, как зовут девушку.

— Это Лола-апа, — сказал он.

А мне послышалось «Мола-апа»¹, — право, ей это больше подходило бы.

Несколько дней я искренне негодовал. В юности можно досадовать и по такому поводу...

А вот имя Рано вполне соответствовало ее красоте. Я не художник. Но если бы я был им, я не стал бы вам описывать ее наружность, а просто нарисовал бы ее — для этого понадобилась бы только сок из цветка шиповника.

Салиха-махдума нельзя считать хорошим человеком, он корыстолюбец, скряга, но природа щедра: среди шипов распускается роза, ядовитая пчела собирает сладкий мед. И вот на кусте, усеянном колючками, расцвел чудесный цветок — Рано¹.

Для нас, узбеков, особенно для кокандцев, характерен особый, слегка желтоватый цвет лица. Но это совсем не та желтизна, которая является признаком болезни.

Все оттенки шафрана грубы для того, чтобы изобразить особенность этого цвета кожи. Пожалуй, больше всего лицо этой красивой девушки и было похоже на бледно-желтый цветок шиповника. Даже пушок на лице Рано золотистый. Волосы Рано, иссиня-черные в тени, на солнце тоже излучают теплый золотой отблеск. Этот отблеск появляется и в ее глазах, когда

---

¹ *Мола-апа* — дословно: сестра, уважительное обращение к старшей по возрасту женщине, прибавляется к имени собственному.

² *Рано* — цветок шиповника.

она пристально смотрит на вас. Черный цвет их тогда смягчается, и в них зажигается огонек. Ресницы ее так густы, что глаза кажутся подведенными сурьмой. Брови ее как два клинка, соединенные легкой линией над изящной формы носиком. Над губами, каждую минуту готовыми раскрыться в улыбке, темнеет легкий пушок. Лицо ее не овальное, но и не круглое, как луна. Когда она смеялась, то на щеках, румяных, как яблоки, появлялись ямочки, и вся она казалась похожей на цветущий шиповник. Ее густые волосы рассыпались по спине и плечам бесчисленными косичками. Покрытые хной ногти на ее нежных пальчиках — как лепестки цветов. Словом, это была красавица, достойная того, чтобы ее воспевали в песнях не только в Коканде, но и по всей Фергане.

Рано — первенец Нигор-аим, в этом году ей исполняется семнадцать лет. Она училась у своего отца и четырнадцати лет закончила программу начальной школы. Она изучила священные книги — Хафтьяк, Коран «Чарах-китаб», сочинения Суфи-Аллаяра, «Маслаки Муттакин», по литературе — все произведения Навои, «Диван» и «Лейли и Меджнун» Физули, Амири, Фазли, а также произведения крупных чагатайско-узбекских поэтов; на персидском языке она прочла книги хаджи Хафиза Ширази и Мирзы Бедиля; кроме того, занималась каллиграфией, изучала грамматику. Теперь она помогает матери заниматься с ученицами и продолжает брать у отца уроки арабской грамматики, изучает «Гулистан» шейха Саади¹, а также составляет для себя сборник стихов любимых узбекских поэтов. Иногда она сама сочиняет стихи, но это ее тайна. Если сти-

---

¹ «Чарах-китаб» — «Четверокнижие» — книга, излагающая основные положения ислама и его обрядовые установления. Учебное пособие мусульманской школы. «Маслаки Муттакин» — мусульманское богословское сочинение — «Опора нации». Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт и мыслитель. Физули (около 1485—1556 гг.) — выдающийся азербайджанский поэт. Амири — узбекский поэт первой половины XV в. Фазли — узбекский поэт, живший в Коканде в начале XIX в., автор популярных лирических произведений. Хаджа Хафиз Ширази (Хафиз) — гений персидской лирики (1300—1389). Мирза Бедиль (1644—1720) — выдающийся поэт, живший в Индии. Шейх Саади (Саади) (около 1184—1291 гг.) — великий персидский поэт, автор поэмы «Гулистан» и других произведений.

хотворение нравится ей, она показывает его одному человеку, и человек этот верный, никому не выдаст ее тайны.

Вы уже видели красоту Рано, ее поэтический облик. Теперь отметим ее острый ум, образованность, нравственные качества. Надо признать, что такие девушки редко встречались. Но при всей ее серьезности она сохранила детскую непосредственность, во всех играх своих младших братьев она участвовала как равная. За спиной матери она могла из-за пустяков поссориться с ученицами. Вдруг она бросала занятия и убегала, обидевшись, например, на то, что девочки не приготовили урока. Правда, мать ее не бранила за это, зато от отца ей приходилось выслушивать немало наставлений. Она не очень любила отца — и не потому, что он донимал ее нравоучениями, но из-за матери: она понимала, как мучает ее отцовская скупость. Когда Рано сердилась на отца, она совершенно серьезно говорила матери: «Вы сами виноваты во всем, — если бы вы вышли замуж за другого человека, мы теперь не мучились бы». Конечно, такими упреками Рано способна была только рассмешить огорченную женщину.

Однажды в сердитую минуту она написала сатирические стихи про отца и показала их своему другу, который много смеялся. Для того, чтобы позабавить и вас, мы приведем здесь несколько строк.

...Коль прольется масло в лужу, — выпьет лужу господин.
На базаре покупает что похуже господин.
— Серьги мне нужны, а также ожерелье — для Рано, —
Скажет мать, и кулаками машет тут же господин...
— Надевать сережки вредно! Уши можно оттянуть! —
Криком скупость прикрывает неуклюже господин.

На этом пока мы оставим наших героев.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

Не успела Рано скрыться в ичкари¹, как вошел махдум.

— Пожалуйте, Шахидбек, пожалуйте! — повторял он.

Вслед за хозяином, тяжело ступая и отдуваясь на каждом шагу, появился толстый человек лет пятидесяти. Синяя чалма обвивала его голову, лохматые брови нависали над глазами,

---

¹ *Ичкари* — женская половина дома.

серебряный пояс охватывал талию и слегка затягивал огромный живот. У входа в сад произошла заминка.

— Входите же, прошу вас...

— Нет, нет, сначала вы...

— Прошу вас!

— Не будет ли это невежливостью с моей стороны?..

Но излишние церемонии были явно в тягость телесам Шахидбека, он не хотел утомлять себя, и пошел впереди махдума.

— А, мирза Анвар уже здесь... — промолвил он.

Анвар встал им навстречу. Они поднялись на супу¹.

Шахидбек подобострастно поздоровался с Анваром и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на почетное место, ибо подняться по лесенке на супу было для него очень трудно, и для дальнейших церемоний сил уже не осталось. Передохнув, он снял с себя верхний халат, снял и пояс, положив его рядом с собой, бросил на подушку чалму, вытер пот со лба и стал обмахиваться.

— Здоровы ли вы, мирза?..

— Слава богу, здоров. А вы?

— Слава богу!

— Вы, кажется, немного задержались сегодня во дворце? — спросил Анвара махдум.

— Срочные дела были.

— После смерти главного дворцового писаря, — сказал Шахидбек, — вся тяжесть работы, говорят, свалилась на вас, мирза?..

— Да, — отвечал Анвар, — иногда бывают срочные письма, приказы, которые необходимо вовремя отправить. Иной раз приходится даже ночевать во дворце.

Шахидбек опять вытер потный лоб.

— Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь...

Анвар исподтишка глянул на махдума, встал и, отойдя к лесенке, стал надевать кавуши.

— Пойдите в ичкари, узнайте, готово ли кушанье, — попросил его махдум. — Если готово, принесите.

— Хорошо.

Анвар ушел в ичкари.

---

¹ *Супа* — возвышение в доме для бесед, чаепития и приема гостей.

Глядя ему вслед, Шахидбек спросил Махдума:

— Давно живет у вас мирза?

— Почти четырнадцать лет.

— Видно, он у вас как сын родной?

— Больше того!

— Ваша дочь тоже стала уже взрослой?

— Слава богу...

— Дай им бог долгие лета! — сказал Шахидбек. — Вы можете сделать мирзу своим зятем...

— Есть такая мысль! — отвечал махдум. — Мы и воспитывали его как свое родное дитя, и теперь желаем сделать своим зятем, потому что предпочитаем Анвара многим другим юношам из благородных и знатных семей...

— Правильно, — сказал Шахидбек, — поистине справедливо!.. Вы хорошо понимаете, что при выборе зятя ученость и воспитанность важнее родовитости...

— Хабба! — сказал, подмигнув, махдум. — Мы как раз и руководствуемся этими соображениями.

Шахидбек был соседом махдума и занимал при Худоярхане должность одного из сборщиков налогов. Он не был особенно близок с махдумом, когда-то даже восстанавливал жителей квартала против него, не желая, чтобы махдум стал их имамом. Внезапная дружба между ними возникла всего два-три дня назад, потому что в эти дни повсюду пошли разговоры о возможном назначении Анвара начальником дворцовой канцелярии. Эти разговоры заставили призадуматься и друзей и недругов махдума. Между прочим, Шахидбек за эти дни потерял чуть ли не четвертую часть своего веса: ведь сборщики налогов частично подчинены начальнику канцелярии. Если не наладить отношения с махдумом, могут произойти неприятности. Мысленно Шахидбек уже слышал, как махдум говорит Анвару: «Этот бек когда-то обидел меня, теперь пусть расплачивается — сними-ка его с должности сборщика налогов». Конечно, Анвар не посмеет отказать в просьбе своему учителю и, став правителем, уволит Шахидбека от должности.

Шахидбек, разумеется, вовсе не желал назначения Анвара правителем канцелярии, но помешать этому был не в силах. И хотя повышение Анвара было только предположением, Шахид-

бек на всякий случай решил принять свои меры предосторожности. Он начал с того, что, явившись в мечеть на молитву, стал поблизости от махдума — раньше он молился в другой мечети — и прослушал Коран, который был прочитан махдумом. На следующий день, после утренней молитвы, он поклонился махдуму, спросил о здоровье и сказал:

— Как я был обрадован, услышав, что Анвара хотят назначить главным писарем! Хорошо, что во дворце будет теперь наш человек. Я уже просил за него моих дворцовых друзей.

Несмотря на всю свою практичность, махдум не умел отличить друга от недруга, вернее, за пару ласковых слов или ради копеечной выгоды готов был забыть многолетние обиды. И тут он сразу всему поверил. «Видно, этот негодник победил в себе шайтана, — подумал махдум, — позабыл свою вражду и радуется назначению Анвара. Значит, как ни силен в нем шайтан, а все же справедливость взяла верх!» И он дружески рассказал Шахидбеку все, что знал о предполагаемом назначении. Нынче, придя на предзакатную молитву, он даже пожаловался Шахидбеку на «глупого» Анвара, который недоволен предстоящим назначением и хочет отказаться от него. Шахидбек, подумав немного, сказал: «Дайте-ка, я сам поговорю с мирзой Анваром». Ведь если Анвар будет назначен и в этом деле какая-то доля участия будет принадлежать Шахидбеку, то... Словом, остальное понятно. Мысленно Шахидбек уже видел перед собой широкое поле деятельности.

— Если бы вы мне сообщили, когда мирза Анвар будет дома, я бы сам зашел к нему, — сказал он махдуму.

До этого дня махдум не слишком верил слухам о назначении Анвара. Сам Анвар отвечал на все расспросы махдума — «пустые слова, ерунда» и не придавал никакого значения разговорам. Но теперь об этом толковал уже весь Коканд, и в довершение всего посетивший махдума мирза Султанали серьезно просил его повлиять на Анвара. Теперь махдуму казалось, что главное — это уговорить Анвара, и он чувствовал нужду в советчиках и помощниках. Поэтому предложение Шахидбека он принял весьма благосклонно:

— Хабба! Наверное, Анвар уже дома. Если вам будет угодно, пойдемте к нам.

УГРОЗА МАХДУМА

Анвар расстелил посреди супы скатерть, принес манты. Усевшись друг против друга вокруг блюда, все трое стали есть. За едой Шахидбек потихоньку стал подбираться к намеченной цели.

— В народе только и разговору, — сказал он, уплетая манты, — что вы наследуете должность главного писаря, недавно скончавшегося. Мы не совсем поняли: правда это или только слух? Конечно, мы сейчас все точно узнаем от вас. Признаюсь, меня, вашего доброжелателя, и всех моих единомышленников эти слухи очень обрадовали... Мы постоянно слышим от дворцовых людей, что вы обладаете большими талантами, необходимыми для занятия этой высокой должности...

Тут Шахидбек посмотрел на махдума. Махдум снял с бороды кусочек застрявшего в ней теста и попросил гостя кушать.

— Еще вчера, — сказал махдум, беря с блюда манты, — я не очень верил этим слухам. Однако сегодня они меня уже не удивляют. Что удивительного в том, что Анвар будет назначен главным писарем? Слава богу, познания его велики, ум есть, способностями бог не обидел...

Протянув руку к блюду, Анвар улыбнулся. Шахидбек обливался потом. Горячая еда в такую жару... Вытирая платком лоб и шею, он посмотрел на Анвара.

— Ну, мирза Анвар, что вы нам скажете?

— Разговоры такие идут, — сказал Анвар, косясь на махдума. — Но они ведутся без моего участия и против моей воли. Поэтому не стоит придавать им значения.

Шахидбек и махдум переглянулись.

— Значит, вы не хотите занять должность главного писаря? — спросил Шахидбек.

— Конечно, нет.

— Но почему?

— Потому что я не люблю высоких и ответственных должностей, — сказал Анвар, опустив глаза и уставясь в какую-то точку на скатерти.

— Но такие джигиты, как вы, не могут оставаться всегда на одном месте. По мере того как растет их опыт, им дают повышения. Вот и вас, очевидно, собираются повысить в должнос-

ти... Ваш талант и ваши знания обязывают вас принять назначение.

— Я вовсе не так талантлив, как говорят, — сказал Анвар. — Молодому человеку вроде меня, недавно пришедшему во дворец, смешно и думать о том, чтобы стать главным писарем. Я хочу сказать, что есть писари, муфтии¹, поэты, которые служат там по двадцать и по тридцать лет, они спят и видят во сне, как бы занять эту должность. Не смешно ли неопытному юноше стремиться опередить их? Меня особенно удивляет, что этим слухам верят даже люди, которые знают дворцовые обычаи и на собственной шкуре испытали многие интриги.

Шахидбек вытер руки и засмеялся:

— Ваше неверие в себя — просто ребячество?

— Ребячество, ребячество! — подхватил махдум. Манты были съедены. Махдум выпил подливку, оставшуюся на блюде, и вылизал все дочиста. После того как прочли молитву, Анвар хотел унести скатерть и блюда, но Шахидбек остановил его:

— Подождите, мирза, оставьте-ка блюда, прежде надо решить с этим.

Анвар сложил все на край супы и снова сел. Махдум громко рыгнул и сказал:

— Благодарение богу!

— Ну, так как же, мирза Анвар?

— Да так и будет, как я вам сказал, бек-ака. Не стоит больше говорить об этом.

Шахидбек взглянул на махдума.

— Стоит или не стоит, — вспыхнул вдруг махдум, — но должен же ты наконец послушать, что тебе говорят!

— Пожалуйста, говорите!

— По слухам, которые дошли до нас, — сказал Шахидбек, шевеля пальцами, — в списке рекомендованных его величеству лиц есть и ваше имя!

— По слухам — есть, — улыбнулся Анвар.

— Если судить по тому, что говорят верные люди из дворца, грамота будет написана на ваше имя.

— «Будет» еще не значит «есть»...

---

¹ *Муфтий* — толкователь шариата, законовед, дающий заключение по духовным и юридическим вопросам.

— Хорошо, — сказал Шахидбек, обмахиваясь платком, — да-
вайте скажем так: «если будет»... Как вы поступите, если гра-
мота будет выписана на ваше имя?

Анвар засмеялся и покосился на махдума.

— Бек-ака, не будет этого.

Махдум нахмурился и строго взглянул на Анвара. Шахид-
бек сказал:

— Нет, вы отвечайте на вопрос: а если так будет?

— Тогда я попрошу извинить меня и откажусь.

— Глупости! — сказал махдум и отвернулся. Шахидбек с
сожалением покачал головой:

— Вы сами себе противоречите. Раньше вы сказали: «Кро-
ме меня, есть много претендентов, я не могу надеяться на такое
повышение». А сейчас совсем другое говорите...

— Грех отталкивать дар божий, топтать хлеб ногами! — вра-
зумительно произнес махдум.

Анвар опять улыбнулся, потом, сразу посерьезнев, сказал:

— Хорошо, допустим, что у меня, как говорят люди, есть
способности, достаточные, чтобы выполнять обязанности глав-
ного писаря, предположим, что мне дадут грамоту, и я займу
это место. Что же вы думаете, тот, кто двадцать-тридцать лет
ждет не дождется заполучить эту должность, оставит меня в
покое? Разве не будет он изо всех сил тянуть меня за ноги,
чтобы стащить с этого места? Именно поэтому я и хочу оста-
ваться на своем месте. Свою теперешнюю работу я предпочи-
таю всем высоким постам, хотя она и не бог весть как важна.
Вот почему я собираюсь, как сказал мой учитель, оттолкнуть
дар божий.

Шахидбек посмотрел на махдума.

— Если ты будешь хорошо служить, честно относиться к
своим обязанностям, — торжественно произнес махдум, — так,
хоть весь мир на тебя ополчится, ни один волос с твоей головы
не упадет. Ибо правда всегда побеждает, а неправда бывает
повержена. К лицу ли джигиту бояться сплетен и клеветы и
оттого отказываться от служения людям! Есть пословица: «Бо-
ясь воробьев, не посеял проса», — так говорят про трусливых
людей. Если ты хочешь уподобиться тем, кто не сеет проса,
боясь воробьев... значит, я ошибся в тебе, сын мой.

— Все это так! — засмеялся Анвар и, помолчав немного, сказал:

— На словах правда всегда побеждает неправду, я это слышал не раз, но до сих пор не видел этого в жизни... Служа несколько лет во дворце, каждый день наблюдая склоки и распри между служащими, я просто брезгаю должностью, из-за которой постоянно ведутся интриги.

— Твой пример, — сказал огорченно махдум, — это исключение, редкий случай... Если всего бояться, не только во дворце нельзя служить, но и по улицам ходить опасно. Нет, раз тебе улыбнулось счастье, нельзя выпускать из рук золотую птицу, это большой грех, сын мой!

— Да, господин учитель, — сказал Шахидбек, — правильно вы говорите... Брат мой, Анвар, счастье в жизни приходит к нам только раз... Если в этот момент не ухватить его крепко, то во второй раз оно уже не встретится, и вы на всю жизнь останетесь мелкой сошкой.

— Благодарю вас за заботы. Я думаю, что вы искренне хотите мне добра, — и все-таки, прошу простить меня, я остаюсь при своем мнении...

Махдум окончательно рассердился и, прищутив один глаз, искоса поглядывал на Анвара. Так он всегда смотрел на людей, когда сильно гневался.

— Анвар, кто я тебе?

— Вы... Вы мой учитель...

— Скажи, разве мои наставления и советы когда-нибудь были тебе во вред?

— Кроме пользы, я ничего не видел от вас. Но в этом случае я хочу быть самостоятельным.

У махдума от возмущения перехватило горло, и он вынужден был проглотить слюну.

— Пожалуйста, в чем-нибудь другом поступай самостоятельно, но тут твое упрямство — просто глупость! — сказал он, рубя воздух рукой. — Вот тебе мой сказ: я — твой учитель и отец, и ты не смеешь ослушаться меня, — в противном случае пеняй на себя и делай как знаешь!

В этих словах махдума послышалась уже настоящая угроза. Анвар молчал.

— Не горячитесь, не горячитесь, — сказал Шахидбек, — мирза Анвар не такой... Я могу сказать, что все во дворце — от мала до велика — относятся с уважением к Анвару. Кому захочется строить козни против человека, который и муравья не обидит?

— Хабба! — воскликнул махдум. — Какие еще могут быть возражения — ничего, кроме ребяческого страха!.. Сорок золотых в месяц жалованья, да разные ханские подарки, да притом почет и уважение — это ли не благодать!

Слова махдума рассмешили Анвара. С трудом сдержав смех, он сказал:

— Мне кажется, несколько преждевременно говорить об этом, ведь пока еще мне не вручили грамоту на должность главного писаря...

— Анвар, сын мой, я это знаю, — сказал, смягчаясь, махдум, — но я боюсь, как бы ты своими ребяческими рассуждениями не испортил дела, если бог пошлет тебе такую честь. Поэтому я и говорю об этом заранее. Я слышал, ты собираешься уведомить хана, что отказываешься от назначения?

— Кто это сказал?

— Оставим в покое того, кто это сказал! Но твои сегодняшние речи дают основание думать, что ты способен на это. Неужели ты действительно хочешь так поступить?

— Возможно, что тот, кто вам это сказал, говорил правду. Впрочем, если вы не одобряете этого... тогда конечно...

— Хабба! — сказал просиявший махдум. — Довольно ребячиться, трусость — плохое качество. «Если уж падать, так падать с высоты», — у этой поговорки глубокий смысл.

Говоря так, махдум гордо посмотрел на Шахидбека. Он вдвойне был горд: во-первых, слова Анвара — «если вы не одобряете» подтверждали, что Анвар считается с мнением махдума, и, во-вторых, показывали, что он не пойдет против воли учителя.

Шахидбек, наевшийся до отвала и непривычно много и горячо говоривший за обедом, устал и теперь, развалясь на подушках, приветствовал достигнутое двумя сторонами взаимопонимание:

— Молодец, мирза, вот так-то лучше...

Выпив по две пиалы чаю и прочтя фатыха, махдум с Шахидбеком стали собираться к вечерней молитве. Анвар проводил Шахидбека до ворот. Прощаясь с Анваром, Шахидбек сказал:

— Я думаю, бог даст, вы получите грамоту... А потом у меня будет с вами особый разговор — надо посоветоваться относительно некоторых сборщиков налога. Вы — свой человек, и то, что вы будете назначены главным писарем, нам на руку.

— «Если у соседа есть скот, то навоз и нам перепадет», говорит пословица, — добавил махдум.

Удрученный всем этим разговором, Анвар покачал головой и вернулся на супу.

ИСТИННЫЙ ДРУГ

В детстве Анвар был тихим и смирным ребенком. Он мало бывал в обществе сверстников, редко играл с ними, ни с кем не дружил, не шалил и редко смеялся. В глазах его всегда была какая-то грусть. Может быть, он стал таким потому, что мало видел ласки и радости в родной семье, но ведь братья-то его были совсем другими. Правда, говорят, что у одной матери бывают разные дети. Анвар был совсем непохож на своих братьев. Впрочем, он несколько изменился с тех пор, как поселился в доме махдума. Он и здесь сторонился ребят, но зато полюбил маленькую Рано и от души веселился, придумывая для нее всякие забавы. Он гулял с девочкой по саду, говорил ей, как называются разные цветы и птицы, ходил с ней на берег реки, заботливо следя, чтобы Рано не оступилась и не упала в воду.

Когда им случалось увидеть похоронную процессию и они слышали, как в толпе жалели сирот, потерявших родителей, Анвар говорил: «Когда умерла моя мама, ее тоже несли по улице... и я тоже, как вон тот мальчик, шел за гробом и плакал...».

Рано внимательно слушала его, засыпала вопросами, и Анвару не надоедало отвечать ей, он старался удовлетворить ее любознательность.

Анвар был не по летам серьезен и чуток, он горячо сочувствовал людям в их несчастьях. С раннего детства он любил цветы. Поселившись в доме махдума, мальчик взял на себя

заботу о цветнике, который занимал большую часть сада. Анвар сам поливал и подметал его, выпалывал сорную траву. Никому он не позволял рвать цветы и, если видел, что кто-нибудь из детей срывает цветок, огорчался и бранил виновника. С помощью школьников он добывал семена и рассаду разных цветов. С каждым годом его цветник разрастался и становился все богаче. Летом Анвар поручал ребятам ловить жуков и бабочек; кто приносил их живыми и невредимыми, тому он помогал готовить уроки. Бабочек и бронзовых жуков он выпускал в свой цветник и радовался, когда они садились на цветы. В летние дни над цветником махдума носились рои белых, розовых, голубых в крапинку, зеленых и желто-коричневых бабочек. Все свободное время Анвар проводил в цветнике.

Все в доме любили Анвара, и он тоже относился ко всем хорошо. Но любил он только Рано да еще своего одноклассника, мальчика, по имени Насим. Насим и Анвар были очень дружны, понимали друг друга с полуслова, делились сокровенными своими мыслями.

Отец Насима был одним из самых влиятельных людей в Коканде, известным во всем ханстве. По происхождению и богатству мальчишки были далеки друг от друга, как небо от земли, но юные друзья не придавали этому значения. Насим ничуть не кичился тем, что он сын правителя ханской канцелярии, а Анвар не стыдился того, что был сыном Садима-красильщика, приемышем Салиха-махдума. Посторонний человек, увидев, как эти два мальчишка, сидя рядышком, с увлечением беседуют, удивился бы: «Что общего может быть у барчонка в шелках с этим полунищим в рваной рубахе?». Но сами мальчишки этого не чувствовали.

Часто Анвар с разрешения махдума проводил у своего товарища пятницу. Он понравился и отцу Насима Мухаммеду Раджаббеку. Насим рассказал отцу, что друг его — сирота, и, вероятно, по просьбе сына Мухаммед Раджаббек несколько раз к праздникам дарил Анвару новую одежду. Такое расположение знатного человека радовало махдума. По мнению махдума, дружба с сыном такого человека, как Мухаммед Раджаббек, скрепленная к тому же дорогими подарками, была большой удачей. При виде этих подарков махдум даже стал иначе

В течение трех недель все поминальные ночи, когда по умершему читают Коран, Анвар проводил в доме Мухаммеда Раджаббека.

В последнюю ночь Мухаммед Раджаббек стал расспрашивать Анвара:

— Как поживает ваш учитель?

— Слава богу, хорошо.

— Как идет ваше ученье?

— Ничего.

— Вы живете в доме своего учителя?

— Да, ваша милость!

— Не обижают вас там?

— Нет, ваша милость.

— Изучали ли вы математику?

— Нет, ваша милость.

— А ваш учитель знает математику?

— Думаю, что нет, ваша милость!

— Если я вам дам преподавателя, хотите вы изучать математику?

— Конечно, если разрешит мой учитель.

— Пусть ваш учитель придет ко мне завтра вечером.

— Хорошо, ваша милость!

Назавтра махдум пришел к беку. Мухаммед Раджаббек говорил с махдумом о том, что он думает взять Анвара на службу во дворец, но что для этого необходимы более глубокие знания арабского и фарсидского языков, а также математики. Махдум сначала немного растерялся от такого благоволения к Анвару, но, понимая причину этого расположения, стал восхвалять благородную заботу бека о бедном сироте и рассыпался в похвалах талантливому юноше. Махдум не преминул упомянуть и о всех трудностях и расходах, связанных с воспитанием Анвара, похвастался, что все время занимается с Анваром персидским и арабским языками и что Анвар уже пишет сочинения по-персидски. Но вот что касается математики, сказал махдум, тут он и сам несведущ, и потому Анвару нужен учитель, который преподавал бы ему эту науку.

На это Мухаммед Раджаббек ответил, что учителя он найдет сам, и отпустил махдума.

МАХДУМУ ПОВЕЗЛО

С того дня в жизни Анвара открылась новая страница. Теперь махдум уже не смотрел на него как на приемыша-сироту, которого ждет злая судьба, и, может быть, даже сожалел, что Анвар не его родной сын. В самом деле, ну как не пожалеть об этом, когда перед ним встал, например, такой вопрос: «Если Анвар поступит на службу во дворец и будет получать в месяц пять—десять золотых жалованья, то куда пойдут эти «наличные деньги»?».

Этот вопрос, как оса, жалил сердце махдума. «С десяти лет я его кормлю, учу, одеваю, — значит, заработок его по праву принадлежит мне», — думал махдум, но в то же время не был уверен в своей правоте. Да, вопрос был сложный.

Если раньше слова Мохлар-аим о том, чтобы выдать Рано замуж за Анвара, казались ему «глупыми, ничего не стоящими» и раздражали его, то теперь он не только подумывал об этом серьезно, но рассуждал уже так: «Если Анвару повезет и дальше — в этом нет ничего удивительного. Быть сиротой не позор, происхождение не имеет значения, человеку нужны ум и достоинство, нужна удача. Конечно, на красоту Рано польстится всякий, но и Анвар не откажется от нее... И вот — единственный способ соединить вместе все доходы». К такому выводу пришел махдум.

Еще месяц назад он говорил Нигор-ханум: «Анвар уже становится взрослым. По шариату он чужой тебе и Рано, вы не должны открывать перед ним лица». Но приказ этот не выполнялся женщинами, а теперь махдум и не настаивал на нем, полагая, что Анвару это пришлось бы не по душе.

Анвар стал изучать математику с одним муфтием, приглашенным Мухаммедом Раджаббеком, научился писать деловые бумаги. Махдум же еще усерднее занимался с Анваром персидским и арабским языками.

В течение года Анвар изучил то, что требовалось по математике, усвоил правила составления документов и достиг больших успехов по другим предметам. И вот, начиная с весны, он стал каждый день ходить во дворец практиковаться в делопроизводстве с писарями, работавшими под руководством правителя ханской канцелярии Мухаммеда Раджаббека. Около года он

работал, не получая жалованья, но каждую неделю Мухаммед Раджаббек давал ему из своего кармана немного денег. И эти небольшие деньги Анвар каждый раз отдавал своему учителю, все больше укрепляя в махдуме надежду на будущее.

За год практики Анвар основательно изучил дворцовое делопроизводство, мог вести книги и сочинять послания на персидском и узбекском языках наравне с опытными писарями. Он умел на основании устного распоряжения правителя канцелярии написать нужное письмо, грамоту или же выправить и привести в надлежащий вид написанное другими писарями, не столь искушенными в знании грамматики и получавшими не раз выговоры от главного писаря. Анвар же почти не имел никаких замечаний.

Со второго года своей службы во дворце он уже стал получать жалованье — семь золотых в месяц. Кроме того, он получил бумагу, освобождающую его семью от налогов. Эта бумага была большим облегчением для хозяйства махдума. Освобождение от налогов и семь золотых в первый же месяц полностью перешедшие в карман махдума, были для него двойным торжеством. Трудно даже описать состояние махдума, когда он получил эти семь золотых — глаза у него перекосились, рот расплылся в улыбке. «Хабба! Твой урожай хорош, Анвар, только будь осторожен с деньгами, сын мой», — сказал он. Зато Нигор-ханум обиделась на Анвара, узнав, что семь золотых достались махдуму. «Напрасно, Анвар, ты отдал все деньги хозяину, — говорила она. — Ведь тебе нужно справить одежду, постель, а на остальное не худо было бы принарядить и твою сестренку Рано. Салих ничего путного не сделает с этими деньгами, только поплюет на них, завяжет в узелок и спрячет».

Но семь золотых «наличными», полученные махдумом, прибавили и ему заботы. Он стал думать, что времена трудные, дурных людей вокруг много, может случиться, что кто-то отобьет у него Анвара, и удар обрушится в тот самый момент, когда он только нацелился на богатство... «Не привязать ли уж сразу к себе Анвара, женив его на Рано?» — думал он. Но Рано в это время было всего одиннадцать лет.

Однажды, когда Анвар пришел со службы, махдум повел его в сад. Там он показал ему чудесный солнечный участок.

— Хочу здесь для тебя построить дом — комнату, айван, кухню и конюшню... Хабба, Анвар? — спросил он.

Анвар рассмеялся:

— Дом построить — надо не меньше полсотни золотых, а у меня нет ни копейки. А деньги, что у меня будут, принадлежат вам и маме, пока вы не дадите мне фатыха.

— Хабба... ты щедр! — воскликнул махдум. — Конечно, это правильно, но мне хочется, чтобы ты уже теперь копил деньги на постройку дома, которую начнешь, когда мы с матерью дадим тебе фатыха. Но строить-то ведь будем не раньше, как через три-четыре года...

Во время этого разговора Рано стояла неподалеку с ребенком на руках. Махдум позвал ее и сказал:

— Хабба!.. Вот здесь мы, Рано, построим дом твоему брату Анвару. Как ты на это смотришь?

Рано не поняла.

— Да ведь есть михманхана, где живет брат Анвар! — сказала она.

— Хе-хе-хе... Ты совсем еще дитя, дочка, — ребенок! — сказал, смеясь, махдум. — Не всегда же брат Анвар будет спать в михманхане. В один прекрасный день он женится, так же как и ты выйдешь замуж... Нужен дом, дочка?

Анвар смутился от этих слов и покраснел. Рано взглянула на Анвара и, будто сердясь, отвернулась от отца и ушла на женскую половину. Так махдум ловко сумел высказать Анвару свою заветную мысль, а заодно как бы обезопасил Анвара от происков дурных людей.

Этот разговор не прошел для Анвара бесследно. Если до сих пор он любовался еще нерасцветшей красотой Рано, не думая ни о чем, то теперь, глядя на нее, он стал лелеять сладкие мечты о счастье.

Махдум не зря беспокоился. Вокруг Анвара объявились разные «бескорыстные» советчики. Одним из таких «бескорыстных» оказался зять Анвара, который так и загорелся, прослышав про семь золотых. Надира, подстрекаемая мужем, стала уговаривать брата:

— Муж говорит, чтобы ты переезжал к нам, обещает женить тебя.

Но Анвар не слушал ничьих советов, не послушался он и сестру. Сказал, что пока махдум не разрешит, он не уйдет из его дома, но обещал помогать сестре и тем успокоил ее.

Из жалованья за второй месяц Анвар оставил себе три золотых, попросив разрешения сделать домашним подарки. Махдум согласился с трудом, сказав при этом: «Сын мой, это никуда не годится! Ну, да уж так и быть, только впредь не безумствуй больше!». А Нигор-аим купила себе и Рано обновки: себе — шерсти, Рано — атласа на платья.

Потихоньку Нигор-аим стала руководить Анваром. Она уговаривала его не отдавать махдуму всего жалованья, оставлять часть на свои расходы. «Что ты ни дашь ему, все себе возьмет. Но тогда нам с тобой ничего не достанется. А раз так, нужно действовать разумней». Нигор-аим знала, что махдум не станет ссориться с Анваром. Все же, несмотря на все ее уговоры, Анвар месяцев семь-восемь отдавал махдуму весь свой заработок, а за это получал от него только благословение.

Деньги, полученные от Анвара, ничего не изменили в обиходе дома и в привычках махдума, — оставалась, как говорится, «все та же старая баня и старая шайка». Каждый день ели пустой суп, а в праздники плов, сваренный из того, что приносили ученики. Анвар, приходя поздно со службы, ел его простывшим; лепешек дома не пекли, а принесенные в четверг учениками черствели за неделю так, что стучали, как деревянные, и покрывались плесенью.

Скоро Анвару надоела такая жизнь, и он решил последовать советам Нигор-аим. Уж лучше хорошо питаться, чем получать взамен заработанных золотых одно только благословение. Анвар стал покупать мясо и разную провизию для дома, заказывать кушанья, какие ему нравились; приоделся сам и принарядил Рано и Нигор-аим. Купил одежду сестре Надире и ее детям; два золотых истратил на подарки Мохлар-аим, которая жила в Маргелане и сильно болела. Такая расточительность беспокоила махдума.

— За этот месяц вы, кажется, сильно потратились, сын мой, — высказал он свои опасения.

— Я только справил самое необходимое, — отвечал Анвар.

На следующий месяц, когда Анвар купил одеяла и подушки, махдум так посмотрел на него, что пришлось отдать два золотых за «бескорыстные» моления учителя о благополучии ученика.

Все же махдум был очень расстроен. «Шайтан, что ли, его попутал, прости господи!» — удивлялся он и читал соответствующие молитвы.

Анвар по-прежнему был приветлив и обращался с махдумом почтительно, но, когда вопрос касался его заработка и «ненужных трат», отмалчивался. Это очень угнетало махдума.

— Сын мой, Анвар! — сказал однажды махдум. — Богатство добывается с трудом. Человек может жить и впроголодь, а золото надо беречь... Если твои деньги будут храниться у меня, все равно они останутся твоими, сынок!

Но даже такие чувствительные речи не подействовали на Анвара. Договорившись обо всем с Нигор-аим и Рано, он отдавал махдуму установленную долю — два золотых в месяц. Человек привыкает ко всему, и махдум в конце концов удовлетворялся этим и перестал вмешиваться в расходы Анвара. Но всякий раз, когда Салих-махдум получал два золотых, у него щемило сердце при мысли об остальных.

МИЛОСТЬ ХАНА

На третий год своей службы в ханской канцелярии Анвар пользовался уже большим авторитетом среди писарей. Несомненно, он лучше всех умел составлять и править документы; у него был красивый почерк, а стиль его отличался простотой и доступностью. Это отмечали все, начиная с писарей, — дворцовые поэты, муфтии, правитель канцелярии Мухаммед Раджаббек и даже сам хан. Худояр-хан приказывал читать себе вслух грамоты и письма, к которым должен был приложить руку, и часто не понимал фраз, составленных наполовину из арабских и персидских слов. «Ваши матери за арабов, что ли, замуж повыходили?» — бранил он писа-

рей. Но каждую бумагу, написанную Анваром, он слушал, как музыку, все было ему понятно в ней, и он говорил, вызывая зависть в сердцах других писарей: «Этот юноша учение вас всех!».

В конце концов правитель канцелярии Мухаммед Раджаббек стал поручать Анвару составление самых важных бумаг. Отлучась куда-нибудь, он оставлял канцелярию на Анвара, так как доверял ему больше, чем всем остальным. Анвар был беспристрастен и бескорыстен, решал все дела справедливо, не превышал своих полномочий и не интересовался приработками, помимо положенного жалованья.

Мы особенно подчеркиваем эту черту Анвара, ибо даже потом, в правление русского царя, писаря в мусульманских судах получали, как все хорошо помнят, плату «за перо» и всякое маленькое дело раздували и затягивали, чтобы получить взятку... Прошениям на имя хана, написанным не ими, в большинстве случаев не давали хода. Поскольку плату «за перо» получил кто-то другой, а не дворцовые писари, то такую бумагу обычно рвали, не показав ни главному писарю, ни хану. Если податель прошения справлялся о нем, то ему говорили, что оно было написано неграмотно и оставлено его величеством без внимания, а потому следует написать новое. И жалобщик вынужден был просить дворцовых писарей писать новую бумагу за особую плату. Между писарями канцелярии шли постоянные раздоры, они жаловались друг на друга хану, — как говорится, лили воду один под другого, часто, сводя личные счета или в угоду хану, губили ни в чем не повинных людей и были причиной ужасных трагедий.

Анвар же не брал взяток, не затевал никаких интриг, никогда не использовал своего положения в корыстных целях, особенно же он был далек от того, чтобы следить за другими и доносить на них. Он делал свое дело в канцелярии, исполнял, что ему поручали, всегда старался довести до хана жалобы бедняков и добиться, чтобы они были уважены. Своей справедливостью и честностью он невольно мешал другим писарям, которые думали, что он умышленно расстраивает их планы и всякие махинации, и поэтому он скоро стал объектом их лютой ненависти. Но на стороне Анвара был Мухаммед Раджаббек,

пользовавшийся доверием хана и большим влиянием во дворце, и потому враги, как ни старались, не могли повредить Анвару. Кроме того, помимо некоторых старых писарей, которые, подобно Шаходату-муфтию, точили «зубы и когти» против Анвара, в канцелярии были у него и доброжелатели, вроде Султаны, очарованные его умом и знаниями.

Уже пять лет, не считая первого года практики, прослужил Анвар во дворце, как вдруг несколько дней тому назад, проболев всего неделю, умер правитель канцелярии. Анвар потерял в его лице покровителя и друга.

Шаходат-муфтий, много лет ждавший смерти Мухаммеда Раджаббека в надежде занять его место, находился в отъезде по делам службы. Обязанности правителя канцелярии временно были возложены на Анвара. Тут-то и пошли разговоры о том, что Анвар станет главным писарем. Насколько это верно, никто не знал, — слишком уж много было претендентов на эту должность из числа придворных поэтов и ученых.

АНВАР В РАЗДУМЬЕ

Проводив Шахидбека и махдума, Анвар вернулся на супу. Тотчас же, словно она только и ждала ухода мужчин, из ичкари появилась Рано. Одной рукой она придерживала на голове желтый атласный платок, готовый, казалось, сорваться и улететь. Увидев Рано, Анвар остановился у цветника возле супы. Рано приближалась к Анвару, улыбаясь ему и в то же время смотрела на него с укоризной. Подойдя к супе, она тронула рукой пустое блюдо.

— Ну, Анвар-ака, довольны вы сегодняшним угощением? — спросила она.

— Очень доволен, — сказал Анвар. — Особенно мне понравились манты, сделанные твоими руками.

— Откуда вы знаете, что я их делала?

— Откуда я знаю? — сказал, смеясь, Анвар. — Я всегда чувствую, к чему прикасалась твоя рука!

— Какие же манты делала я?

— Думаешь, не знаю?

— Не знаете!

— Края у них так старательно прищиплены, уголки у них такие ровные — как их не узнать? Я выбирал и ел только те манты, что ты делала!

— Они были вкусные?

— Мало сказать, вкусные! — сказал Анвар. — Посмотри-ка лучше на этот цветок: помнишь, когда мы только его посадили, он был розовый, а теперь, через два года, стал красным. Знаешь отчего?

Вопрос был задан серьезным тоном, и Рано не поняла.

— Наверное, он стал красным от солнца...

— Ошибаешься, Рано, — сказал Анвар, — а я знаю, почему цветок стал красным. Это из-за твоих красных губ, Рано...

— Оставьте шутки, — сказала Рано, сама краснея, как цветок. — Скажите лучше, зачем приходил этот толстяк Шахид? Вас хотят сделать главным писарем?

— Не веришь? Посмотришь в зеркало: твои губы, как этот цветок. — Он коснулся ее губ цветком. Рано отвернулась.

— А ну вас с вашими шутками! Правда, что вас хотят сделать главным писарем?

— Мало ли что хотят сделать со мной... Пустые разговоры...

— Почему пустые? По всему городу идет слух...

Анвар подпрыгнул и сел на край супы, свесив ноги. Рано стояла рядом с ним, облокотясь на супу.

— Не верь слухам...

— Говорят, что без ветра и ветки дерева не колышутся. Может быть, вас и в самом деле назначат правителем канцелярии.

— А разве это хорошо, Рано, если меня назначат правителем канцелярии?

— Откуда мне знать, хорошо это или плохо?

— Это плохо, Рано!

— Почему плохо?

— Грязная это работа. Если бы я нашел другую службу, я вообще ушел бы из дворца.

— Грязная работа?! Но ведь ваш друг и покровитель бек занимал же эту должность?

— Я не бек и никогда не смогу им быть, Рано. Но я бы ни за что не согласился принять эту должность, если бы тут не замешан был один дорогой мне человек...

Рано слушала Анвара, пристально глядя ему в глаза. Лицо ее выражало сочувствие.

— Анвар-ака, а если вы возьметесь за дело с добрыми намерениями, — спросила она, — если вы не пожалеете труда для блага народа, на вас ведь не будет греха?

— Это верно, — сказал Анвар, — но дело не в этом. Я хотел бы, чтоб это было так. Но другие ведь не будут следовать моему доброму примеру, значит, я не смогу быть спокойным и думать, что на мне уже нет греха. Если я убежден в одном, а все мои старания и стремления будут приводить к обратному результату, то я испытаю душевные муки, меня начнет мучить совесть. В этом вся трудность. Легко снять с себя всякую ответственность, это проще всего. Но когда попираются твои убеждения — это тяжело, Рано!

Рано, видимо, поняла главное, что мучило Анвара. Некоторое время она молча стояла возле него.

— Значит, вы не примете должности главного писаря? — спросила она, взглянув на его задумчивое лицо.

— Если назначат, приму...

— Даже, если вам это так трудно?

— Да. Потому что этого требует твой отец!

— А при чем тут мой отец? Разве ему даны полномочия решать это за вас?

Анвар только вздохнул в ответ на этот наивный вопрос, а потом, взглянув на Рано, сказал:

— Очень большие полномочия!.. — И опять вздохнул. Рано больше не спрашивала. Казалось, она поняла, в чем дело. Протянув руки за скатертью и блюдами, она тихо спросила:

— Чай будете пить?

— Попозже.

Рано взяла блюда и пошла. Анвар проводил ее взглядом, очертания стройной девичьей фигуры отчетливо вырисовывались под атласным платьем.

— Рано, я не пойду к вечерней молитве!

Она остановилась на полдороге и улыбнулась ему.

— Может быть, я приду еще...

СВЕТ ЖИЗНИ

То, что несколько лет волновало Анвара, что было предметом его постоянных мечтаний, наконец начинало сбываться. Цветок любви, так долго сдерживаемый сомнениями, теперь раскрывался навстречу влюбленному, и Анвар, месяцы и годы только издали любовавшийся им, теперь наконец мог насладиться его ароматом. И разве не для того, чтобы получить эту возможность, Анвар столько лет жил в этом доме, терпел махдума, согласился на ненавистную службу, выносил попреки сестры, не раз говорившей ему: «А я-то радовалась, думала, что ты опять зажжешь огонь в доме матери... Глупо, Анвар, не заботясь о своей судьбе, раскармливать чужого человека!».

Счастье каждый понимает по-своему. Для Анвара счастьем была любовь к Рано. Как мог он зажечь огонь в доме отца и матери, когда у него самого не было в жизни огонька? Он искал его, и этим огоньком стала для него любовь.

Иные молодые люди, заботясь о своем счастье, строят дома, налаживают хозяйство, шьют наряды для жен, о которых еще и представления не имеют. Анвар же сначала хотел жениться, а уж потом думать обо всем остальном.

Пообещав Султанали дать завтра ответ, Анвар, радостно взволнованный, пришел домой. Торопливо покончив дела с ожидавшими в михманхане посетителями, он направился в ичкари. Его вело туда тайное желание не просто увидеть Рано, но прочесть в ее глазах — знает ли она о намерениях махдума.

Рано сидела на айване, прислонясь к столбу, и читала книгу. Нигор-аим у очага готовила ужин. Рано, взглянув исподлобья, увидела направлявшегося к ней Анвара, улыбнулась, спрятала ножки под желтое атласное платье и перекинула на обтянутую атласом грудь свои длинные косы. Когда он приблизился, она медленно отвела глаза от книги и сказала: «Здравствуйте!». И снова склонила лицо над страницей. Анвар заглянул в книгу.

— Омар Хайям?¹ — сказал он и сел напротив Рано, спустив ноги с айвана...

---

¹ *Омар Хайям (около 1048—1131 гг.)* — великий поэт, философ, астроном и математик, родом из Нишапура (Иран).

* * *

Еще не наступило время вечерней молитвы. Легкий ветерок тихо шевелил цветы вокруг супы, и острый запах райхона внезапно ударял в нос. Круглая тусклая луна лениво всходила на небе, и лицо ее прояснялось постепенно, по мере того как меркло на закате солнце. С пастбища возвращалось в город стадо, отовсюду слышалось мычанье коров и блеянье овец и ягнят.

Анвар, сидя в саду на супе, занимался служебными бумагами, когда из ичкари появилась Рано. Казалось, Анвар так сильно был занят работой, что не заметил ее прихода. Рано тихо подошла к Анвару, облокотилась на супу, подперла ладонями подбородок и стала смотреть, как он пишет. Анвар ласково улыбнулся, искоса посмотрел на Рано, нехотя обмакнул перо в чернила и написал еще несколько слов. Потом он остановился с пером в руке, задумался и опять, как раньше, с улыбкой посмотрел на девушку. Их взгляды встретились, и некоторое время они, улыбаясь, смотрели друг на друга...

— Почему вы остановились, пишете!..

— Всегда приходишь, когда я занят, и отвлекаешь мои мысли от работы...

...Анвар отложил исписанную бумагу и взял чистый лист.

— Теперь я буду писать совсем другое... А ты будешь мне отвечать, хорошо?..

* * *

На голубом куполе неба зажглись вечерние звезды, мерцавшие, как свечи. Луна стала ярче и словно смеялась над этими двумя молодыми существами, которые неловкими шагами вступали в жизнь.

Поднявшийся ветер клонил друг к другу цветы в саду, будто говоря этим двум молодым: «И вы, подобно цветам, клонитесь ближе друг к другу». Рано подняла голову и застенчиво улыбнулась Анвару...

В ПЛЕНУ У ЛЮБИМОЙ

...Второе письмо Рано огорчило Анвара еще больше, чем первое. Он не видел смысла в их свидании: только вскроются раны, и сильнее вспыхнет огонь, и без того сжигающий сердце. Он уже сожалел о том, что послал за книгой, раскрыв свое местопребывание, дал волю чувствам, не подумав при этом о последствиях. Ведь все равно ничем помочь уже нельзя. И что даст встреча с любимой? Она будет плакать, надрывать ему сердце, а предпринять он ничего не сможет. И все же его тянуло к Рано, ведь они так любили друг друга...

Всю ночь он не мог заснуть, все обдумывал эту встречу, а когда забывался на короткий миг, ему снилась Рано. Как ни старался Анвар посмотреть трезво на вещи, он не мог отказаться от этой встречи. Пусть она бессмысленна, но фраза в письме Рано — «там, где вы были когда-то счастливы, Рано пребывает в ожидании гибели» — решила все. Бессовестно, недостойно чести джигита не откликнуться на этот призыв.

Днем, на работе, Анвар окончательно принял решение пойти к Рано. Но теперь его занимал вопрос: явиться открыто или тайком? Если он придет открыто, то подозрительный махдум может увести Рано или станет за ними следить, что оскорбительно для Анвара и будет только раздражать их обоих. Если же встретиться тайно... Но ведь у них нет никаких тайных мыслей, между ними — никакого заговора, зачем же им скрываться?

Когда Анвар пришел в квартал, где стоял дом махдума, уже совсем стемнело, и в узких улочках нельзя было разглядеть лицо встречного. Еще темнее было на сердце Анвара, оно билось все сильнее и сильнее. Он шел, оглядываясь, как вор. Всего неделю назад он был здесь так счастлив! А теперь? Кругом темно, и лишь луна немного рассеивает мрак в его сердце. Но и ее, эту луну с черными пятнами, злая судьба тащит в сторону дворца.

Подойдя к закрытым воротам, Анвар тихонько толкнул их. Но они были на запоре, и Анвар очень заволновался. Постояв немного у этих ворот, он прошел шагов двадцать дальше и толкнулся в соседние ворота; они оказались не заперты. Ан-

вар прошел в крытый коридор. Здесь он хотел выждать, пока махдум уйдет в мечеть на ночную молитву. Если и тогда первые ворота будут закрыты, ему не останется ничего другого, как уйти. Ждать пришлось недолго, в мечети прокричали призыв на молитву, и вскоре после этого со скрипом открылись ворота в доме Рано. Кто-то вышел, шаги приближались к тому дому, за воротами которого стоял Анвар. С бьющимся сердцем посмотрел он через щель в створках на улицу. Человек направлялся к мечети, но в это же время послышались шаги в крытом коридоре, где стоял Анвар. Молодой человек еще больше заволновался; подождав несколько мгновений, пока махдум пройдет мимо, Анвар вышел из коридора. Стараясь шагать бесшумно, он подошел к заветным воротам. Шаги за его спиной становились все глуше, и он спокойно вошел в дом махдума. Огляделся, постоял немного подле михманханы и подошел к комнате, где по утрам занимались ученики. Открыв дверь, он еще раз оглянулся на ворота.

Ставни в комнате были закрыты, и в ней было темно, как в сердцах завистливых людей. А когда Анвар закрыл и дверь, стало темно, как в могиле. В этой тьме Анвар потерял чувство пространства, он сделал несколько осторожных шагов, нащупал циновку и присел на корточки, охватив руками колени. Сквозь щели в ставнях проникал бледный свет, но при таком освещении все равно ничего нельзя было разглядеть.

— Анвар-ака!

— Я...

Это была Рано. Войдя в комнату, она сразу остановилась, взгляделась в Анвара, глубоко вздохнула и тут же повернула назад. Ничего не понимая, Анвар все же не решился остановить ее. Но через минуту Рано появилась опять, подошла к нему и положила рядом с ним какой-то предмет.

— Я принесла вам курпачу, — сказала она шепотом. — К нам пришли в гости мои тети, я уложу их спать и приду...

Рано ушла, закрыв за собой дверь. Узнав наконец, что происходит в доме, Анвар облегченно вздохнул, расстелил курпачу и, облокотившись, прилег на бок. Хоть он и был уверен теперь,

что Рано непременно придет, он не знал, когда это будет, может, не ранее первых петухов...

Через некоторое время он услышал, как открылись и снова закрылись ворота. Напряженно слушая, он присел на своей курпаче. Шаги приблизились, потом стали глуше и, наконец, замерли совсем.

Время тянулось чрезвычайно медленно. Анвару становилось все более не по себе. Он вздрагивал от каждого шороха, каждого стука. Уже давно пропели первые петухи, а Рано все не приходила. Анвар то садился, то вставал, то ложился вновь. Ноги, обутые в ичиги, совсем замерзли, он уж и не знал, как их согреть. В таких мучениях прошло еще немало времени. Да, он попал в плен к своей любимой, но сколько же придется еще ждать ее?! Это невыносимо!

Все тело у него болело; пытаясь согреть ноги, Анвар снова встал и надел кавуши, потом начал ходить по комнате, чтобы размяться. Потом снова сел... Луна почти зашла, ее лучи не проникали уже в щели ставень, комнату окутала тьма. Где-то загрохотали барабаны...

«ЧУДЕСА» ДРУЖБЫ

Близился час утреннего выхода хана из гарема. Несколько человек, его приближенных, собрались, чтобы приветствовать своего повелителя. Вдруг в дверях показался взволнованный Султанали. Поманив пальцем к себе Абдурауфа-тункотара, он отошел назад. Крайне удивленный, Абдурауф-тункотар двинулся к нему, всем своим видом выражая недоумение. Султанали продолжал его манить, и Абдурауф, в одних ичигах, без кавушей, подошел к нему совсем близко.

— Что случилось?

Султанали горестно покачал головой и прикусил губу.

— А то, что с нашего главного писаря сошла позолота.

— Что? Что?

Султанали пригнулся к самому уху Абдурауфа и тихо сказал:

— Мирза Анвар поступил бесчестно по отношению к его величеству!

Абдурауф-тункотар потупился и посмотрел искоса на Султанали. А что он сделал?

— С недавних пор мирза Анвар поселился у меня и прожил несколько дней, — начал Султанали, оглядываясь по сторонам. — Видно, он совершил неблагоприятный поступок в доме своего учителя. Не оценив забот такого человека, этот негодяй не постеснялся затем плюнуть в лицо самому хану. Он сбил с пути дочь своего учителя, которая предназначалась в жены хану, увел ее сегодня ночью из дому и явился с ней ко мне. Хоть он мне давний друг и гость в моем доме, я возмущен его бессовестным поступком. Он забыл хлеб-соль его величества, благодеяния, которыми был осыпан! У меня прямо волосы встали дыбом от ужаса и негодования. Перед ним я сделал вид, что одобряю его мужество, но в глубине души я проклял этого гнусного человека и помчался сюда, чтобы оповестить его величество!

У Абдурауфа прямо глаза вылезли на лоб, он ухватился за свою бороду, поднес кончик ее ко рту и раза два куснул.

— Проклятье! Он сейчас находится у вас?

— Да, да! И девушка тоже дома. Мы не можем знать, какова будет воля его величества, но, по-моему, не надо терять времени! Его нужно схватить сейчас же!

— Ну конечно! — воскликнул Абдурауф-тункотар, дернув плечами. — Я сейчас доложу. А вам спасибо!

Тункотар поспешил в покои его величества. А Султанали, разоблачив Анвара, пренебрегшего, по его словам, хлебом-солью хана, спокойно пошел в свою канцелярию. Вот какие «чудеса дружбы» проявил самый близкий Анвару человек!..

Через некоторое время к окну канцелярии подошел тункотар и, сделав Султанали знак выйти, сам прошел дальше.

— Ну, что? — взволнованно спросил Султанали, догнав тункотара.

— Дан приказ схватить!

— Правильно! Конечно, обоих?

— Непременно.

Султанали, захватив четырех ясовулов, отправился в путь. Тункотар, отвязав одного из коней, стоящих у ворот, последовал за ним. Он быстро перегнал пешеходов, а им, чтобы не отстать

от него, пришлось, задыхаясь, бежать во всю прыть. Так бежали они в ряд с конем; стоило им немного отстать, как тункотар подгонял их. Добежав до поворота, Султанали махнул рукой, пошел тише, окликнул Абдурауфа-тункотара, ехавшего впереди, и показал, что надо свернуть направо, в узкую улочку. Быстрым шагом они в три минуты дошли почти до ворот дома Султанали. Тут он остановился.

— Вот, ваша милость, те ворота, но я думаю, что мне неудобно идти вместе с вами

Тункотар, снова обогнавший его, натянул повод.

— Почему?

— Ведь я считаюсь его другом... Не лучше ли мне остаться в стороне?

— Да, хорошо! Пожалуй!

— Благодарю... Сразу, как войдете в ворота, увидите михманхану, он должен находиться там. А девушка была в ичкари.

Султанали притаился за воротами одного из ближайших домов. Тункотар двинулся с ясовулами к воротам. Обе створки их были открыты, изнутри слышались голоса — женский и мужской. Тункотар сошел с коня, бросив повод одному из ясовулов.

— Стой здесь с конем и никого не выпускай! Ни мужчин, ни женщин, — сказал он. — А вы, джигиты, пойдете со мной. Как только увидите Анвара, хватайте его и вяжите ему руки.

Ясовулы выразили полную готовность. Тункотар подошел к ичкари и прислушался у входа в коридор. Там раздавались голоса мужчины и женщины.

— Я опозорен, опозорен!

«Опозорен? Мало сказать», — прошептал тункотар.

— О, горе мне! — прозвучал женский голос.

«Конечно, ослица, горе тебе!» — подхватил тункотар. Он сделал ясовулам знак следовать за ним и выскочил во двор. Посреди двора стоял махдум, держа в руках какую-то бумажку. Рядом с ним стояли двое мужчин, а еще ближе — три женщины в паранджах. Все они вздрогнули, услышав шаги приближающихся ясовулов во главе с тункотаром. Махдум, всплеснув руками, простонал:

— Опозорен, я опозорен!

К нему, переваливаясь с боку на бок, подошел тункотар.

— Что случилось?

Махдум стукнул себя по лбу и заплакал:

— Нет слов, чтобы выразить. Я бесконечно виноват перед его величеством и должен понести наказание. Проснулись мы все утром и видим, что негодница дочь исчезла. Пока мы бежали да искали, пришли от Султанали и сообщили, что дочь наша находится у него. Мы тут же прибежали с женщинами...

— Ну и что же?

— Этот мерзавец Анвар увел ее уже и отсюда. Сколько мы ни искали, ничего, кроме этого письма, не нашли. О, горе мне!

Одна из женщин заплакала в голос. Тункотар вырвал у махдума письмо.

«Брат мой, уважаемый мирза Султанали! Да будет вам известно: обдумавши наше положение, мы решили, что оставаться в вашем доме опасно. Хотя вы считаетесь нашим другом, но некоторые ваши поступки показались нам подозрительными. Особенно обеспокоило нас отношение вашей жены к Рано, как к распутной девушке. Мы были вынуждены придумать повод, чтобы отправить вас во дворец, а сами тем временем покинули ваш дом. Оказывается, на этом свете трудно найти верного друга. Сколько я ни доказывал вам, что не хотел изменить хану и это произошло потому, что меня и Рано связывает большая любовь, вы все твердили, что я забыл, по молодости лет, доброе отношение ко мне хана, упрекали меня в неблагодарности. Вы даже не подумали о том, что из любви к этой девушке я отказываюсь от должности главного писаря. Я не в обиде на вас. Но меня очень огорчила ваша грубость и ваша жестокость в ответ на мое дружественное доверие к вам. Бедной девушке в ичкари не дали даже подушки, чтобы голову приклонить. «Спасибо» вам и вашей жене за такое «человеческое» отношение.

Ваш верный друг Анвар»

— Еще рассуждает о человечности... А, чтоб тебя, неблагодарный! — воскликнул тункотар, злорадно усмехаясь, и спрятал письмо в карман. — Позовите-ка из ичкари жену Султанали!

Одна из женщин бросилась выполнять приказание. Рузван, должно быть, стояла в крытом коридоре, и женщина окликнула ее, приблизившись к внутренней двери. Тункотар подошел к ней.

— Вы здесь, сестра?

— Да, уважаемый!

— Что вы можете рассказать об этом деле?

Рузван, стоя за дверью, помолчала, потом кашлянула и начала говорить.

— Дня три у нас в михманхане жил молодой человек по имени Анвар... Сегодня ночью он привел какую-то девушку. Я очень удивилась, таксыр, спросила мужа, а тут вон какое дело, оказывается... Очень нам было неприятно, но прогнать как-то неловко, позвать кого-нибудь и выдать их — время неурочное, уважаемый. Посоветовались мы с мужем и решили дать им приют до утра, а утром сообщить, кому надлежит... Пусть уж те с ними расправляются! Дождались рассвета, мирза Анвар тут и говорит мужу: «Мы останемся здесь еще на день, спрячьте нас пока». Муж поспешил после этого во двор, а я все никак не могла успокоиться и послала к родителям девушки соседского мальчика. Девушка вместе со мной у сандала сидела. Вдруг, таксыр, она выходит из комнаты. Я думала — по нужде и была совершенно спокойна. А она так и не вернулась, уважаемый. Тут я забеспокоилась, пошла во двор, ее нет. Решила поискать на мужской половине. Только зашла в коридор, как появились родители девушки... Вот все, что я могу сказать, уважаемый.

Тункотар был крайне раздосадован случившимся. Он подошел к мужчинам, стоявшим рядом с махдумом.

— А вы что здесь делаете?

— Мы... соседи мирзы Султанали...

— Так, так... Зачем явились сюда?

Грубый тон тункотара смутил их.

— Я был на улице, — испуганно сказал один из них, — и увидел учителя, с ним шли женщины и плакали... Я и подумал: «Что-то случилось в доме у мирзы»...

— Значит, просто болтаешься на улице, глазеешь... А ты? — обратился он ко второму человеку.

— Я тоже сосед Султанали, — этот говорил посмелее. —
Слушая все это, я несколько удивился...

— Чему ты удивился?

— Да если судить по рассказу соседки, Анвар должен был
уйти с женщиной в парандже... А я видел, когда он выходил из
ворот... Никакой женщины с ним не было.

— Он шел один?

— Нет, но с ним был хорошенький мальчик.

Абдурауф-тункотар в недоумении пожал плечами.

— Совершенно верно, Карим-ака, — отозвалась из своего
прикрытия Рузван. — Девушка и ночью пришла в мужской
одежде.

— Ох, проклятие! — воскликнул тункотар.

Махдум, казалось, был раздавлен горем, он рыдал.

— Что свершилось, то свершилось, — сказал тункотар. —
Они, конечно, будут пойманы и понесут наказание! Но чести
его величества нанесен большой урон. Поэтому все здесь услы-
шанное должно оставаться в тайне. Вы обязаны хранить мол-
чание!

— Конечно, конечно! — воскликнули все присутствующие.
Тункотар подошел к махдumu.

— Вы не виноваты, но дочь свою плохо воспитали!

— Господи, мы твои рабы, — пробормотал махдум и запла-
кал. — Опозорила она меня — умереть ей молодой! В глаза
никому не смею теперь смотреть!

Одна из женщин в парандже всхлипнула и заплакала. Это
была Нигор-аим.

Абдурауф-тункотар, у которого, как говорится, арбуз выпал из
рук, стуча сапогами, пошел к выходу в сопровождении своих
ясовулов. С помощью одного из них он сел на коня и отпустил
повод. Поравнявшись с воротами, за которыми притаился Сул-
танали, он окликнул его.

— Мирза Султанали, выходите! Сбежали, проклятые!

Султанали, изумленный, вышел на улицу.

— Ну? Неужели?

— Сбежали! — повторил тункотар, протягивая ему пись-
мо. — Прочтите и верните мне, нужно показать его вели-
честву.

...На следующий день Султанали пожал плоды своей верной, преданной службы хану: он получил должность главного писаря.

«ДО СВИДАНИЯ, РАНО!»

Много есть волевых и храбрых женщин на свете. Иные из них даже храбрее мужчин. И все же, как бы ни была сильна их воля, они остаются в плену своих чувств. Вот хотя бы героиня нашего романа Рано. Она осмелилась восстать против тирании хана, сумела вовлечь в эту борьбу растерявшегося Анвара.

Однако и эта сильная волей девушка оказалась в плену чувств. Дело в том, что Анвар, посоветовавшись ночью с братом, решил в ближайшие дни бежать из Коканда в Ташкент. Рано тоже не жаль было распрощаться с Кокандом, но вдруг, когда все уже было решено, ее обуял страх. В то же время она задумала опасное дело: пробраться в сопровождении старухи хозяйки в свою махаллю и, спрятавшись за ворота чужого дома, вызвать туда на свиданье мать. Всю ночь продумывала она этот план и утром поделилась им с Анваром, весьма огорчив и обеспокоив его. Так и сидели они у сандала, дуясь друг на друга.

— Ты слишком поддаешься чувствам. Ведь нас на каждом шагу подстерегают опасности. Между нами говоря, твоей матери тоже нельзя довериться.

— Во-первых, — возражала Рано, — никто не узнает меня под паранджой! Это невозможно! А во-вторых, почему нельзя доверять маме?

— Ты бежала из дому... ты опозорила свою мать.

— Ничего подобного! Я хорошо знаю маму, она совсем не такая, как вы думаете!

— Ну хорошо, допустим, что тебя по дороге никто не узнает, и старуха сможет провести тайком твою мать и матери можно довериться, — и все же, неужели ты не можешь ради меня отказаться от этого замысла, Рано! Душа моя, обещаю тебе, что, как только мы приедем в Ташкент, мы сейчас же напишем твоей матери письмо, расскажем ей все и попросим прощения.

Рано только заплакала в ответ и плакала долго-долго...

— Может быть, я уже никогда в жизни не увижу маму!

— Эх, Рано, Рано! — старался успокоить ее Анвар.

А Рано все плакала и молчала. Замолк и вконец измученный Анвар.

— Ну хорошо, не плачь! Еще два дня мы должны повременить с отъездом. Сегодня ночью придет мой брат, он должен закупить все, что нужно нам в дорогу. Да неизвестно, сможем ли мы выехать и послезавтра вечером. Так что можешь не торопиться. Может быть, мы еще что-нибудь придумаем. Но то, что ты хочешь сделать, очень опасно...

Рано облегченно вздохнула, осушила платком лицо, но продолжала молчать. Анвар улыбнулся, хотя выражение обиды еще не сошло с его лица, и шутливо погрозил Рано. В ту же минуту кто-то постучал несколько раз в стену, выходящую на улицу. Рано и Анвар напряженно прислушались и вопросительно посмотрели друг на друга.

— Это кто-то свой, — сказал Анвар, немного выждав. — Я договорился с Сафаром-ака, чтобы днем он стучался в стену... Пойди скажи старухе, пусть откроет дверь.

Рано вышла из комнаты, и через несколько минут во дворе слышались чьи-то шаги. У Анвара забилося сердце, — что это Сафар вдруг явился в неурочное время?.. Дверь открылась, и вошел Сафар с Кобилом. Анвар глядел на них и ничего не понимал. У Сафара был беспокойный, взволнованный взгляд, и подозрения, шевелившиеся в душе Анвара и раньше, пробудились вновь.

— Вы, конечно, пришли не случайно в такой час? — тихо спросил он. — О нас узнали?

Сафар озабоченно взглянул на своего спутника и вложил руки в рукава.

— Нет...

— Арестовали Султанали? — так же тихо спросил Анвар и добавил: — Наверное, арестовали!

Сафар переглянулся с Кобилом.

— Да, дорогой, это так! Мы совершенно растеряны.

Анвар побледнел, и веки его слегка затрепетали.

— Ничего, освободим! Когда это случилось?

— Вчера вечером. Я узнал от жены Султанали... сегодня утром она прибежала ко мне... А в это же время пришел ваш брат...

— А вы, Кобил-ака, от кого узнали?

Кобил рассказал о глашатае и о том, что он и его товарищи решили в связи с этим сделать.

Анвар со всей серьезностью выслушал брата, потом погрузился в длительное молчание.

— Спасибо вам и вашим товарищам за заботу, — сказал он наконец. — Но таким путем трудно освободить Султанали. А пожалуй, и совсем невозможно!

— Но почему же?.. Если бы только узнать, в каком зиндане он находится... Вполне возможно, Анвар! Мои товарищи — храбрецы! Уж об этом не беспокойтесь!

— Благодарю! Конечно, на такое дело могут решиться только храбрые люди. Но я не верю в возможность освобождения Султанали, потому что узников, подобных ему, заключают в тюрьму, находящуюся при дворце.

— А туда так трудно проникнуть?

Анвар кивнул головой:

— Невозможно! Пятьдесят человек охраны ходят всю ночь под крепостной стеной.

Кобил с грустью посмотрел на Сафара, тот гневно кусал ус.

— А если он в зиндане, — значит, можно все же спасти его, ваша милость? — спросил Сафар.

— Пожалуй... Но вряд ли его станут держать в зиндане, Сафар-ака!

Все умолкли. Кобил то и дело снимал тубетейку и почесывал голову. Анвар шевелил пальцами так, словно старался вырвать нитку из одеяла, покрывающего сандал.

— Не плохо бы, Анвар, узнать, в зиндане ли он!

— Можно...

Услышав эти слова, Кобил обратился к Сафару:

— Пошлем кого-нибудь в дом Султанали, скажем его жене, чтобы она понесла в зиндан передачу. Что вы думаете об этом, Сафар-ака?

— Хорошо, брат, правильно!

— А вы, Анвар?

Анвар кивнул утвердительно.

— А теперь вот о чем мы должны вам сказать, — продолжал Кобил. — По дороге сюда мы толковали... о том, что, по

правде говоря, неплохо было бы вам сейчас уйти из этого дома. Ведь и Султанали только человек. Если жизнь ему покажется дороже, и он выдаст...

Анвар, улыбаясь, покачал головой.

— Султанали не таков, будьте спокойны, — уверенно сказал он и задумался. — Ну, а жена его? Это поопаснее. Женщины, чтобы спасти мужа, может такое натворить!

Сафар сказал, что, находясь у него, жена Султанали узнала о намерении Кобила с товарищами спасти ее мужа и успокоилась.

— Это все правильно сделано, благодарю. Пусть человек, которого вы пошлете к ней, еще раз все растолкует, успокоит ее, убедит в том, что завтра в полдень муж ее будет на свободе. А понадобится, даже обманите ее, скажите, что если до утра он не будет освобожден, то Анвар явится сам, чтобы спасти его. Заверьте ее в том, что излишняя торопливость только испортит дело и муж ее может погибнуть.

— Хорошо, дорогой мирза, хорошо!

— А к вам, Сафар-ака, — сказал Анвар, — еще одна просьба. — Сафар слушал с глубоким вниманием. — Уведите Рано... Ей не надо оставаться здесь...

— Хорошо, хорошо!

Тогда Анвар встал и, сказав, что вскоре вернется, вышел из комнаты.

Слепой старик по-прежнему очищал коробочки хлопка, старуха вертела чигирик¹.

Рано сидела у сандала, уставившись взглядом в одну точку.

Выйдя во двор, Анвар поманил ее к себе. Они отошли в сторону.

— Ты слыхала, Рано?

— Что?

— О чем они говорили?

— Нет!

— Мы, в опасности: наше местопребывание может быть раскрыто. Султанали арестован... Боятся, что он выдаст...

Рано широко раскрыла глаза.

— Ах!

---

¹ *Чигирик* — приспособление, с помощью которого из хлопковолокна делают нитки.

— Не волнуйся. Тебя сейчас уведет отсюда Сафар-ака. Я тоже уйду. Нам придется разлучиться, пока не приготовят все к отъезду. Иди оденься.

— Правду ли вы говорите?

— Да! Ничего не бойся, это лишь предосторожность. Сейчас нам ничего не грозит. Вот только Султанали арестован.

— Моя верхняя одежда в комнате...

— Ну, так они выйдут, и ты оденешься.

Молодые люди вернулись на айван. Анвар пошел в комнату.

— Она сейчас оденется, — сказал он, входя. — Вместе вам идти будет неудобно, вы пройдете немного вперед, а Рано последует за вами.

— Хорошо!

— После этого, Кобил-ака, вы узнаете, что делается в зиндане, и вечером придете ко мне.

Кобил кивнул и ушел вместе с Сафаром. Тогда появилась Рано и начала быстро одеваться. Анвар, расстроенный и огорченный, пристально всматривался в ее милое лицо.

— Куда вы пойдете? — спросила Рано.

— Я... я тут неподалеку... к знакомым.

— А мне... нельзя вместе с вами?

— Нет, это опасно!

Рано вздохнула. Как горькая разлука! Она уже совсем оделась и даже паранджу взяла в руки. Анвар отошел в угол комнаты, позвал к себе Рано, крепко обнял ее и поцеловал.

— Брат будет навещать тебя, сообщать обо мне, помогать, если нужно.

— Уедем, скорее уедем в Ташкент... я больше трех дней не вытерплю...

— Хорошо, Рано! Дай я еще раз тебя поцелую!

Рано, улыбаясь, подставила ему щеку, Анвар все никак не мог оторваться от ее лица.

— Довольно, меня ждут!

Он отпустил ее.

— Возьми деньги, Рано! Я рассеян, могу потерять их.

Рано вынула из-под кошмы в углу комнаты кошелек с золотыми.

— Оставить вам пару монет, может быть, понадобятся?
Анвар покачал головой, сказав, что ему ничего не нужно.
Тогда Рано вытащила два золотых.

— Эти деньги я отдам тетушке и старику, каждому по золотому.

— Дай, конечно, дай... Ну, до свидания, Рано!

Она кивнула головой и вышла из комнаты. Анвар слышал, как Рано простилась на айване со стариками, и его глаза наполнились слезами. Он вздрагивал от волнения, страшная тяжесть сковала его тело, и, ослабев, он прислонился к стене...

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему Мухаммад Раджаббек после смерти Насима стал горячо заботиться о судьбе Анвара?

2. Попробуйте догадаться, почему Султанали сначала сделали главным писарем, а потом арестовали? Если не сможете это сделать самостоятельно, то посоветуйтесь с учителем.

3. Почему Анвар отказался от повышения в должности? Чем оправдан этот его поступок?

4. Можно ли оправдать действия Анвара, продиктованные чувством к прекрасной Рано?

5. Напишите домашнее сочинение на тему: «Любовь к Рано — это счастье и несчастье Анвара».

Советуем прочитать

Роман Абдуллы Кадыри «Минувшие дни».

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

(1910–1971)

Его поэзия — разговор с эпохой, поэзия сердца, горькие опыты ума, переплавленные в золото чистой правды.

Л. Ершов

Творчество выдающегося поэта и публициста Александра Трифоновича Твардовского — одно из замечательных явлений в русской и мировой литературе XX века. Поэзия А. Твардовского — это поэзия правды и добра, поэзия о мужестве и высокой человечности, художественные творения глубоких социально-философских раздумий о человеке на земле, его месте в бурном потоке беспокойной жизни огромной страны. Звонкое слово поэта, до краев переполненное светом добра и искренности, ни одной фразой не обмануло читателя, не погрешило против правды. Его сорокалетняя лирическая симфония человечности ни одним звуком не сфальшивила, ни одной нотой не слукавила перед читателем. «Что горько мне, что тяжко было и что внушало прибыль сил, с чем жизнь справляться торопила, — я сюда и заносил», — писал он в поэме «За далью — даль», обобщая прожитое и пережитое, и большую часть своего творческого пути, «с тропы своей ни в чем не уступая». Живой свидетель и непосредственный участник всех великих и малых свершений народа и его жестоких испытаний в трудах за индустриализацию, а потом в смертельной схватке с фашизмом, поэт призывает не забывать о трагедии народа, помнить о людских неисчислимых потерях «ради жизни на земле»:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:

Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Эти призывы А. Твардовского к памяти важны и сейчас, так как хрупкий мир планеты вновь наполняется локальными войнами, военными конфликтами, а у народов России и всего СНГ — новая «страда» трудных поисков обновляющейся жизни на новых основах рыночных отношений. Поэзия Твардовского зовет к патриотизму, «любить свою родину, служить прогрессу и процветанию», вселяет в души людей дух преданности великому делу обновления всех сторон человеческого бытия.

Жизнь и творчество Твардовского тесно связаны со сложнейшими исторического значения событиями страны. Выросший из самой толщи народной, — сын сельского кузнеца, — поэт говорит в своих произведениях сочным и красочным языком, близким к разговорной речи, которая, как бисером пересыпана удачными народными выражениями, зарифмованными пословицами и поговорками, до краев заполнена солдатскими остротами, и фронтовым юмором («будем живы — не помрем»), и народной мудростью.

Александр Твардовский родился в семье деревенского кузнеца на Смоленщине. Его отец Трифон Гордеевич был по тем временам достаточно грамотным, начитанным человеком. «Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе, — сообщал поэт в своей автобиографии. — Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое мое знакомство с «Полтавой», «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А.К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом». Трифон Гордеевич пользовался большим авторитетом у сельчан, которые нередко приходили в его дом за умным житейским советом, обсуждали семейные, бытовые крестьянские проблемы. А их было немало в «скудной и трудной» деревенской жизни. Слушал их разговоры и набирался разума и опыта будущий поэт — классик русской поэзии А. Твардовский. Трудовой мир деревни, природные красоты Смоленщины, веселые зажигательные сельские праздники, зимние содержательные вечерние посиделки, коллективные домашние чтения книг, раннее знакомство с поэзией русской классики XIX века — все это сыграло положительную роль в формировании и разви-

тии художественного дарования Александра Твардовского. Он заметно отличался от своих сверстников природной любознательностью, пытливым умом, настойчивым характером. «Домашняя литературная школа» научила будущего поэта ценить и понимать сочность и свежесть русской народной и литературной речи, находить и видеть поэзию в душах простых людей, в человеческом труде. Наблюдения за виртуозной работой своего отца в кузнице с раскаленным металлом много лет спустя отозвались великолепными поэтическими строчками в поэме «За далью — даль»:

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой,
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласьи с волей кузнеца.

Восторженной музыкой сочного народного языка наполнены лирически искренние стихи поэта, обогатившего своего многомиллионного читателя чувством восхищения о славном человеческом труде, которым жива и которым процветает любая страна:

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

И, может быть, виденное и слышанное в юные годы в большей мере, чем что-либо другое сформировало его нравственно-художественную концепцию¹ единства человека и природы, его труда и славы, преданности традициям своего народа и извечной патриотической верности своей стране.

В ряде глав поэмы «Василий Теркин» — «Переправа», «Два солдата», «Теркин ранен», «Поединок», «Кто стрелял?» и др. — показаны расчетливое мужество, подлинный героизм наших солдат, а когда отступали — терпимость и упорство воинов, которые, бывало, и из окружения «шли худые, шли босые в неизвестные края» и которые глубоко верили:

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не померем.

---

¹ *Концепция* — то или иное понимание чего-либо, замысел.

Срок придет, назад вернемся,
Что отдали, — все вернем.

Вот Теркин преодолевает «водный рубеж», где всегда вода «даже рыбам холодна»; вот истекающий кровью Василий целые сутки удерживает блиндаж, отвоеванный у немцев; вот он в смертельной схватке один на один побеждает «гордого немца»; вот он на глазах изумленных однополчан сбивает из винтовки пикирующий фашистский самолет. Постоянно занят делом Теркин — и в бою и на отдыхе после боя. И все-то у него ловко получается — хоть «сапогу подбить подметку», хоть заштопать рукав разодранной в бою гимнастерки или крестьянскую «завалящую пилу» наточить и «развод сделать». И даже часы отремонтировать ему под силу. Осмотрев часы старого «деда-солдата», он

...куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутри куда-то сунул, плюнул —
Что ты думаешь — пошли!

Он и плотник, и печник, пахарь он и часовщик, одним словом, парень хоть куда и, как говорится, он «от скуки — на все руки». И как подчеркивает поэт, «просто парень сам собой он обыкновенный». И такие, как Василий, «в каждой роте есть всегда, да и в каждом взводе». Так поэт, утверждает о том, что в Теркине, в его натуре — общность приоритетных черт характера вообще трудовых людей, утверждает обобщенный образ народа, в котором развито и чувство патриотизма, и высокое чувство гражданственности, и врожденная мудрость, присущая простому народу. Твардовский углубляет свое видение войны и человека в ней до широких нравственно-философских обобщений — и когда рисует образ Василия Теркина, и когда взвешивает смысл о справедливой «святой и правой» войне народов двух континентов против фашизма как античеловеческого явления в жизни планеты XX века.

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

Популярность поэмы «Василий Теркин» была столь велика в солдатской и офицерской среде, что ходила в окопах по рукам и

печатно, и в списках. Ее популярность не утратила своей силы и влияния на умы читателей и в наше время. И до сих пор волнует читателя душевная боль поэта за пережитую трагедию:

Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Разнообразно богатая ритмика органично сочетается с богатством всегда свежей рифмы. Это в значительной мере и обуславливает то, что поэтическая речь воспринимается как живая разговорная беседа автора с читателем.

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

(Главы из поэмы)

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава.
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй — за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногами.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...
Поглядеть — и впрямь —
ребята!

Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Приходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишеских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляется с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый¹ лед в куски крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли.

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.
Позади шумит протока²,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодную чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?
Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь, как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу.
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась³
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.
Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

¹ *Жухлый* — потерявший яркость, свежесть.

² *Протока* — рукав реки.

³ *Взялась* — здесь: крепко, плотно слежалась, смерзлась.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах, —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат.
Смерть за смертью не
страшна,

Хоть еще паек им пишет
Первый роты старшина.
Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

Может, так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится.
Показалось, что невесть.

То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка
Просто глазу маета.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить
страшно.

Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.

Нет, живой. Без гимнастерки,
— А не фриц? Не к нам ли в
тыл?

— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.
Толку нет спускать понтон.

— Разрешите попытаться?

— Что пытаться?

— Братцы, — он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, —
добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.
Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить.
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!

Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить,
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.
— Молодец, — сказал
полковник, —
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?
Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

---

¹ *Забереги* — лед, застывающий у берега в заморозки.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону...

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут войой, а не гадай,
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин,
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.
И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку.
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папирсой,
Угощал бы всех вокруг.

И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало
всяко.

—Трудно все же? — Как когда.
—Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда...

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет...

— Нет, — сказал Василий
Теркин

И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден,
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Теркин, Теркин, добрый мальый,
Что тут смех, а что печаль?
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.

А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.
Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.
Страшный бой идет, кровавый.
Смертный бой не ради
славы —
Ради жизни на земле.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть, —
Той и славушку творить...

С первых, дней години
горькой

В тяжкий час земли родной.
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придется ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.
Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.
— Словом, Теркин тот,

который

На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...

— Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

— Не могло того случиться.

— Не похоже.

— Враки.

— Вздор...

— Как же, если очевидца

Подвозил один шофер!

В том бою лежали рядом,

Теркин будто бы привстал,

В тот же миг его снарядом

Бронебойным — наповал.

— Нет снаряд ударил мимо,

А слышали так, что мина...

— Пуля-дура.

— А у нас

Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —

Все равно, не в том вопрос.

А слова перед кончиной

Он какие произнес?

— Говорил насчет победы,

Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль, — сказал, — что до

обеда

Я убитый, натошак.

Неизвестно, мол, ребята,

Отправляясь на тот свет,

Как там, что: без аттестата¹

Признают нас или нет?

¹ *Аттестат* — здесь: документ о выдаче военнослужащему денег, питания, одежды.

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне —
конец».

— Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда — правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем
прежде.

Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведаль.
Он терял родимый край
И одну политбеседу

Повторял:
— Не унывай!
С первых дней години горькой
Мир слышал сквозь
грозный гром,

Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелось
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмоскovie
И от Волжского верховья,
До Днепра и Заднепровья —
Вдаль на Запад сторона, —
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет — то наша хата,
Где ни дым — то наш костер,
Где ни стук — то наш топор,
Что ни груз идет куда-то —
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину, —
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.
Богатырь не тот, что в сказке
Беззаботный великан,
А в походной за пояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Читатели и писатели о поэме А. Твардовского «Василий Теркин»

«...Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни одного фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!»

И. Бунин

«Когда еще и какой писатель, едва закончив первую половину своего произведения, в начале второй уже имел возможность вот так же спокойно и уверенно говорить о своем герое с многомиллионным читателем, причем с читателем, у которого не так уж много было литературных интересов, по той простой причине, что он воевал?»

«Однако же Твардовский был уверен, что если его читатель еще жив — значит он читает Теркина..»

Вот и Теркин — лет ему нынче уже немало, а сколько надо прочитать сегодня книг, чтобы узнать о войне все то, что он один рассказал о ней?»

С. Залыгин

«Могучее лирическое начало в поэме. Полное слияние автора с героем, с солдатами. Потому разговор идет то от имени Теркина, то от имени автора, то от имени всей солдатской массы...»

Ф. Абрамов

«В жизни Теркина чувствуешь свою жизнь... При чтении Вашей книги Вы могли бы, присутствуя, услышать и от безусого солдатика, и от старого усатого «гвоздя войны» — ефрейтора: «Молодец Твардовский», «толково, просто», «по-солдатски», «наверно, этот самый Твардовский тоже живет на переднем крае...»

«Через всю войну, от снежных полей Подмосковья до развалин Берлина, пронес я отдельные брошюры поэмы «Василий Теркин»... Мои люди сотни раз собирались слушать ее под свист вражеских мин и снарядов и старались быть в боях такими, как Василий».

Из писем фронтовиков А. Твардовскому

«“Теркин” был для меня ...моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

А. Твардовский

«Поэзия еще не рождала такой фигуры, как Теркин. Образ по значимости, по популярности в народе может сравниться с Иванушкой-дурачком. А может, и вообще ни с кем, потому что такой России в живых народных лицах, интонациях в русской поэзии еще не было. Вот где эпос-то с лирикой».

Ф. Абрамов

Советуем прочитать

Стихотворения А.Т. Твардовского «Армейский сапожник», «В тот день когда окончилась война...», «О Родине», «Жестокая память», а также полное издание поэмы «Василий Теркин».

Гафур ГҮЛЯМ

(1903–1966)

Народный поэт Узбекистана Гафур Гулям — поэт-новатор, открывший новую страницу в узбекской поэзии... стихи и поэмы его глубоко реалистичны, отличаются ярким, красочным языком.

Камил Яшен

Гафур Гулям — известнейший поэт и писатель Узбекистана, творческий путь которого начался в период гражданской войны. Он был талантливым учеником Хамзы в создании узбекской литературы и выступил как певец трудового народа.

В его поэзии и прозе нашла свое художественное воплощение история узбекского народа. Творчество писателя разнообразно — стихи, песни, поэмы, оды, рассказы, повести... Гафур Гулям известен своими талантливыми переводами на узбекский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Маяковского, Назыма Хикмета, Руставели, Низами, Шекспира, Данте, Бомарше и др., а также литературоведческими и публицистическими статьями.

В 1946 году за сборник стихов «Иду с Востока» поэт удостоен Государственной премии.

За выдающиеся заслуги в развитии литературы Гафур Гулям награжден орденами и медалями.

С 1943 года он — действительный член Академии наук Узбекистана.

Гафур Гулям родился 10 мая 1903 года в семье дехкана в Ташкенте. Отец его был грамотным человеком. Он читал произведения узбекской и таджикской классической литературы, владел русским языком, сам писал стихи. В его доме бывали поэты Муками, Фуркат, Асири, Хислат и другие.

С 1923 года началась литературная деятельность Г. Гуляма. Стихи, поэмы, очерки, юмористические рассказы, повести появ-

ляются в газетах и журналах. Один за другим выходят сборники его стихов: «Динамо», «Китайские картины», «Это мы с вами живые люди», «Живые песни», «Вам», «Подарок», «Песни рассвета».

На формирование мировоззрения и художественного вкуса Гафура Гуляма огромное влияние оказали произведения Владимира Маяковского.

В одной из статей Гафур Гулям писал: «Я ... знаю и люблю русских классиков и перевел немало их произведений на свой родной язык. Но больше всего мне хочется назвать себя учеником Маяковского», который «открывал для меня самые разнообразные и неисчерпаемые возможности в области ритмики, словаря, образа, звукового строения стиха. Кроме гневной, бичующей иронии в сатирах, потрясающе огромной силы чувства в лирике Маяковского, я старался вобрать в себя... всю мужественную ораторскую силу его ритмов, интонаций, смелость метафор, выразительность гипербола. Даже разбивку стиха, повышающую его ритмическую, интонационную и смысловую выразительность, мне удалось применить в узбекском стихосложении».

Это подтверждается многими произведениями Гафура Гуляма, например: «Родная земля», «Да здравствует мир!».

В стихотворениях Гафура Гуляма, написанных в начале 30-х годов, намечается поворот к новым формам, чему в немалой степени способствовало изучение русской классической поэзии. Кроме того, для описания таких удивительных изменений, которые происходили в его родном краю: бурный рост промышленности, строительство железнодорожной магистрали, потребовались новая лексика, новые поэтические краски, новые интонации и ритмы.

В 20—30-е годы в узбекской поэзии широко разрабатывалась производственная тема. Гафур Гулям старался как можно глубже раскрыть эту тему в стихах и поэме, посвященной строительству Туркестано-Сибирской железной дороги. А теперь по новым дорогам

Вереницей летят эшелоны,
Мчатся хлеб и железо и лес,
И руда
Днем и ночью, как неотвратимый,

Неуклонный,
В грудь врага устремленный
Удар,
Чтоб скорее покончить .с врагом
Навсегда.

Актуальным для своего времени произведением была поэма «Юлдаш», рассказывающая о могучей силе воспитания молодого поколения. В гражданскую войну родные потеряли Юлдаша. О мальчишке, как и о других осиротевших подростках, ставших беспризорниками, государство проявило заботу — создало для них интернаты и детские дома, где дети нашли приют:

Сколько ласковых глаз,	Изучи
Сколько бережных рук	И проверь...
В интернате нашел	Здесь не надо стучаться
Удивленный Юлдаш!	В закрытую дверь.
Столько верных друзей,	Страсть к работе
Столько славных подруг!	В сознание входит сама,—
	Все осмысли,
	Осиль.

В поэме с большим мастерством и теплотой изображена встреча Юлдаша с отцом, глубоко и полно раскрыт облик людей, верных своему долгу.

Тема защитника страны получает дальнейшее развитие и углубление в творчестве Гафура Гуляма в период войны 1941—1945 гг. Он обращается к людям с призывом вкладывать свой творческий труд, «все терпенье, весь талант» «в стройки, в славные дела», в победу над фашизмом.

Поэт воспевае роль женщины-узбечки в экономическом развитии страны в послевоенный период:

Из траура глухих ночей,
Бессонных, трудных, как и дни
Из тьмы невежества, тоски...
О женщина, с недавних лет
Ты вырвалась на белый свет!
Иди ж в гремящие цеха
И в институт, где мысль светла,
Чтоб все понять — и звон стиха,
И пенье быстрого сверла.

Тебе весь мир сегодня дан, —
Его бери, о ападжан!

В поэме «Два акта» он прославляет переустройство кишлака, выражая чувства узбекского крестьянства и его мечты о будущем.

Поэма сильна своей верностью суровой правде жизни, своим глубоким разумом.

Творчество Гафура Гуляма отличается широтой поэтических интересов, размахом изображения реальной действительности.

Гафур Гулям — автор ряда очерков и повестей: «Загс», «Воскресший труп», «Ядгар», «Озорник», «Кто виноват?», «Нетай» и другие. Он известен и как мастер короткого, остросюжетного рассказа, где вводится в качестве повествовательного приема авторская речь и свободное обращение к читателю в форме живой дружеской беседы-спора, пересыпанных вопросами и ответами самого писателя.

Писатель с любовью рассказывает о своих положительных героях, тонко передает их психологию, глубоко проникает в их внутренний мир и выявляет характернейшие особенности их духовной жизни.

Много произведений Гафур Гулям посвятил детям. Наиболее удачным является рассказ «Озорник». Герой рассказывает о своей жизни. Мальчик бежал из дома к тете, потому что мама его наказала, когда он вынес из дома продукты. Но и здесь ему не повезло: он случайно убил перепелку дяди и потому оставил и этот дом. Так он начал бродяжничать и скитаться. Писатель сосредоточивает внимание на изображении переживаний и чувств озорника, на его внутреннем состоянии души. Описание внешних событий, вещей, всего, что окружает маленького героя, служит углубленному раскрытию человеческих чувств. Этому подчинено все — и сам принцип описания явлений и пейзажа, и образная ткань произведения.

Детям и юношеству посвятил Гафур Гулям и превосходные стихи: «Два детства», «Я знаю», «Тебя ждет Родина».

Популярность в народе и высокая оценка, данная произведениям критикой, вдохновили Гафура Гуляма на создание новых, более совершенных произведений. Расцвело поэтическое творчество Гафура Гуляма в военный период — яркое свидетельство

ство патриотизма, неразрывной связи его с народом. С первых же дней войны поэт отдает все силы священной борьбе против немецких фашистов.

За военные годы Гафур Гулям создал такие замечательные стихотворения, получившие широкую известность, как «Ты не сирота», «Жду тебя, сын мой!», «Время», «Проводы», «Женщина», «Будет и на нашей улице праздник».

В стихотворении «Проводы» изображен любящий отец, с полным сознанием своего патриотического долга обращающийся к сыну со словами:

Лети же, мой сокол, на битву вперед!
Тебе восемнадцать исполнилось лет...

В стихотворении «Жду тебя, сын мой!» поэт воспевает стойкость и силу отцов, которые своим героическим трудом в тылу приближали победу над врагом.

Любовь человека к детям в те тяжелые годы приобрела великий смысл. Это живо ощущаешь, читая замечательное стихотворение «Ты не сирота», в котором речь идет о детях, потерявших родителей, и сердечной заботе о них простых людей:

Гордой радости —
чувства отцовского полн,
Буду я
над кроваткой твоею сидеть,
Над головкою
русой твоей, дорогой,
И смотреть на тебя,
и беречь твой покой...

Стихотворения поэта «Великан», «Праздник победителей», «Время», «Женщина», написанные в годы войны, являются образцами высокой гражданской поэзии. Они вошли в сборник «Иду с Востока».

В послевоенные годы Гафур Гулям издает ряд поэтических сборников: «Новые стихи», «Огни Узбекистана», «Матери», «Гордость узбекского народа», «Песня на рассвете», «Да здравствует мир!», «Это подпись твоя». В стихотворениях, вошедших в эти сборники, поэт стремился ответить на важнейшие вопросы мирного времени, показать успехи узбекского народа на трудовом

поприще. Герой его произведений — бывший воин, занятый мирными делами и мирным трудом.

Гафур Гулям — страстный борец за мир, дружбу и счастье народов. Поэт создал цикл стихов, посвященных борьбе за мир. Лучшие из них: «С трибуны мира», «Да здравствует мир!», «Это подпись твоя» и другие.

Творчество Гафура Гуляма послевоенного периода сыграло значительную роль в развитии узбекской литературы. Если в военные годы в его стихотворениях находим глубокие переживания и думы людей, с оружием в руках защищающих то, что было ими создано до войны, то в его послевоенной лирике с поэтической непосредственностью и душевной взволнованностью звучат переживания тех же людей, отстаивающих мир на земле.

Послевоенная лирика поэта, таким образом, является логическим продолжением и развитием его лирики военных лет, а стихотворения «Запомни, тебя Родина ждет!» и «Праздник победителей» — как бы связующее звено этих двух периодов творчества писателя.

РАЗБУДИТЕ ОЛМОС!

Не дала нам природа прав таких:
Чтоб задумал — и длилась ночь за окном.
Моя дочь Олмос безмятежно спит,
Знать, еще не насытилась сладким сном.

Машет крыльями ветер меж ярких роз,
Мотыльки один за другим летят.
В чайхане спозаранку — два старика;
— Шах, — один сказал и добавил: — Мат.

Копья солнца выставил Бешик-даг.
Рассмеялась розовым смехом заря.
Этот смех подхватили дружно сады,
Меж собой о чем-то смешном говоря.

Быстрокрылая пчелка жужжит, жужжит,
В золотых сапожках садясь на цветок.

Где слова найду, чтобы рассказать,
Как начавшийся день хорош и высок!

Будто птичка чирикнула в цветнике,
Голосок послышался и затих.
То не птичка: садовница Хаири
Занята подрезкой веток сухих.

В клетке перепел вдруг заклевал, запел
В положенный срок, приподняв крыло.
С виноградника теплый зимний покров
Дуновенье весеннее унесло.

Разбудите Олмос! Ведь нелегкий труд
Перемножить пять на пять — для детских лет.
Поднялась. Умывшись, книжки берет.
И пошла. На лице ее солнца свет.

В ЧЕМ КРАСОТА?

— Красота без прикрас —
В блеске девичьих глаз,
В речи, звучной, как саз...

Нет! Подумай-ка брат:
Век у этой красы,
Как у летней росы,
Промелькнет за часы...
Жизнь прекрасней стократ!

Красота — в волокне
И в тяжелом зерне.
Знай, прекрасен в стране
Труд, достойный наград!

ЛЕТО

Проходит лето. Тот, кто скажет: «Вот
Жаре конец» — и все, — мне жалок тот.
Достойно лето слов иных. О нем —
Писать поэмы золотым пером.

Писать о вишнях, алых, как заря,
Писать, что юность не пропала зря.
Услышать вновь над полем в душный зной
Напев девичьей песенки простой.

* * *

Цветет хлопчатник, нежно розов он.
Трудом своим горда Масудахон.
Чилляк созрел, и так прозрачна гроздь,
Что косточки его видны насквозь!

Все дальше, глубже лето, что ни день,
Все выше солнце, все короче тень.
Пушистый персик, как восход, румян,
Он украшает город Маргелан.

Благословен природы щедрый дар —
Черешен, яблоков, гранат пожар,
Корзины миндаля и спелый тут —
Вознагражденье за колхозный труд.

* * *

В зените солнце, и трава рыжа,
И слаще плова в этот час гуджа.
— Кончайте! — бригадир кричит. — Пора! —
Мы на кошму садимся у костра.

Я сам взрастил пшеницу — сеял, жал,
Зерно молот и в печи хлеб сажал.
Да здравствует наш труд, земля, кетмень!
Отчизна наша, наш счастливый день!

* * *

С ветвей летят на желтый глинозем
Дождинки дробным золотым дождем.
Душа поет, и я беру тетрадь,
Дастан о лете я хочу писать.

Вопросы и задания

1. Назовите ключевые темы в поэзии Г. Гуляма. В чем причины, на ваш взгляд, их приоритета в поэтическом творчестве Г. Гуляма?
2. Расскажите о своем отношении к поэзии Г. Гуляма. Какие стихотворения вам больше всего понравились?
3. Выучите наизусть одно из стихотворений (по выбору) и выразительно прочитайте его в классе.
4. Какие мысли и чувства вызвало у вас творчество Г. Гуляма?

Советуем прочитать

- Г. Гулям. Повесть «Ядгар»; стихотворение «Ты не сирота».
Ч. Айтматов. «Ранние журавли».
М. Джалиль. «Маобитская тетрадь», «Мои песни», «Один совет».

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

(1892–1968)

Сила таланта Паустовского в неизмеримом ощущении молодой открытости и чистоты его героев... Для него критерий истины и морали — красота мира и красота духовная.

Ю. Бондарев

Константин Паустовский — один из самых ярких представителей романтического направления в русской литературе середины XX века. Один из многочисленных исследователей богатого творческого наследия Паустовского лирик Ю. Казаков рассказывает, что Константин Георгиевич «Происходил с одной стороны от бабки-турчанки, была в нем польская кровь, была и запорожская. О предках говорил он, всегда посмеиваясь, покашливая, но было видно — чувствовать себя сыном Востока и запорожской вольницы ему приятно...» Великим странствованием называли его друзья и близкие. Жажда познания мира, страсть к «нововведению», удивительная любознательность гнали его с места на место. Он побывал во всех четырех частях света — на юге и севере, на востоке и западе. Бывал на Кавказе и в Закаспии, в Карелии и в Средней Азии, на Кольском полуострове и в Сибири, в Прибалтике и в Молдавии, в Белоруссии и на Дальнем Востоке. А среднюю полосу России — его любимые края — изъездил вдоль и поперек. И всюду, всегда всматривался в жизнь людей, в их облик и характеры, познавал глубины общественного бытия и лежащие на поверхности «мелочи», ускользающие от внимания простых людей. Накопленный багаж знаний жизни художественно воплощался в его романтически окрашенных произведениях. На карте странствий Паустовского — Болгария, Греция, Турция, Италия, Франция, Голландия, Швеция, Великобритания. И всюду он — не ту-

рист, а познаватель жизни, наблюдатель рельефных слепков природы, местности, запоминатель выразительных образов встречаемых людей.

А родился Паустовский в Москве 31 мая 1892 года, учился в гимназии. Позже, в 1911 году, поступил в Киевский университет на естественно-исторический факультет. Отучившись три года, вернулся в Москву, стал студентом юридического факультета Московского университета. Прежде чем стать профессиональным писателем, сменил множество профессий — от вожатого трамвая и санитара до учителя. И только в 37 лет, т.е. в 1929 году, увлекся литературной работой. В годы войны был военным журналистом на Южном фронте, затем стал профессиональным писателем. Начало литературной деятельности тесно связано с романтическим направлением. Заявил он о себе как романтик в повести «Блестящие облака» и в повести «Романтики». И все-таки Паустовский реалист с романтическим отображением живой действительности.

Одна из замечательных его книг — сборник рассказов и повестей «Золотая роза», опубликована в 1956 году. В этот сборник помещено наиболее талантливое произведение — повесть, давшая название всей книге, «Золотая роза», повествующая о характере, особенностях и «прекрасной сущности писательского труда», о ценности точно найденного словесного образа и о том, из каких «золотых пружин», добываемых писателем складывается само художественное произведение — воистинно золотая роза. Писатель откровенно делится с читателем о том, как были написаны многие его рассказы и повести, показывает «тот писательский житейский материал, из которого рождается проза» — как рождается золотая роза, выплавленная мастером-ювелиром из собранных пылинок драгоценного металла, годами накапливавшегося на его рабочем месте. Повесть заканчивается многозначительной фразой: «На этом кончаю первую книгу своих заметок о писательском труде с ясным ощущением, что работа только начата и впереди ее — непочатый край». И это были не пустые слова. Восемнадцать лет (1945—1963) работает он над большой «автобиографической эпопеей «Повесть о жизни», состоящей из шести частей. И тема «Золотой розы» в ней занимает не последнее место.

Реалист по взглядам на жизнь, романтик по способам художественного изображения живой действительности, Паустовский создает ряд романтически великих новелл и рассказов, среди которых выделяются своим емким психологизмом, правдивостью изображения жизни рассказы «Стеклянные бусы» и «Телеграмма». Герои здесь просты и искренни, доверчивы, лишены мелочности, всегда готовы оказать посильную помощь, в ней нуждающимся. В «Стеклянных бусах» взят для сюжета один факт из фронтовой жизни. Отряду бойцов надо было пройти пересеченную местность незамеченными немцами. В небольшой деревушке он остановился, чтобы найти проводника. «Вместо опытного проводника лейтенанту привели десятилетнюю девочку — Ганьку», — сообщает писатель. В опустевшем поселке никого не нашлось, кто бы мог выполнить это ответственное задание. «А ты не боишься?» — усомнился командир. Бойцы хмурились: что за провожатый. «Несерьезный получается разговор, но делать нечего — согласились и на десятилетнюю Ганьку. Судьба военных была доверена маленькой Ганьке, которая отлично выполнила задание. Бойцы не знали, чем отблагодарить девочку. Случайно у лейтенанта нашлись красивые стеклянные бусы. Рано утром, когда Ганька еще спала, лейтенант, уходя с отрядом, повесил бусы на плетень около дома, где они ночевали. И когда Ганька утром увидела бусы, которые ярко и празднично горели в лучах солнца, радости ее не было границ. Ганька была счастлива!

— Монисто это краше золота, — сказал дед Игнатий, радуясь за маленькую Ганьку.

Писатель в этом рассказе показал, как патриотический поступок бесстрашной Ганьки обернулся теплым детским счастьем.

Паустовский в небольшом рассказе утвердил мысль, что счастье во взаимопонимании, взаимовыручке людей, в чувстве патриотизма, который закладывается в душе ребенка, как фундамент, на долгие годы. А бусы-то — символ любви и благодарности бойцов к этой маленькой девочке.

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и все доцветал и никак не мог доцвести, осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало еще труднее вставать по утрам и видеть все то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы¹», пожелтевшие чашки на столе, давно нечищенный самовар и картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась темная вода², или, может быть, картины потускнели от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот это — портрет ее отца, а вот эта — маленькая, в золотой раме, — подарок Крамского³, эскиз к его «Неизвестной».

Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном ее отцом, — известным художником.

В старости художник вернулся из Петербурга в свое родное село, жил на покое и занимался садом. Писать он уже не мог: дрожала рука, да и зрение ослабло, часто болели глаза.

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрет она, последняя его обитательница, Катерина Петровна не знала...

— Сдам в утиль, — решала Манюшка, забирала все и уходила.

---

¹ «Вестник Европы» — журнал, выходивший в 1866—1918 гг.

² Темная вода (разг.) — слепота.

³ Крамской И.Н. (1837—1887) — русский художник. В своих картинах и портретах глубоко раскрывал психологию человека.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае — Тихон, тощий, рыжий. Он еще помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу.

Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберег на всю жизнь. Глядя на его картины, он громко вздыхал.

— Работа натуральная!

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но все же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колол на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая, — и все перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна...

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди, Бог с тобой!

Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до нее. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, свое счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана так тихо, что мышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца веселый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были все одни и

те же: «столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо».

Катерина Петровна... в ту же ночь написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зимы эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать, — смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет — совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело; вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень»...

Настя работала секретарем в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — все это проходило через ее руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живет, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают и не дают развернуться.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась, — сейчас она нравилась самой себе. Художники звали ее Сольвейг¹ за русые волосы и большие холодные глаза.

Открыл сам Тимофеев — маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые боты.

— Не раздевайтесь, — буркнул Тимофеев. — А то замерзнете. Прошу!

Он провел Настю по темному коридору, поднялся вверх на несколько ступенек и открыл узкую дверь в мастерскую.

---

¹ *Сольвейг* — героиня драмы норвежского писателя Ибсена «Пер Гюнт» (букв. Солнечный путь). Олицетворение поэтичности, красоты.

Из мастерской пахло чадом. На полу около бочки с мокрой глиной горела керосинка. На станках стояли скульптуры, закрытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в ее темной воде. Ветер посвистывал в рамах и шевелил на полу старые газеты.

— Боже мой, какой холод! — сказала Настя и ей показалось, что в мастерской еще холоднее от белых мраморных барельефов¹, в беспорядке развешанных по стенам.

— Вот, полюбуйтесь! — сказал Тимофеев, пододвигая Насте испачканное глиной кресло. — Непонятно, как я еще не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской от калориферов² дует теплом, как из Сахары.

— Вы не любите Першина? — осторожно спросила Настя.

— Выскочка! — сердито сказал Тимофеев. — Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож на неандертальского³ человека. Лепит деревянной лопатой. А хитер, милая моя, хитер, как кардинал!

— Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя, чтобы переменить разговор.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придирчиво осмотрел ее со всех сторон, присел на корточки около керосинки, грея руки, и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная ее насквозь, смотрел на нее остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьется тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. — Эх ты, сорока!»

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьезный дядя, да?

---

¹ *Барельеф* — выпуклое скульптурное изображение на плоской поверхности.

² *Калорифер* — прибор для отопления помещения нагретым воздухом.

³ *Неандерталец* — первобытный человек, почти животное.

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

— Превосходно, — повторил он. — Все говорят: превосходно. И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь — превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределенно хмыкнет — и готово. А Першин хмыкнул — значит, конец!.. Ночи не спишь! — крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, то-

пая ботами. — Ревматизм в руках от мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свиные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груду книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

— Это все о Гоголе! — сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей-богу, я готов драться.

— Ну что ж, будем драться вместе, — сказала Настя и встала. Тимофеев крепко пожал ей руку, и она ушла с твердым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливого человека из безвестности.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке с лепным золоченым потолком, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и вздохнула. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева.

Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

— Ни черта у вас не получится, дорогая моя, — со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только трачу время, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы от уязвленной гордости, что они наиграны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуру при электричестве.

— Мертвый свет! — ворчал он. — Убийственная скука! Керосин и то лучше.

— Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип? — вспыхнула Настя.

— Свечи нужны! Свечи! — страдальчески закричал Тимофеев. — Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу. Абсурд!

На открытии были скульпторы и художники. Непосвященный, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспыхливый художник подошел к Насте и похлопал ее по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдет до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Еще раз благодарю!

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому, незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел нахохлившись, рассматривал паркет, но все же искоса поглядывал на выступающих, не зная, можно ли им верить или пока еще рано.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на свое место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне». Она посмотрела на адрес: нет, телеграмма была ей. Тогда только она заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, покачиваясь и придерживая очки, — забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать. Я счастлив отметить в нашей среде, в среде скульпторов и художников проявление этой заботы. Я говорю о выставке работ товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком обязаны — да не в обиду будет сказано нашему руководству — одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семеновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слез.

Кто-то тронул ее сзади за руку. Это был старый вспльчивый художник.

— Что? — спросил он шепотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

— Ага! — пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но чей-то взгляд, тяжелый и пронзительный, Настя все время чувствовала на себе и боялась поднять голову. «Кто бы это мог быть? — подумала она. — Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расходились нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: Гоголь смотрел на нее, усмехаясь. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: «Эх, ты!».

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу и побежала на улицу.

Валил водянистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь. Хмурое небо все ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспоминала Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода, вдруг поняла, что никто ее так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

«Поздно! Маму я уже не увижу»,— сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо.

«Что ж это, мама? Что? — думала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила».

Настя вышла на Невский проспект, к городской станции железных дорог.

Она опоздала. Билетов уже не было. Настя стояла около кассы, губы у нее дрожали, она не могла говорить, чувствуя, что от первого же сказанного слова она расплчется навзрыд. Пожилая кассирша в очках выглянула в окошко.

— Что с вами, гражданка? — недовольно спросила она.

— Ничего, — ответила Настя. — У меня мама...

Настя повернулась и быстро пошла к выходу.

— Куда вы? — крикнула кассирша. — Сразу надо было сказать. Подождите минутку.

В тот же вечер Настя уехала. Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела» едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса, обдавая их паром и оглашая протяжным предостерегающим криком.

...Тихон пришел на почту, пошептался с почтарем Василием, взял у него телеграфный бланк, повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осторожно сложил бланк, засунул в шапку и поплелся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничего не болело, но обморочная слабость давила на грудь, на голову, на ноги и трудно было вздохнуть.

Манюшка шестые сутки не отходила от Катерины Петровны. Ночью она, не раздеваясь, спала на продавленном диване. Иногда Манюшке казалось, что Катерина Петровна уже не дышит. Тогда она начинала испуганно хныкать и звала:

— Бабка? А бабка? Ты живая?

Катерина Петровна шевелила рукой под одеялом, и Манюшка успокаивалась.

В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло. Манюшка топила печку. Когда веселый огонь освещал бревенчатые стены, Катерина Петровна осторожно вздыхала — от огня комната делалась уютной, обжитой, какой она была давным-давно, еще при Насте. Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкатывалась и скользила по желтому виску, запутывалась в седых волосах одна-единственная слезинка.

Пришел Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Похолодало, Катерина Петровна! — бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. — Снег скоро выпадет. Оно к лучшему. Дорогу морозцем собьет — значит, ей будет способнее ехать.

— Кому? — Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло.

— Да кому же другому, как не Настасье Семеновне, — ответил Тихон, криво ухмыляясь, и вытащил из шапки телеграмму. — Кому, как, не ей.

Катерина Петровна хотела подняться, но не смогла, снова упала на подушку.

— Вот! — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул ее Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна ее не взяла, а все так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У нее слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот, пригладил рыжие редкие волосы и глухим, неуверенным голосом прочел: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша! — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, курил, опустив голову, сплевывал и вздыхал, пока не вышла Манюшка и не поманила в комнату Катерины Петровны.

Тихон вошел на цыпочках и всей пятерней отер лицо. Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно уснувшая.

— Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх, горе ее горькое, страданье неписаное! А ты смотри, дура, — сказал он сердито Манюшке, — за добро плати добром, не будь пустельгой. Сиди здесь, а я сбегая в сельсовет, доложу.

Он ушел, а Манюшка сидела на табурете, подобрав колени, тряслась и смотрела, не отрываясь, на Катерину Петровну.

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмерзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые. От них тянуло острым и веселым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины — старички, будто заросшие чистой паклей. Манюшка с братом Володькой несли крышку гроба и не мигая смотрела перед собой.

Кладбище было за селом, над рекой. На нем росли высокие желтые от лишаев вербы.

По дороге встретилась учительница. Она недавно приехала из областного города и никого еще в Заборье не знала.

— Учителька идет, учителька! — зашептали мальчишки.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая, совсем еще девочка. Она увидела похороны и робко остановилась, испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу. На лицо старушки падали и не таяли колкие снежинки. Там, в областном городе, у учительницы осталась мать — вот такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и такая же совершенно седая.

Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Старухи оглядывались на нее, шептались, что вот, мол, тихая какая девушка и ей трудно будет первое время с ребятами — уж очень они в Заборье самостоятельные и озорные.

Учительница наконец решилась и спросила одну из старух, бабу Матрену:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мила-ая, — тотчас запела Матрена, — почитай что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Все бывало сидит и сидит у себя на диванчике одна, не с кем ей слова сказать. Такая жалость! Есть у нее в Ленинграде дочка, да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без сродственников.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, дотрагивались темными руками до земли. Учительница подошла к гробу, наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в высохшую желтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему рассказ называется «Телеграмма»?
2. Образ сельской учительницы дан в конце рассказа во время похорон Катерины Петровны. Подумайте, есть ли сюжетная связь между учительницей и Настей?
3. Какую функцию выполняет природа в рассказе «Телеграмма»?
4. Определите кульминационный момент в рассказе «Телеграмма».
5. Как характеризуют Настю слова Першина: «В наши дни забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать».
6. Как вы оцениваете поведение Насти, которая так участливо заботится о художнике Тимофееве, что «забыла» прочитать письмо от матери и телеграмму о ее возможном уходе из жизни?
7. Какие чувства пробудились в Насте, когда она оценивала взгляд скульптуры Гоголя?
8. Почему Катерина Петровна не переехала к дочери в Ленинград?

Советуем прочитать

К. Паустовский. «Золотая роза», «Снег», «Бриз», «Белая радуга», «Развалины рек», «Драгоценная пыль», «Алмазный язык», «Ночной дилижанс» (по выбору учащихся).

**Виктор
Петрович
АСТАФЬЕВ**

❖
(1924–2002)

«Добрая книга — как всхожее зерно, она прорастает в душе, и когда это происходит, книга становится взыскательным и строгим собеседником».

В. Астафьев

Приведенную мысль Виктора Астафьева можно признать как справедливую самооценку его писательского труда, ибо его произведения: «Стародуб», «Перевал», «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Царь-рыба», «Печальный детектив» — нашли признание взыскательной критики и многомиллионного читателя. Эти книги — приметные вехи в истории русской литературы второй половины XX века. Сюжеты и герои глубоко правдивы, психологически насыщены. Его произведения — яркое отражение реальной действительности, страстное отображение социально-бытовых условий жизни бесхитростных, простодушных людей, «выросших в его книгах в своеобразную историю его современника». Виктор Астафьев и сегодня остается требовательным к себе и к художникам слова, бескомпромиссным бытописателем. «...В литературе русской не должно быть никакого баловства, никакой самонадеянности», — подчеркивал он, выражая свое отрицательное отношение к скороспелым произведениям-«однодневкам» низкого художественного достоинства, нередко встречающимся ныне на полках книжных магазинов. Отстаивая традиции русской реалистической и романтической литературы, Астафьев писал: «...За нашей спиной стоит блистательная литература, возвышаются горами великие титаны художественного слова, и нет никаких оснований отнимать их у современного читателя».

Виктор Петрович Астафьев родился 2 мая 1924 года в далеком от культурных центров селе с символическим названием Овсянка — словно только и было самым ценным в деревне овес да ржаная мука — в Красноярском крае. Его родители потомственные крестьяне. Рано лишившись родителей, Виктор свое детство и юность прожил в детдоме и в заполярном порту Игарке, учился в школе, в железнодорожном ФЗО¹, по окончании некоторое время работал составителем поездов на станции Базонка. В 1942 году добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен. После войны работал слесарем, грузчиком, плотником в вагонном депо города Чусовая Пермской области.

В отличие от своих сверстников все свободное время просиживал в библиотеках, увлекался русской классикой и современной литературой. Природный дар — любознательность, страстная впечатлительность, тонкая наблюдательность, пытливый ум — все это в сочетании с природным талантом сыграли свою положительную роль в формировании будущего писателя, который в 1951 году заявил о себе первым рассказом «Гражданский человек».

С тех пор писатель ни разу не изменил своему природному дару. Одно за другим выходят в печати его прекрасные произведения.

Семейный быт, народные традиции и нравы сибиряков ярко представлены им в таких произведениях, как «Ода русскому огороду», «Бери да помни», «Русский алмаз», «Слякотная осень» и другие. Как-то Астафьев сказал: «Книга... всегда и просьба, и призыв, и завет: пока живешь — помни». Именно эта идея заложена в рассказе «Бери да помни», помни обо всем, чем жив человек. В произведении «Печальный детектив» писатель поднимает вопрос о ценности активной человеческой жизни, ее смысле; смысл и ценность человека — в служении людям, народу, своей родине. Эту свою нравственную заповедь он выстрадал в годы войны, которую прошел до победы рядовым солдатом.

Все его произведения овеяны этой центральной в его творчестве идеей. Она звучит и в первом его рассказе «Гражданский

---

¹ ФЗО — фабрично-заводское обучение.

человек», и в наиболее зрелых произведениях — в сборнике рассказов «Царь-рыба», в книгах «Пастух и пастушка», «Печальный детектив», «Перевал», «Звездопад» и др.

Природа и человек в ней как активная всепоглощающая, все перестраивающая и перекраивающая часто ей во вред сила — лейтмотив¹ его художественных произведений.

Следуя своей нравственной заповеди, Астафьев в рассказе «Царь-рыба» справедливо возвеличивает природные достоинства осетровых рыб, одновременно изобличает жадность, скаредность², корыстолюбие браконьеров, в лице главного героя Игнатъича, который ради личного обогащения безжалостно уничтожает запасы царь-рыбы, наносит ущерб рыбацким ресурсам. Автор резко критикует бесхозяйственность, которой успешно пользовался «главный браконьер» Игнатъич.

Финал рассказа «Царь-рыба» овеян светлой грустью. Царь-рыба может погибнуть от рук браконьера Игнатъича, может погибнуть и сам браконьер, как бы наказанный самой природой за злодеяния против нее — наказан, но не органами власти. И это тоже печально.

Сибиряк Виктор Астафьев безумно влюблен в свой край — «мою родную Сибирь». Он преклоняется перед красотой и потенциальным богатством суровой и щедрой земли, мужеством и мудростью ее людей; свое особое отношение к Сибири он выразил в сборнике рассказов «Последний поклон», над которым работал 18 лет — с 1960 по 1978 г. В этот сборник вошел и рассказ «Фотография, на которой меня нет». Писателя волнует старая фотография — память о прошлом. И это не важно, что самого автора на ней нет, зато есть волнительная память о былом, о том, почему его нет на фотографии.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, в чем состоит нравственная позиция Астафьева? В каких произведениях автор изобличает бесхозяйственность, неэффективную борьбу с браконьерами?

2. В каких произведениях писатель художественно освещает семейный быт, обычаи, традиции сибиряков?

---

¹ *Лейтмотив* — сквозная, основная мысль, неоднократно повторяемая и подчеркиваемая автором.

² *Скаредность* — скупость от жадности.

3. Какие произведения Астафьева вы читали раньше?

4. Попробуйте раскрыть нравственную позицию писателя, показать его отношение к природе и людям честным, порядочным и к людям — двурушникам, лицемерам.

5. Напишите домашнее сочинение на тему: «Жизненный путь Астафьева — от простого рабочего до известного писателя».

ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ

Глухой зимою, во времена тихие, сонные нашу школу взбудоражило неслыханно важное событие.

Из города на подводе приехал фотограф!

И не просто так приехал, по делу — приехал фотографировать.

И фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд... а нас, учащихся овсянской школы.

Фотограф прибыл за полдень, и по этому случаю занятия в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж и жена — стали думать, где поместить фотографа на ночевку.

Сами они жили в одной половине дряхленького домишка, оставшегося от выселенцев, и был у них маленький парнишка-ревунок. Бабушка моя, тайком от родителей, по слезной просьбе тети Авдотьи, домовничавшей у наших учителей, три раза заговаривала пупок дитенку, но он все равно орал ночи напролет и, как утверждали сведущие люди, наревел пуп в луковицу величиной.

Во второй половине дома размещалась контора сплавного участка, где висел пузатый телефон, и днем в него было не докричаться, а ночью он звонил так, что трубка рассыпалась, и по телефону этому можно было разговаривать. Сплавное начальство и всякий народ, спяну или просто так забредающий в контору, кричал и выражался в трубку телефона.

Такую персону, как фотограф, неподходяще было учителям оставить у себя. Решили поместить его в заезжий дом, но вмещалась тетка Авдотья. Она отозвала учителя в куть¹ и с напором, правда конфузливой, взялась его убеждать:

---

¹ *Куть* (местн.) — придверная часть избы.

— Им тама нельзя. Ямщиков набьется полна изба. Пить зачнут, луку, капусты да картошек напрутся и ночью себя некультурно вести станут. — Тетка Авдотья посчитала все эти доводы неубедительными и прибавила: — Вшей напускают...

— Что же делать?

— Я чичас! Я мигом! — Тетка Авдотья накинула полушалок и выкатилась на улицу. Фотограф был пристроен на ночь у десятника сплавконторы. Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Иванович Чехов. Происходил он из ссыльных. Ссылными были не то его дед, не то отец. Сам он давно женился на нашей деревенской молодежи, был всем кумом, другом и советчиком по части подрядов на сплаве, лесозаготовках и выжиге извести. Фотографу, конечно же, в доме Чехова — самое подходящее место. Там его и разговором умным займут, и водочкой городской, если потребуется, угостят, и книжку почитать из шкафа достанут.

Вздыхнул облегченно учитель. Ученики вздохнули. Село вздохнуло — все переживали. Всем хотелось угодить фотографу, чтобы оценил он заботу о нем и снимал бы ребят, как полагается, хорошо снимал.

Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу, гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решение вопроса о распорядках выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние — в середине, плохие назад — так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину рассчитывать было трудно. Быть нам сзади, где и не разберешь, кто заснят? Ты или не ты? Мы полезли в драку, чтоб боем доказать, что мы — люди пропащие. Но ребята прогнали нас из своей компании, даже драться с нами не связались. Тогда пошли мы с Санькой на увал¹ и стали кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек не катался. Ухарски гикая, ругаясь, мчались мы не просто так, а в погибель, поразбивали о камень полозья санок, коленки поносили, вывалялись, начерпали полные катанки² снегу.

---

¹ Увал — крутой склон.

² Катанки — валенки, зимняя обувь сибиряков.

Бабушка уж затемно сыскала нас с Санькой на увале, обоих настегала прутом.

Ночью наступила расплата за отчаянный разгул — у меня заболели ноги. Они всегда ныли от «рематизни», как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стоило мне застудить ноги, начерпать в катанки снегу — тотчас нудь¹ в ногах переходила в невыносимую боль.

Я долго терпел, чтоб не завывать, очень долго. Раскидал одежку, прижал ноги, ровно бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладонями сухо, как лучина, хрустящие суставы, засовывал ноги в теплый рукав полушубка — ничего не помогало. И я завыл. Сначала тихонько, по-щенячьи, затем и в полный голос.

— Так я и знала! Так я и знала! — проснулась и заворчала бабушка. — Я ли тебе, язвило бы тебя в душу и в печенки, не говорила: «Не студися, не студися!» — повысила она голос. — Так он ведь умнее всех! Он бабушку послушат? Он добрым словам воньмет? Загибат² теперь! Загибат, худа немочь! Мольчи лучше! Мольчи! — Бабушка поднялась с кровати, присела, схватившись за поясницу. Собственная боль действует на нее умиряюще. — И меня загибат...

Она зажгла лампу, унесла ее с собой в куть и там зазвенела посудой, флакончиками, баночками, скляночками — ищет подходящее лекарство. Припугнутый ее голосом и отвлеченный ожиданиями, я впал в усталую дрему.

— Где ты тутока?

— Зде-е-е-ся, — по возможности жалобно откликнулся я и перестал шевелиться.

— Зде-е-е-ся! — передразнила бабушка и, нашарив меня в темноте, перво-наперво дала затрещину. Потом долго натирала мои ноги нашатырным спиртом. Спирт она втирала основательно, досуха, и все шумела: — Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — И одной рукой натирала, а другой мне поддавала да поддавала: — Эк его умучило! Эк его крюком скрючило! Посинел, будто на леде³, а не на пече сидел...

¹ *Нудь* — нытье, глухая боль.

² *Загибат* — т.е. мучается от боли.

³ *На леде* — т.е. на льду.

Я уж ни гугу, не огрызался, не перечил бабушке — лечит она меня.

Выдохлась, умолкла докторша, заткнула граненый длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старой пуховой шалью, будто теплой опарой¹ облепила, да еще сверху полушубок накинула и вытерла слезы с моего лица щипучей от спирта ладонью.

— Спи, пташка малая, Господь с тобой и ангелы во изголовье.

Заодно бабушка свою поясницу и свои руки-ноги натерла вонючим спиртом, опустилась на скрипучую деревянную кровать, забормотала молитву пресвятой богородице, охраняющей сон, покой и благоденствие в доме. На половине молитвы она прервалась, вслушивается, как я засыпаю, и где-то уже сквозь склеивающийся слух слышно:

— И чего к ребенку привязалась? Обутки у него починеты, догляд людской...

Не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая и целебная оттого, что мамина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом. Бабушка уж не колотила меня, а, перепробовавши все свои лекарства, заплакала и напустилась на деда:

— Дрыхнешь, старый одер!.. А тут хоть пропади!

— Да не сплю я, не сплю. Чё делать-то?

— Баню затопляй!

— Середь ночи?

— Середь ночи. Экой барин! Робенок-то! — Бабушка закрылась руками: — Да отколь напасть такая, да за что же она сиротиночку ломат, как тонку тали-и-инку²... Ты долго кряхтеть будешь, толстодум? Че ишшэшь? Вчерашний день ишшэшь? Вот твои рукавицы. Вон твоя шапка!..

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным березовым веником, грела их над паром от каленых камней, парила сквозь тряпку всего меня, макая веник в хлебный квас, и в заключение опять же натерла нашатырным спиртом. Дома мне

---

¹ *Опара* — кислое, теплое тесто.

² *Талина* — ветла, верба.

дали ложку противной водки, настоянной на борце¹, чтоб внутренность прогреть, и моченой брусники. После всего этого напоили молоком, кипяченным с маковыми головками. Больше я ни сидеть, ни стоять не в состоянии был, меня сшибло с ног, и я проспал до полудня.

Разбудился от голосов. Санька препирался или ругался с бабушкой в кути.

— Не может он, не может. Я те русским языком толкую! — говорила бабушка. — Я ему и рубашечку, и пальтишко высушила, упочинила все, худо ли, бедно ли, изладила. А он слег...

— Баушка Катерина, машину, аппарат наставили. Меня учитель послал. Баушка Катерина!.. — настаивал Санька.

— Не может, говорю... Пстой-ка, это ведь ты, жиган, сманил его на увал-то! — осенило бабушку. — Сманил, а теперича?

— Баушка Катерина...

Я скатился с печи с намерением показать бабушке, что все могу, что нет для меня преград, но подломились худые ноги, будто не мои они были. Плюхнулся я возле лавки на пол. Бабушка и Санька тут как тут.

— Все равно пойду! — кричал я на бабушку. — Давай рубашу! Штаны давай! Все равно пойду!

— Да куда пойдешь-то? С печки на полати, — покачала головой бабушка и незаметно сделала рукой отмашку, чтоб Санька убирался.

— Санька, стой! Не уходи-и-и! — завопил я и попытался шагать. Бабушка поддерживала меня и уже робко, жалостливо уговаривала:

— Ну, куда пойдешь-то? Куда?

— Пойду-у-у! Давай рубаху! Шапку давай!..

Вид мой поверг и Саньку в удручение. Он помялся, помялся, потоптался, потоптался и скинул с себя новую коричневую телогрейку, выданную ему дядей Левонтием по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Санька. — Ладно! — еще решительней повторил он. — Раз так, я тоже не пойду! Все! — И под одобрительным взглядом бабушки Катерины Петровны про-

---

¹ *Борец* — здесь: ядовитое растение.

следовал в среднюю¹. — Не последний день на свете живем! — солидно заявил Санька. И мне почудилось: не столько уж меня, сколько себя убеждал Санька. — Еще наснимаемся! Ништя-а-ак! Поедем в город и на коне, может, и на ахтомобиле заснимемся. Правда баушка Катерина? — закинул Санька удочку.

— Правда Санька, правда. Я сама, не сойти мне с этого места, сама отвезу вас в город, и к Волкову, к Волкову. Знаешь Волкова-то?

Санька Волкова не знал. И я тоже не знал.

— Самолучший это в городе фотограф! он хочь на портрет, хочь на почпорт², хочь на коне, хочь на ероплане, хочь на чем заснимет!

— А школа! Школу он заснимет?

— Школу-то? Школу? У него машина, ну аппарат-то не перевозной. К полу привинченный, — приуныла бабушка.

— Вот! А ты...

— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.

— В ра-амку! Зачем мне твоя рамка?! Я без рамки хочу!

— Без рамки хочешь! Хочешь? Дак на! На! Отваливай! Коли свалишься с ходуль своих, домой не являйся! — Бабушка покидала в меня одежонку: рубаху, пальтишко, шапку, рукавицы, катанки — все покидала: — Ступай, ступай! Баушка худа тебе хочет! Баушка — враг тебе! Она коло него, аспида, вьюном вьется, а он видали, какие благодарствия баушке!..

Тут я заполз обратно на печку и заревел от горького бессилия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

В школу я не ходил больше недели. Бабушка меня лечила и баловала, давала варенья, брусницы, настряпала отварных сушек, которые я очень любил. Целыми днями сидел я на лавке, глядел на улицу, куда мне ходу пока не было, от безделья принимался плевать на стекла, и бабушка страшала меня, мол, зубы заболят. Но ничего зубам не сделалось, а вот ноги, плюй не плюй, все болят, все болят.

Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произведение искусства. По окну, еще не заходя в дом, можно опреде-

---

¹ *Средняя* (мест.) — часть избы деревенского дома перед печью.

² *Почпорт* — документ, паспорт, удостоверение.

лить, какая здесь живет хозяйка, что у нее за характер и каков обиход в избе.

Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красотой. В горнице меж рам валиком клала вату и на белое сверху кидала три-четыре розетки рябины с листками — и все. Никаких излишеств. В средней же и в кути бабушка меж рам накладывала мох вперемежку с брусничником. На мох несколько березовых углей, меж углей ворохом рябину — и уже без листьев.

Бабушка объяснила причуду эту так:

— Мох сырость засасывает. Уголек обмерзнуть стеклам не дает, а рябина от угару. Тут печка, с кути чад.

Бабушка иной раз подсмеивалась надо мной, выдумывала разные штуковины, но много лет спустя, у писателя Александра Яшина, прочел о том же: рябина от угара — первое средство. Народные приметы не знают границ и расстояний.

Бабушкины окна и соседние окна изучил я буквально-досконально, по выражению предсельсовета Митрохи.

У дяди Левонтия нечего изучать. Промеж рам у них ничего не лежит, и стекла в рамах не все целы — где фанерка прибита, где тряпками заткнуто, в одной створке красным пузырем выперла подушка.

В доме наискосок, у тетки Авдотьи, меж рам навалено всего: и ваты, и моху, и рябины, и калины, но главное там украшение — цветочки. Они, эти бумажные цветочки, синие, красные, белые, отслужили свой век на иконах, на угловике и теперь попали украшением меж рам. И еще у тетки Авдотьи за рамами красуется одноногая кукла, безногая собака-копилка, развешаны побрякушки без ручек и конь стоит без хвоста и гривы с расковыренными ноздрями. Все эти городские подарки привозил деткам муж Авдотьи, Терентий, который где ныне находится — она и знать не знает. Года два и даже три может не появляться Терентий. Потом его словно коробейники из мешка вытряхнут, нарядного, пьяного, с гостинцами и подарками. Пойдет тогда шумная жизнь в доме тетки Авдотьи. Сама тетка Авдотья, вся жизнью издерганная, худая, бурная, бегучая, все в ней навалом — и легкомыслие, и доброта, и бабья сварливость.

Дальше тетки Авдотьино дома ничего не видать. Какие там окна, что в них — не знаю. Раньше не обращал внимания — некогда было, а теперь вот сижу да поглядываю, да бабушкину воркотню слушаю.

Какая тоска!

Оторвал листок у мятного цветка, помял в руках — воняет листок, будто нашатырный спирт. Бабушка листья мятного цветка в чай заваривает, пьет с вареным молоком. Еще на окне алой остался, да в горнице два фикуса. Фикусы бабушка стережет пуще глаза, но все равно прошлой зимой ударили такие морозы, что потемнели листья у фикусов, склизкие¹, как обмылки, сделались и опали. Однако вовсе не погибли — корень у фикуса живучий, и новые стрелки из ствола проклюнулись. Ожили фикусы. Люблю я смотреть на оживающие цветы. Все почти горшки с цветами — геранями, сережками, колючей розочкой, луковцами — находятся в подполье. Горшки или вовсе пустые, или торчат из них серые пеньки.

Но как только на калине под окном ударит синица по первой сосульке и послышится тонкий звон на улице, бабушка вынет из подполья старый чугунок с дыркой на дне и поставит его на теплое окно в кути.

Через три-четыре дня из темной нежилой земли проткнутся бледно-зеленые острые побеги — и пойдут, пойдут они торопливо вверх, на ходу накапливая в себе темную зелень, разворачиваясь в длинные листья, и однажды возникнет в пазухе этих листьев круглая палка, проворно двинется та зеленая палка в рост, опережая листья, породившие ее, набухнет щепотью на конце и вдруг замрет перед тем, как сотворить чудо.

Я всегда караулил то мгновенье, тот миг свершающегося таинства — расцветания, и ни разу скараулить не мог. Ночью или на рассвете, скрыто от людского урочливого глаза, зацвела луковка.

Встанешь, бывало, утром, побежишь еще сонный до ветру, а бабушкин голос остановит:

— Гляди-ко, живунчик какой у нас народился!

---

¹ *Склизкие* — т.е. скользкие.

На окне, в старом чугушке, возле замершего стекла над черной землей висел и улыбался яркогубый цветок с бело мерцающей сердцевинкой и как бы говорил младенчески-радостным тоном: «Ну вот и я! Дождались?»

К красному граммафончику осторожная тянулась рука, чтоб дотронуться до цветка, чтоб поверить в недалекую теперь весну, и боязно было спугнуть среди зимы впорхнувшего к нам предвестника тепла, солнца, зеленой земли.

После того как загоралась на окне луковица, заметней прибывал день, плавилась толсто обмерзшие окна, бабушка доставала из подполья остальные цветы, и они тоже возникали из тьмы, тянулись к свету, к теплу, обрызгивали окна и наш дом цветами. Луковица меж тем, указав путь весне и цветению, сворачивала граммафончики, съезживалась, роняла на окно сохлые лепестки и оставалась с одними лишь гибко падающими, подернутыми хромовым блеском ремнями стеблей, забытая всеми, снисходительно и терпеливо дожидалась весны, чтоб вновь пробудиться цветами и порадовать людей надеждами на близкое лето.

Во дворе залился Шарик.

Бабушка перестала починяться, прислушалась. В дверь постучали. А так как в деревне нет привычки стучать и спрашивать, можно ли войти, то бабушка всполошилась, побежала в куть.

— Какой это там лешак ломится?.. Милости просим! Милости просим! — совсем другим, церковным голосом запела бабушка. Я понял: к нам нагрянул важный гость, поскорее спрятался на печку; и с высоты увидел школьного учителя, который обметал веником катанки и прицеливался, куда бы повесить шапку. Бабушка приняла шапку, пальто, бегом умчала одежду гостя в горницу, потому что, как считала, что в кути учительской одежде висеть неприлично, пригласила учителя проходить.

Я притаился на печи. Учитель прошел в среднюю, еще раз поздоровался и справился обо мне.

— Поправляется, поправляется, — ответила за меня бабушка и, конечно же, не удержалась, чтоб не поддеть меня: — На еду уж здоров, вот на работу хил покуда.

Учитель улыбнулся, поискал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я слезал с печки.

Боязливо и нехотя я спустился с печи, присел на припечек. Учитель сидел возле окошка на стуле, принесенном бабушкой из горницы, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малоприметное, я не забыл до сих пор. Было оно бледновато по сравнению с деревенскими, каленными ветром, грубо тесаными лицами. Прическа под «политику»¹ — волосы зачесаны назад. А так ничего больше особенно не было, разве что немного печальные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Саньки левонтьевского. Было ему лет двадцать пять, но он мне казался пожилым и очень солидным человеком.

— Я принес тебе фотографию, — сказал учитель и поискал глазами портфель.

Бабушка всплеснула руками, метнулась в куть — портфель остался там.

И вот она, фотография — на столе.

Я смотрю. Бабушка смотрит. Учитель смотрит. Ребят и девочек на фотографии, что семечек в подсолнухе! И лица величиной с подсолнечные семечки, а узнать всех можно. Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Колька-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, ее брат Саня...

В гуще ребят, в самой середке — учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное. Им что? У них ноги не болят.

Санька из-за меня на фотографию не попал. И чего приперся? То измывается надо мной, вред мне наносит, а тут восчувствовал. Вот и не видно его на фотографии. И меня не видно. Еще и еще перебегаю с лица на лицо. Нет, не видно. Да и откуда я там возьмусь, коли на печке лежал и загибала меня «худя немочь».

— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, еще приедет.

— А я что ему толкую? Я то же и толкую...

---

¹ Под «политику» — т.е. зачесанные назад; такую прическу и называли «политикой».

Я отвернулся, моргая на русскую печку, высунувшую толстый беленый зад в среднюю, губы мои дрожат. Что мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии меня нет. И не будет!

Бабушка настраивала самовар и занимала учителя разговорами.

— Как парнишечка? Грызть-то не унялася?

— Спасибо, Екатерина Петровна. Сыну лучше. Последние ночи спит спокойней.

— И слава богу. И слава богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а ниче, выросли. И ваш вырастет...

Самовар запел в кути протяжную тонкую песню. Разговор шел о том, о сем. Бабушка про мои успехи в школе не спрашивала. Учитель про них тоже не говорил, поинтересовался насчет деда.

— Сам-то? Сам уехал в город с дровами. Продаст, деньжонками разживемся. Какие наши достатки? Огородом, коровенкой да дровами живем.

— Знаете Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой жа?

— Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров. Сухих, швырковых¹. И не могу дознаться, кто их свалил.

— А чего дознаваться-то? Нечего и дознаваться. Топите — и все дела.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то нету? Нету. Ждать, когда преподобный Митроха распорядится? А и привезут сельсоветские — сырье-сырьем, тоже радости мало.

Бабушка, конечно, знает, кто свалил учителю дрова. И всему селу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает.

Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Еще уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника мужа, на свекровку. Дядя Левонтий — лиходей из лиходеев. Когда пьяный, всю посуду прибьет, Васене фонарь привесит, ребятишек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий. Неизвестно, о чем говорил с ним учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно толковал:

— Ну чисто рукой дурь снял! И вежливо все, вежливо. Вы, говорит, вы... Да ежели со мной по-людски, да я что, дурак, что

---

¹ *Швырок* — короткие дрова для топки печей.

ли? Да я любому и каждому башку сверну, если такого человека пообидят!

Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туесок¹. Ребеночка доглядят, полечат, если надо, учительницу необходимо отругают за неумелость в обиходе с дитем. Когда на сносях была учительница, не позволяли бабы ей воду таскать. Один раз пришел учитель в школу в подшитых через край катанках. Умыкнули бабы катанки — и к сапожнику Жеребцову снесли. Шкалик поставили, чтоб с учителя, ни боже мой, копейки не взял Жеребцов и чтоб к утру, к школе все было готово. Сапожник Жеребцов — человек пьющий, ненадежный. Жена его, Тома, спрятала шкалик и не отдавала до тех пор, пока катанки не были подшиты.

Учителя были заводилами в деревенском клубе. Играм и танцам учили, ставили смешные пьесы и не гнушались представлять в них попов и буржуев; на свадьбах бывали почетными гостями, но блюли себя и приучили несговорчивый в гулянке народ выпивкой их не неволить.

А в какой школе начали работу наши учителя!

В старом деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый класс и один красный карандаш.

Принесли ребята из дома табуретки, скамейки и сидели кружком, слушали учителя, затем он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристроившись на подоконнике, поочередно писали палочки. Счету учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лущины.

Учитель как-то уехал в город и вернулся с тремя подводами. На одной из них были весы, на двух других ящики со всевозможным добром. На школьном дворе из плах соорудили временный ларек «Утильсырье». Вверх дном перевернули школьники деревню. Чердаки, сараи, амбары очистили от ве-

---

¹ *Туесок* (местн.) — коробка из бересты, обычно круглая.

ками скапливаемого добра — старых самоваров, плугов, костей, тряпья.

В школе появились карандаши, тетради, краски вроде пуговиц, приклеенные к картонкам, переводные картинки. Мы попробовали сладких петушков на палочках, женщины разжились иголками, нитками, пуговицами.

Учитель еще и еще ездил в город на сельсоветской кляче, выхлопотал и привез учебники, один учебник на пятерых. Потом еще полегчение было — один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме появился учебник.

Стол и скамейки сделали деревенские мужики и плату за них не взяли, обошлись магарычом¹, который, как я теперь догадываюсь, выставил им учитель на свою зарплату.

Учитель вот фотографа сговорил к нам приехать, и тот заснял ребят и школу. Это ли не радость! Это ли не достижение!

Учитель пил с бабушкой чай. И я первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем и изо всей мочи старался не обляпаться, не пролить из блюдца чай. Бабушка застелила стол праздничной скатертью и понаставила а-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки², и пряники городские, и молоко в нарядном сливочнике. Я очень рад и доволен, что учитель пьет у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и все у нас есть, и стыдиться перед таким редким гостем за угощение не приходится.

Учитель выпил два стакана чаю. Бабушка упрашивала выпить еще, извиняясь, по деревенской привычке, за бедное угощение, но учитель благодарил ее, говорил, что всем он премного доволен, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель уходил из дома, я все же не удержался и полюбопытствовал насчет фотографа: «Скоро ли он опять придет?».

— А, штабы тебя приподняло да шлепнуло! — Бабушка употребила самое вежливое ругательство в присутствии учителя.

---

¹ *Магарыч* — угощение в вознаграждение за что-нибудь.

² *Лампасейки* — конфеты.

— Думаю, скоро, — ответил учитель. — Выздоровливай и приходи в школу, а то отстанешь. — Он поклонился дому, бабушке, она засемила следом, провожая его до ворот наказом, чтоб кланялся жене, будто та была не через два посада от нас, а невесть в каких дальних краях.

Брякнула щеколда ворот. Я поспешил к окну. Учитель со стареньким портфелем прошел мимо нашего палисадника, обернулся и махнул мне рукой, дескать, приходи скорее в школу, — и улыбнулся при этом так, как только он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приветно. Я проводил его взглядом до конца нашего переулка и еще долго смотрел на улицу, и было у меня на душе отчего-то щемливо, хотелось заплакать.

Бабушка, ахая, убирала со стола богатую снедь и не переставала удивляться:

— И не поел-то ничего. И чаю два стакана токо выпил. Вот какой культурный человек! Вот чё грамота делат! — И увещевала меня: — Учись, Витька, хорошеньче! В учителя, может, выйдешь або в десятники...

Не шумела в этот день бабушка ни на кого, даже со мной и с Шариком толковала мирным голосом, а хвасталась, а хвасталась! Всем, кто заходил к нам, подряд хвасталась, что был у нас учитель, пил чай, разговаривал с нею про разное. И так разговаривал, так разговаривал! Школьную фотокарточку показывала, сокрушалась, что не попал я на нее, и сулилась заключить ее в рамку, которую она купит у китайцев на базаре.

Рамку она и в самом деле купила, фотографию на стену повесила, но в город меня не везла, потому как болел я в ту зиму часто, пропускал много уроков.

К весне тетрадки, выменянные на утильсырье, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из березы делают фанеру; из хвойных пород — он так и сказал — не из лесин, а из пород! — изго-

тавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек.

Но и мы тоже знали лес, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы научили его копать и есть корни саранок¹, жевать листовничную серу, различать по голосам птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться оттуда, в особенности как спастись от лесного пожара, как выйти из страшного таежного огня.

Однажды мы пошли на Лысую гору за цветами и саженцами для школьного двора. Поднялись до середины горы, присели на камень отдохнуть и поглядеть сверху на Енисей, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!..

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучка кремowych подснежников и, разевая зубастую пасть, злобно шипела.

Еще и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, схватил палку и принялся молотить по змее, по подснежникам. Вверх полетели обломки палки, лепестки прострелов². Змея кипела ключом, подбрасывалась на хвосте.

— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шевелиться. Потом он приткнул концом палки голову змеи в камнях и обернулся. Руки его дрожали. Ноздри и глаза его расширились, весь он был белый, «политика» его рассыпалась, и волосы крыльями висели на оттопыренных ушах.

Мы отыскиали в камнях, отряхнули и подали ему кепку.

— Пойдемте, ребята, отсюда.

Мы посыпались с горы, учитель шел за нами следом и все оглядывался, готовый оборонять нас снова, если змея оживет и погонится.

---

¹ Сарана — лесное растение, луковицы которого съедобны.

¹ Прострел — здесь: побег растения.

Под горою учитель забрел в речку — Малую Слизневку, попил из ладоней воды, побрызгал на лицо, утерся платком и спросил:

— Почему кричали, чтоб не бить гадюку через плечо?

— Закинуть же на себя змею можно. Она, зараза, обовьет-ся вокруг палки!.. — объясняли ребята учителю. — Да вы раньше-то хоть видели змей? — догадался кто-то спросить учителя.

— Нет, — виновато улыбнулся учитель. — Там, где я рос, никаких гадов не водится. Там нет таких гор, и тайги нет.

— Вот тебе и на! Нам надо было учителя-то оборонять, а мы?!

Прошли годы, много, ох много их минуло. А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна. Мои земляки уверяют, что не только именем-отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Чисто брат с сестрой!..» Тут, я думаю, сработала благодарная человеческая память, сблизив и сроднив дорогих людей, а вот фамилии учителя с учительницей никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька.

Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней. Много их полегло в войну. Всему миру известно прославленное имя — сибиряк.

Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки, все равно бедновато, шибко бедновато одеты ребяташки. Зато как твердо держат они

материю, прибитую к двум палкам. На материи написано каракулисто: «Овсянская нач. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми ставнями — ребятишки: кто с оторопелым лицом, кто смеется, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на снегу лежит.

Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмеяться над деревенскими фотографиями не могу, как бы они порой нелепы ни были. Пусть напыщенный солдат или унтер снят у кокетливой тумбочки, в ремнях, в начищенных сапогах — всего больше их и красуется на стенах русских изб, потому как в солдатах только и можно было раньше «сняться» на карточку; пусть мои тетки и дядья красуются на фанерном автомобиле, одна тетка в шляпе вроде вороньего гнезда, дядя в кожаном шлеме, севшем на глаза; пусть казак, точнее мой братишка Кеша, высунувший голову в дыру на материи, изображает казака с газырями и кинжалом; пусть люди с гармошками, балалайками, гитарами, с часами, высунутыми напоказ из-под рукава, и другими предметами, демонстрирующими достаток в доме, таращатся с фотографий.

Я все равно не смеюсь.

Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история.

Вопросы и задания

1. Как отнеслись деревенские жители к приезду фотографа?
2. Почему Санька с другом пошли на увал и стали «кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек не катался»?
3. Почему учитель принес фотографию своему ученику, несмотря на то, что на ней ученика не было?
4. Почему учитель привез фотографа в сельскую школу?

Советуем прочитать

В. Астафьев. «Последний поклон», главу «Царь-рыба» из книги «Царь-рыба».

Николай Михайлович РУБЦОВ

(1936–1971)

Поэзия Рубцова отмечена глубиной и оригинальностью мировоззрения... обладает сложной, тонко разработанной структурой, богатством и многогранностью поэтического языка.

В. Копинов

Судьба поэта Николая Рубцова была сложной. Прожил он немного — 35 лет. Рано потеряв родителей, — мать умерла, а отец ушел на фронт, — будущий поэт воспитывался в детских домах Вологды Архангельской области. В поисках своего места в жизни Николай Рубцов в молодые годы по-своему осваивал быт и социальный уклад северного края России, работал кочегаром рыболовецкого судна, разнорабочим на Кировском заводе в Ленинграде, четыре года служил на северном флоте. Хорошо знал суровую, по-своему красивую природу и городскую жизнь русского севера. Позже эти знания нашли поэтическое воплощение в его произведениях.

Поэтический дар раскрылся в нем рано. Но не сразу принес ему признание читающей публики. Какое-то время писал стихи, так сказать, для себя, просто так, заносил их в школьные тетрадки, не подозревая, что многое из написанного представляет художественную ценность. Первые его стихи появились в печати в 1962 году — в 26 лет от роду. Первые поэтические опыты Рубцова были замечены критикой и понравились читателю. Это вдохновляло, вселяло уверенность. Спустя три года, в 1965 году выходит в свет его первый поэтический сборник «Лирика», опубликованный в Архангельском издательстве. Этот факт сыграл положительную роль в творческой судьбе Рубцова — он был зачислен слушателем Московского литератур-

ного института им. М. Горького, который он окончил в 1969 году.

«Самородок северного края», как называли его критики, глубоко осознавал, что лишь одаренный природой только высоко требовательный к своему таланту, взывающе оценивая свои произведения, имеет право на поэтическое творчество, ибо по его личному убеждению «не она (поэзия) от нас зависит, а мы от нее».

Любовью к малой Родине и ее северной природе, суровые красоты которой вселились в душу поэта с детства, согреты стихи его поэтических сборников «Звезда полей», «Зеленые цветы», «Последний пароход» и «Подорожники». Последние годы жизни Н. Рубцов провел в Вологде, общался с известным мастером художественного слова писателем Виктором Астафьевым.

Незадолго до смерти пророчески писал:

Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы...

Так и случилось. Николай Михайлович Рубцов ушел из жизни в холодную январскую ночь, именно в «крещенские морозы» — 19 января 1971 года, оставив в наследство читателям свои прекрасные стихи о Родине и о добре, природе и русских людях и мир своей беспокойной, высокочеловечной души.

РУССКИЙ ОГОНЕК

Погружены
    в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели.
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
    как сторожевой...
Я был совсем как снежный человек,

Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас и теплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: — Наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять:
— Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог...

И долго на меня
Она смотрела как глухонемая
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?

Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берем!
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...
Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчи!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвращают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа,
Оттого что — молчи! — так никто уж не выразит их...

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутного дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

И туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я.
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскачивалась высь.
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный...

Вопросы и задания

1. В чем своеобразие поэтики в лирике Н. Рубцова?
2. Какие изобразительно-выразительные средства использует поэт?
3. Назовите композиционные особенности лирики Н. Рубцова.

Советуем прочитать

Н. Рубцов. «Далекое», «Ласточка», «Зимовье на хуторе», «Святой обители природы», «Тихая моя родина».

ЗУЛЬФИЯ

(1915–1996)

**Возьмите мое сердце, люди!
Я для Вас пою зарю!**

Зульфия

Зульфия Исраилова — широко известная, талантливая узбекская поэтесса. Ее поэзию знают во всех странах СНГ и странах азиатского континента. Долгую плодотворную творческую жизнь она посвятила своему народу; воспела его славные трудовые достижения, его многовековые нравственные и семейные традиции; прославила мать — Родину и мать — хранительницу семейного очага. Пожалуй, и не найдется темы в многообразной жизни Узбекистана, которую бы обошла вниманием Зульфия. Ее художественный мир — вся страна Узбекистан — независимый и суверенный. Яркая художница, тонкий знаток души простого человека-труженика, смелый борец за равные права женщин Востока в обществе, поэтесса и писательница создала произведения самых различных жанров: поэмы, баллады, элегии, лирические стихотворения, рассказы, очерки, публицистические статьи и газетные корреспонденции.

Поэзия Зульфийи давно перешагнула границы Узбекистана. Авторитет ее поэзии — в правдивом отражении пафоса нашей сложной эпохи, в самобытном, ярком изображении души и деяний человека нашей современности. Выходец из трудовой семьи, она воспела труд и человека в нем звонкой музыкой стиха.

Зульфия родилась в семье литейщика-кустаря в 1915 году, в Ташкенте. Ее родители тем не менее были люди высокой культуры. «Моя мать была тихой и, как помнится мне, всегда печальной. Но в ней не было рабской забитости... Сколько песен и

легенд знала она, как умела рассказывать и петь, как могла увлечь нас, детей, волшебной сказкой, — вспоминает Зульфия о своей матери. — Любовь к слову, творящему чудеса, раскрывающему мир, ведущему человека к прекрасному, заронила мне в сердце мать — простая женщина...». И, естественно, мать очень хотела, чтобы ее дети стали высокообразованными, культурными людьми. И ее желания сбылись. Зульфия окончила среднюю школу и женское педагогическое училище, стала работать в редакциях республиканских газет и журналов, увлеклась поэзией, стала писать стихи. Ее первые стихи появились в журнале «Янги йул», в газетах «Кизил Узбекистан», «Ёш ленинчи».

В 1932 году, когда ей исполнилось 17 лет, вышел первый сборник ее стихов «Страницы жизни». Это стихи о трудовой молодежи, о дружбе, о красоте человеческой души. Затем пришло признание, ее стихи, поэмы, рассказы стали появляться в различных изданиях, выходить в свет отдельными книгами. С 1938 года она работает в различных крупных издательствах — в издательстве детской литературы, Узгосиздате, журнале «Узбекистон хотин-кизлари», является членом различных республиканских и межреспубликанских организаций.

Творческий путь Зульфийи — поэтессы и журналиста, прозаика и публициста отмечен неустанными поисками наиболее выразительных форм отображения поэтической истины, изображения простых и знатных людей-тружеников. Герои ее ранних произведений бедняки-дехане, чабаны, ремесленники, простые женщины-матери — люди той части общества, в которой выросла сама поэтесса и судьбы которых близки и понятны ей.

Однако это был период ученичества. Ее стихи были несовершенны. Образный строй, манера письма, ритмика выражения поэтической мысли — все это исходило из устного народного поэтического творчества, знакомого ей с детства. Не хватало поэтического опыта, знаний, уверенности в себе. Осознавая все это, Зульфия усиленно работает над собой, поступает в аспирантуру, изучает классику мировой литературы, философию Востока и Запада, осваивает многообразные формы восточной поэзии.

В тридцатые годы Зульфию увлекает производственная тематика, созидательный подъем народа, создающий свою мощную

индустрию, новые формы сельского коллективного хозяйства. Теперь ее герои — ударники труда, молодые энтузиасты, работники культуры. Стихи обретают зрелость, обогащается их образный строй, музыкальная выразительность поэтического слова. Особенно талантливо получаются у нее небольшие лирические стихотворения. Приоритетными темами ее поэзии становятся национальный патриотизм, любовь к родному краю, к своей республике.

Наиболее ярко и полно расцвел талант Зульфийи в трудные годы войны. В ее стихах мощно звучит голос патриота, ощущается лирически теплое отношение к тем, кто с оружием в руках сражается за независимость своей Родины и кто в глубоком тылу повседневным изнурительным трудом снабжает фронт всем необходимым.

Любовь к Родине, к своему краю, высокое чувство патриотизма, сочетающиеся с неизбывной верой в благополучный исход военной страды — не просто плод фантазии поэтической души Зульфийи, это свойство национального характера узбекского народа, ярко выраженное в стихах поэтессы, которая имела право так сказать за весь народ:

И, верую незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать! тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся звуков!

Поэтесса не приемлет счастье где-то за пределами Отчизны, даже если там и в самом деле может быть хорошо: «Ведь счастье живо лишь в стране родной».

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

В аллегорическом звучании стихотворения «Садовник далеко», посвященном воину-фронтовику, на время оставившему без присмотра свой огромный сад — целую страну, чтобы разделиться с незванным «гостем» в касках, Зульфийа передает общенародный настрой и настроение, выраженное через символический образ садовника, олицетворяющего трудовой народ своей страны.

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я —
«Скажите мне, розы, скажи мне мой сад,
Где добрый садовник ваш, где он?» А розы
Раскроют бутоны и так говорят:
«Садовник далеко, он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны...».

Заметное место в творчестве Зульфии отведено судьбе женщины-узбечки, осмысляется ее активная роль в жизни своей страны. Зульфия не скрывает того, что в далекие прошлые времена роль женщины виделась в пределах домашнего очага, сужалась до безответной рабыни, покорной мужчине в доме, который был — и господин, и повелитель, которому женщина обязана была слепо поклоняться. Бросая ретроспективный взгляд на женщину, оценивая ее место в обществе далекого прошлого, Зульфия как бы обращается к ней из будущего:

Ты не жила, ты мучилась веками.
Но вот исчезла над тобою мгла.

В своей теплой и светлой лирике («Моей подруге», «Мать», «Победительницам» и др.) Зульфия рассказывает о трудовых подвигах узбекского народа, восхищается трудовой доблестью женщин-узбечек, прославляет их роль в обществе, показывает разностороннюю занятость женщин во всех областях жизни страны:

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших.
Ты смотришь в высь и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

Поэзия Зульфии, овеянная трепетным чувством любви к природе и человеку, как неотъемлемой, высшей части самой природы. В ее стихах природа предстает в светлых тонах, ярких красках и образах.

Только что вымытый, полный сияния,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Лирика Зульфии, исполненная благородством, мужественным, подлинно народным пафосом, искренним чувством любви и уважения к природе и человеку, богатством красок и неожиданно свежих образов, волнует душу читателя, укрепляет в нем веру в будущее человечества.

Все поэтическое творчество Зульфии — это вдохновенный гимн родному Узбекистану, гимн человеку труда, гимн любви и правде на земле:

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила, —
Я честно говорила обо всем.

Прошли многие годы славного творческого труда Зульфии, произошли большие жизненные перемены в судьбе республики и ее народа, а «огненная сила любви» и сегодня согревает душу читателя, волнует его сердце и разум.

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурей, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?».
Но нет у горя добрых слов, —
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?»,
Склонилась над ребячьим сном.

Моих детей, твоих детей.
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться.

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?»

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвести,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

«Дай руку мне...» — Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

МАТЬ

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля.
В колыбели ребенок, как облачко белое,
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпеньем ее ожидали здесь,
О, как нежно ребенка она обняла!..
Материнская грудь пахла теплою мятою,
Словно летнее солнце, горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный,
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И, как ветер, уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..

Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые.
О трудом заработанный час тишины!
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде.
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель хлопчатника
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца,
А душе материнской покой не знаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы
Этот мальчик впитает с ее молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —
Видит этот колхоз повсеместно прославленным,
Видит сына хозяином новых полей.

ДРУЗЬЯМ МОИМ

Как сердце у меня сейчас болит!
От одиночества растет усталость.
Нет, мне никто не причинил обид, —
По вас, друзья, душа изголодалась!

Без вас я ввергнута в пучину бед.
Когда б сейчас всех вас могла собрать я!
Без ваших жарких споров и бесед
Мне жизнь — не в жизнь, друзья мои, собратья!

И по бумаге чуть бредет перо
Лишь потому, что жгучее желанье
Всех вас увидеть так во мне остро,
Что не хватает силы для посланья!

Где вы, друзья?..
Я прилечу, спеша.
Пусть вы меня, случилось, побеждали,
Но в спорах закаляется душа,
И, закалясь, она — прочнее стали.

Покой мне вреден.
Моему перу
Не тишина нужна — боренье, пламя!..
Так я живу.
А если и умру,
То пусть умру в кругу друзей, меж вами!

Вопросы и задания

1. Любовь, верность другу и преданность Родине, красота человеческой души и красота родной природы, неизбывная светлая память о блистательном поэте Хамиде Алимджане — все это в стихотворении «Пришла весна, спрашивает о тебе». Проанализируйте это стихотворение, найдите четверостишья, в которых поэтесса раскрывает эти темы.

2. Выучите наизусть стихотворение Зульфийи «Друзьям моим» и прочтите его в классе.

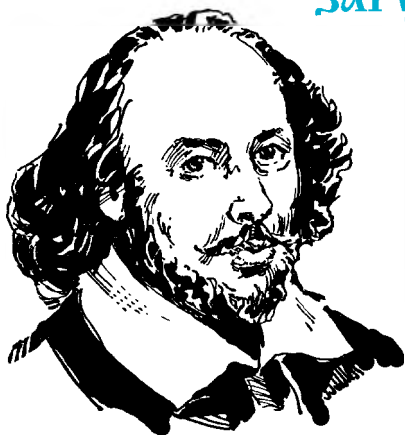
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Уильям ШЕКСПИР

(1564–1616)

Шекспир — душа века нашего... Да будешь славен на все времена.

Бен Джонсон

Уильям Шекспир родился в 1564 году в английском городе Стрэтфорд в семье Джона Шекспира и Мэри Арден. Родители поэта были весьма состоятельными людьми и имели возможность дать сыну хорошее образование. Уильям учился в одной из престижных школ (Королевская новая грамматическая школа), изучал грамматику и латинский язык. В средней школе осваивал риторику и логику, Цицерона, Квинтилиана, Овидия, Вергилия, Горация и греческий язык. После 1576 года финансовые дела отца Шекспира значительно ухудшились, Уильяму пришлось оставить дальнейшее обучение.

Он перепробовал много профессий: был школьным учителем, солдатом, даже юристом. В 1596 году Уильям от имени своего отца подал прошение о пожаловании его семье придворного титула, фамильного герба, которое было удовлетворено. В этот период Шекспир серьезно подумывал о том, чтобы полностью обосноваться в Стрэтфорде с женой и детьми. Он купил один из самых красивых домов города и сделал небольшие инвестиции в местную промышленность. Однако вскоре он уехал в Лондон. На южном побережье Темзы создал свой театр и назвал его — «Глобус». За первое десятилетие работы в «Глобусе» Шекспир написал свои самые зрелые комедии («Много шума из ничего», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мера за меру», «Трой и Крессида», «Виндзорские проказницы», а также ряд трагедий («Юлий Цезарь», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир»,

«Макбет» и другие). Это был самый плодотворный период творческой деятельности поэта. Труппа, с которой он работал, получила широкое признание, монарх даже пожаловал ей титул «Королевской труппы». Лондонская театральная мода менялась, все большую популярность стали приобретать закрытые театры. «Королевская труппа» решила купить помещение для такого театра, и Шекспир присоединился к их решению. В период своей творческой деятельности в Лондоне он продолжал вести финансовые дела в Стрэтфорде. Шекспир умер 23 апреля 1616 года в возрасте 52 лет в Стрэтфорде, где провел последние годы своей жизни, и был похоронен в Церкви Святой Троицы.

Шекспир оставил наследие из 17 комедий, 10 исторических драм, 10 трагедий и свыше 150 сонетов.

О ТРАГЕДИИ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

«Ромео и Джульетта» — одна из самых известных трагедий Уильяма Шекспира. Она легла в основу многих кинофильмов и театральных постановок. В трагедии переплетены различные идеи, образы, рассуждения о морали и т.д. Талант автора умело манипулирует настроениями и чувствами героев, а заодно и читателя. Сцены вражды и жестокости сменяются возвышенными описаниями красоты, а переполняющее сердце чувство любви уступает место гневной ненависти.

В трагедии «Ромео и Джульетта» трагическое присутствует на каждом шагу. Это и старинная вражда двух влиятельных родов, бессмысленно уносящая жизни многих выходцев из этих семей. Это и одиночество молодых влюбленных, проявляющееся в противостоянии их возвышенных чувств установившемуся порядку вещей в обществе. Это и непонимание героев членами их семей, а также отсутствие каких-либо попыток со стороны родителей разобраться в чувствах своих детей Ромео и Джульетты, несмотря на наличие всех очевидных возможностей, для того чтобы быть счастливыми. Их любовь возвышенна и прекрасна, она не признает запретов и не знает границ, она слишком сильна и горяча для того, чтобы не вовлечь в беду человека, по рукам и ногам связанного этими запретами.

Действие трагедии разворачивается в Вероне, итальянском городе, где проживают непримиримые враги — род Монтеки и Капулетти. В начале драмы хор повествует о тех печальных событиях, которым предстоит развернуться перед зрителями.

Хор   Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются нас события,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.

Действие трагедии открывается на городской площади ссорой слуг из домов Монтеки и Капулетти. Ссора перерастает в драку, к которой присоединяются приверженцы обоих домов. Шекспир не случайно начинает трагедию с драки на центральной площади города. Он показывает насколько глубоко пустили корни вражда и ненависть конфликтующих семей.

Князь, главный начальник города, кладет конец развязавшейся драке и гневно обрушивается на ее зачинщиков. Он обвиняет семьи Монтеки и Капулетти в том, что по их вине в городе нет мира и согласия.

Участники драки расходятся, а леди Монтеки, обеспокоенная за судьбу своего сына Ромео, расспрашивает о нем его друга Бенволио:

А где Ромео? Виделись вы с ним?
Он не был тут? Он правда невредим?

Она получает уверения, что Ромео и не думал участвовать в драке. Он вообще избегает общества людей и предпочитает оставаться один на один со своей меланхолией. Молодой Ромео уединяется в роще еще до рассвета и бродит наедине со своими мечтаниями и печалью вплоть до наступления утра.

Шекспир особо подчеркивает, что романтическая печаль Ромео остается не понятой ни членами его семьи, ни друзьями, которые постоянно подшучивают над ним. Ромео считает себя

безнадежно влюбленным в прекрасную Розалин, которая дала обет безбрачия и никогда не сможет стать его возлюбленной. Розалин отвергает любовь Ромео.

Шекспир упоминает о возвышенной влюбленности Ромео в холодную Розалин, чтобы показать непорочность Ромео. Образ Розалин контрастен образу Джульетты, которая обладает более высокими достоинствами — силой чувств и искренностью сердца.

Между тем, в доме Капулетти идут разговоры между отцом Джульетты и богатым и знатным горожанином Парисом о его предстоящей женитьбе на Джульетте. Капулетти приглашает Париса на бал-маскарад, где он сможет поближе познакомиться со своей будущей невестой. Случайно узнав о предстоящем торжестве, и о том, что в числе приглашенных будет и Розалин, Ромео и его друзья решают тайком под масками проникнуть на бал в дом Капулетти.

На балу, наблюдая за танцующими, Ромео замечает незнакомую ему красавицу, от которой он не может отвести глаз.

Ромео   Кто эта барышня, с которой в ряд
                      Стал этот кавалер?

Слуга   Не знаю, сударь.
Ромео   Ее сиянье факелы затмило.
                      Она, подобно яркому бериллу
                      В ушах арапки, чересчур светла
                      Для мира безобразия и зла.
                      Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
                      Любил ли я хоть раз до этих пор?
                      О нет, то были ложные богини.

Влюбленный Ромео в разговоре с Джульеттой открывает ей свои чувства, не ведая о том, что она дочь Капулетти, заклятого врага его семьи. Джульетта также влюбляется в Ромео и просит Кормилицу узнать о том, кто этот юноша, переодетый монахом.

Ромео также узнает о том, что к несчастью, он влюбился в дочь хозяина дома, единственную наследницу Капулетти, Джульетту. Не в силах сопротивляться своей любви, Ромео возвра-

щается после окончания бала в сад, куда выходит окно комнаты Джульетты, в надежде еще раз увидеть ее.

Скрываемый темнотою, Ромео становится свидетелем тайного признания Джульетты ночи и звездам. «Ромео, как мне жаль, что ты Ромео! — говорит звездам Джульетта. — Ты б был собой, не будучи Монтекки».

И состоялось объяснение в верной любви Ромео и Джульетты. Это эпизод романтический, поэтически красочный и запоминающийся.

Открыв друг другу свои чувства, Ромео и Джульетта уже не представляют себе существования друг без друга. Любовь переполняет их сердца, и они, едва расставшись, с нетерпением ожидают новой встречи в надежде обвенчаться, несмотря ни на какие преграды. А родители Капулетти хотят выдать дочь замуж за другого человека, Париса, которого выбрал для Джульетты отец. Он молод, знатен и красив собой. Он ни в чем не уступает Ромео, кроме одного — любви Джульетты. Джульетта перед выбором: красивый, богатый Парис и согласие родителей, или красивый, богатый Ромео и гнев родителей. Джульетта, ни минуты не колеблясь, выбирает второе. Она готова пожертвовать спокойствием семьи и даже своей жизнью. Для Джульетты и Ромео любовь — это нечто страстное, возвышенное, вечное чувство, стирающее все преграды. Для отца Джульетты любовь — это то, о чем должен позаботиться отец для своей наследницы дочери, который считает, что жених наряду с такими достоинствами, как состояние и положение в обществе, должен быть молод и красив. Для леди Капулетти, матери Джульетты, любовь — это прежде всего житейская мудрость. Шекспир не случайно представляет разные взгляды на любовь, эти взгляды контрастны тому пониманию любви, которую чувствуют Ромео и Джульетта.

Ромео   Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
                      От счастья бьется сердце? Если так же,
                      Найди слова, которых я лишен,
                      Чтоб выразить, что нас переполняет.

Священник Вероны, Брат Лоренцо, соглашается тайно сочетать влюбленных браком, в надежде, что когда все раскроется,

то враждующим домам придется помириться. Счастливые Ромео и Джульетта, согласно уговору, встречаются в церкви, где и совершается венчание. Однако счастью Ромео и Джульетты не суждено было продлиться долго. Между двоюродным братом Джульетты, Тибальтом, и друзьями Ромео, Меркуцио и Бенволио, на улице произошла ссора, закончившаяся поединком Меркуцио и Тибальта. Подоспевший Ромео пытается разнять дерущихся, но безуспешно. Тибальт из под руки Ромео ранит Меркуцио и скрывается. В поединке Ромео убивает Тибальта и обрекает себя на изгнание из Вероны за неповиновение приказам князя, который остается тверд в своем желании положить конец кровавой междоусобице.

Кормилица сообщает Джульетте, томящейся в ожидании мужа, о разразившейся трагедии. По ошибке Джульетта считает, что погиб Ромео и проклинает небеса за то, что они отняли у нее любимого. Потом она узнает, что погиб Тибальт, а Ромео жив, но отправлен в изгнание.

Чувства Джульетты в смятении. Она не знает, кого ей оплакивать больше — мужа или брата. На мгновение заговорила в ней кровь Капулетти. Джульетта с гневом обрушивается на Ромео, убившего ее родственника.

Однако любовь к Ромео берет верх, проклятия Кормилицы Ромео отрезвляют Джульетту. Теперь она защищает честь своего мужа. Она ликует всем сердцем, что Ромео остался жив. Шекспир через монологи Джульетты раскрывает движение разнообразных чувств, переполняющих душу. Горе и радость поочередно захлестывают сердце и разум Джульетты. Позволив ей мгновение побыть счастливой, автор вновь кидает ее в пучину страданий. Ромео жив, но изгнан. И это делает Джульетту глубоко несчастной.

Надежды Джульетты о возможном помиловании разбиаются известием о том, что отец спешит выдать ее замуж за Париса. Джульетта в отчаянии, умоляет отца подождать со свадьбой, но получает жесткий отказ. И Джульетта твердо решает либо найти выход из создавшейся ситуации, либо умереть. Священник предлагает ей испробовать одно снадобье, которое может помочь ей избежать ненавистного замужества. Джульетта, не мешкая, принимает снадобье и как бы временно умирает. Тем временем отправленный братом Ло-

ренцо Джон с этой вестью к Ромео, оказывается задержанным патрулем, подозреваемый в болезни чумой, и Ромео не получает письма, объясняющего истинную суть. Зато до него доходит известие о смерти Джульетты. В отчаянии Ромео покупает у бедного аптекаря порцию сильнодействующего яда и отправляется в Верону, чтобы проститься с Джульеттой.

Возле тела Джульетты Ромео сталкивается с Парисом, принесшим цветы «покойной». Между ними происходит дуэль, в которой Ромео побеждает. Взволнованный Ромео входит в усыпальницу Джульетты и удивляется той красоте, перед которой бессильна оказалась даже смерть... Ромео принимает яд. Проснувшись Джульетта узнает, что Ромео мертв, и что Парис убит. В отчаянии она лишает себя жизни...

Собравшиеся на месте трагедии члены двух семей обнаруживают лежащие рядом тела двух молодых влюбленных — Ромео и Джульетты...

Трагически завершившаяся любовь Ромео и Джульетты не просто история любви. В трагедии Шекспир вскрывает причину трагедии — она в болезни самого общественного устройства того времени. Трагедия заканчивается не только смертью влюбленных, а осознанием горожанами Вероны причин трагедии, что приводит к примирению враждующих семей.

«Ромео и Джульетта» — все же еще и трагедия случая. Трагическая развязка событий вызвана простой случайностью, не зависящей от главных действующих лиц. Письмо не доходит до адресата, а последующие события принимают неконтролируемый оборот; трагедия и в неудачных, плохо продуманных решениях героев. В сущности каждое действие персонажей приближает трагическую развязку. Меркуцио, остроумно высмеивая Тибальта, вызывает его гнев и приближает свой смертный час; Ромео, обезумев от ярости из-за смерти Меркуцио, убивает Тибальта; брат Лоренцо, движимый добрыми побуждениями, соглашается тайно обвенчать молодых; а Ромео, в порыве отчаяния, слишком торопится со своей смертью...

Еще одна важная деталь. Перед смертью Меркуцио произносит проклятие: «Чума возьми семейства ваши оба!».

Для зрителя той эпохи проклятие умирающего человека должно было обязательно исполниться. Следовательно, Меркуцио своей репликой погружает зрителя в состояние ожидания трагического исхода во вражде двух домов. Для современников Шекспира чума, которая мешает брату Джону доставить письмо по назначению, не виделась как простая случайность. Именно смерть Меркуцио впервые напоминает зрителям о том, что разыгрываемая драма является трагедией.

Вопросы и задания

1. Почему Шекспир вынес в заглавие трагедии имена двух влюбленных?
2. Почему невозможно счастье влюбленных?
3. Какие проблемы затрагивает автор в трагедии «Ромео и Джульетта»?
4. Почему пьеса «Ромео и Джульетта» названа трагедией?
5. Какие качества отличают Джульетту от других героев трагедии?
6. Почему автор обрекает двух молодых влюбленных на смерть: потому что он не верит в возможность разрешения конфликта мирным способом или потому что он желает преподнести урок читателю? Какой вывод из трагедии сделали для себя вы?
7. Напишите сочинение по трагедии «Ромео и Джульетта» на одну из тем: «Что победило: любовь или вражда?», «Герой трагедии, о котором мне хотелось бы рассказать».

Советуем прочитать

- В. Шекспир «Ромео и Джульетта», «Сонеты» (по выбору).

Франсуа
РАБЛЕ
✿
(1494–1553)

Франсуа Рабле — один из крупнейших французских писателей эпохи Возрождения. Франсуа Рабле родился в 1494 году. Когда ему исполнилось семь лет, родители отдали его в монастырскую школу.

Молодой Рабле был необыкновенно любознателен. С юношеских лет он пристрастился к чтению, отлично изучил древнегреческий и латинский языки и тайком читал древних авторов — философов и поэтов.

Понимая, что монашеская жизнь ему не подходит, он решил бежать из монастыря и нашел приют у своего друга и покровителя, епископа Жофруа д'Эстисака. Тут он мог целиком отдаться своей страсти и с упорством продолжал изучать древние языки, науки, особенно медицину. Много лет он занимался лечением больных и получил звание бакалавра, а затем и доктора медицины. Однако Рабле оставался всего-навсего беглым монахом, и, чтобы примириться с церковной властью, он решил испросить у римского папы прощение за самовольный уход из монастыря. Он воспользовался для этого тем, что друг его детства кардинал дю Беле уезжал в Рим, к папскому двору. Рабле поступил к кардиналу в качестве секретаря и отправился вместе с ним в путешествие. Ехали они медленно, останавливаясь в каждом городе, и Рабле с интересом наблюдал новые для него города и нравы жителей. В Риме он пробыл довольно долго и отлично изучил этот «вечный город» с остатками его

древнего величия, с его многочисленными церквами, с бесконечными богослужениями и религиозными процессиями, с паломниками и богомольцами, стекавшимися туда из всех стран католической Европы. В Риме Рабле принимает участие в дипломатической работе, встречается с государственными деятелями, а затем вступает в переписку с крупнейшими учеными Франции и Европы.

Получив от папы прощение, Рабле возвратился во Францию. Теперь он мог выполнять обязанности священника, а в конце жизни, после многочисленных путешествий и скитаний, он получил приход в местечке Медон, поблизости от Парижа. Его так и называли потом «веселый медонский священник».

Однако Рабле не был религиозен и не верил в загробную жизнь. Говорят, что умирая он сказал: «Я отправлюсь на поиски великого может быть», выразив этими словами свое неверие в загробное существование и в бессмертие души. Рабле умер в 1553 году на шестидесятом году жизни.

Первая половина XVI века, время когда жил Рабле, носит название Возрождения. Этот период в истории Западной Европы охватывает XV — XVI века. Быстро развивавшаяся в это время буржуазия не удовлетворялась религиозным мировоззрением, которое господствовало в средние века, и создавала новую, светскую науку, основанную, с одной стороны, на изучении природы, с другой — на изучении древних писателей. Так началось «возрождение» античной, то есть древнегреческой и римской науки и философии, и потому весь этот исторический период был назван «Ренессансом», то есть «Возрождением наук и искусств». Ученые стали отыскивать и изучать древние памятники литературы, затерявшиеся в библиотеках, часто испорченные невежественными монахами. Во всех областях проявился дух исследования, и впервые подверглась серьезной критике католическая религия. Началась так называемая «реформация церкви» или протестантизм. Протестанты вступили в открытую борьбу с папской властью. Они не признавали папы, монашества, светской власти, церк-

ви. В свою очередь, и католическая церковь, поняв угрожающую ей опасность, приняла меры для борьбы с начинавшимся движением.

В бурные времена и появилась книга Рабле — «Гаргантюа и Пантагрюэль». Она выходила в свет отдельными частями от 1532 до 1552 года, и последняя ее часть вышла в свет уже после смерти ее автора.

Книга Рабле отражает новое мировоззрение буржуазии времен Возрождения. С веселой и единой насмешкой Рабле изображает старую систему средневекового воспитания, смеется над средневековой наукой, над образом жизни монахов, над тем поклонением, которое католики воздают папе. Его насмешки очень откровенны и очень жестоки, и вот почему богословский факультет Парижского университета запретил его книгу как вредную и подрывающую основы религии.

В «Гаргантюа и Пантагрюэле» получила разностороннее, подробное и комическое отражение современная Рабле действительность. Автор много путешествовал; он исколесил всю Францию и побывал в Италии, жил в нескольких монастырях, видел папский двор в Риме и королевский двор в Париже, долгие годы провел в провинции и в столице, читал лекции в университетах, лечил больных и занимался почти всеми известными тогда науками. Может быть, лучше, чем кто-либо другой из его современников, он изучил окружающую его жизнь и общество и поэтому смог так широко и правдиво изобразить свою эпоху.

«Гаргантюа и Пантагрюэль» — один из лучших памятников культуры Возрождения и одно из самых блестящих произведений французской литературы. В развитии французской общественной мысли и литературы книга эта сыграла громадную роль. Многие стороны общественной действительности, осмеянные Рабле, сохранялись в буржуазном обществе и до последнего времени, и поэтому насмешки Рабле до сих пор не потеряли своего значения.

Вопросы и задания

1. Откуда родом Ф. Рабле?
2. Расскажите о его жизни и творчестве?
3. Оскар Уайльд сказал: «Цель искусства — поучать развлекаая». Принимаете ли вы такую цель искусства? Не забудьте, что свое мнение необходимо доказать.
4. Какой фрагмент произведения можно считать его кульминацией?
5. Охарактеризуйте внешний облик, отношения центральных героев книги Ф. Рабле. Мотивируйте свои ответы.
6. Сделайте вывод: почему книга Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» живет и не стареет, несмотря на то, что в нем показана давно прошедшая историческая эпоха?
7. Перескажите понравившийся эпизод из произведения.
8. Какое дополнительное задание вы хотели бы предложить? Выполните его в классе.

Советуем прочитать

Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Джонатан СВИФТ

❧
(1667–1745)

В ряду великих сатирических имен — Лукиана, Рабле, Вольтера, Франса, Свифт выделяется своим резко очерченным обликом. Рабле бичует, не теряя при этом своей могучей жизнерадостности, своего душевного здоровья; зрелище самых злейших недугов человека и общества не убивает в нем неистребимого аппетита к жизни, его смех — от избытка сил. Смех Вольтера язвительней, ироничней, Вольтер тоже не теряет вкуса к жизни, но не оттого, что так уж крепок духом, а оттого, что взирает несколько со стороны на несовершенства жизни человеческой.

Свифт родился в Ирландии, в Дублине в 1667 году, а по происхождению своему он был англичанином.

Его семья была тесно связана с англиканской церковью, дед писателя — англиканский священник, истовый приверженец королевской власти — при Кромвеле пострадал за свои убеждения и подвергался преследованиям. Внук соорудил ему впоследствии надгробие. Сам Свифт окончил богословский факультет колледжа Святой Троицы в Дублине, являвшийся одним из очагов распространения протестантизма в Ирландии. Когда Джеймс II был низложен, ирландские католики, опасавшиеся усиления религиозных преследований, восстали, и по иронии судьбы будущий защитник ирландских свобод Свифт, как англичанин и протестант, в числе многих других был вы-

нужден бежать в Англию. Как видим, события английской истории XVII века, политические и религиозные распри вызвали у писателя отнюдь не один только академический интерес, они были частью его судьбы.

Надо сказать, что Свифт был бедняк и рос сиротой. Обстоятельства его детства не совсем обычны и не до конца ясны. Его отец — младший судейский чиновник — умер еще до рождения будущего писателя; одного года он был увезен кормилицей в Англию и жил без матери, а средства на его воспитание и образование дал его дядя по отцу — Годвин. Изучением богословия Свифт не слишком себя утруждал, интересуясь больше историей и литературой. В те времена талантливому образованному бедняку, помышлявшему о карьере и известной обеспеченности и независимости, помимо судебной должности, иного не оставалось. Для этого необходимо было сдать магистерский экзамен.

Свифт был удостоен этой степени в 1692 году в Оксфорде, а три года спустя рукоположен в священники. Его последующая судьба, многие суждения и ряд сочинений так или иначе связаны с его саном служителя англиканской церкви, вновь восстановленной в период Реставрации.

Почти половина его жизни приходится на XVII век — эпоху, которая в истории Англии выделяется насыщенностью и драматизмом событий.

Сама действительность подсказывала Свифту трагикомический угол зрения на человеческую природу. Впоследствии он сам называл себя мизантропом и утверждал, что его суровые суждения о людях сформировались к 21 году и с тех пор оставались неизменными. «И при всем том, говорю вам, что я вовсе не испытываю к человечеству ненависти, это vous autres¹ его ненавидит, потому что склонен считать людей животными разумными, и негодует, обманувшись в своих ожиданиях. Я же всегда отвергал это определение и составил свое собственное»². Он категорически отвергал столь распространен-

---

¹ Ваш брат, (*фр.*).

² «The correspondence of W.Swift». Oxford, 1963, vol. III. p. 118.

ные в эпоху Просвещения абстрактные рассуждения о человечестве и человеческой природе и ее свойствах вообще, как и всякие попытки характеризовать нации или профессии в целом.

Литературная репутация Свифта возросла после опубликования в 1704 году (тоже анонимно) давно уже написанной «Сказки бочки», выдержавшей к 1709 году пять изданий и сразу поставившей Свифта в первый ряд английской литературы.

«Сказка бочки» написана необычно, в первоначальном восприятии читателя она распадается на две, как будто мало связанные, хотя и перемежающиеся друг с другом части: одна представляет собой притчу, повествующую о приключениях и последующей вражде трех братьев, в которых аллегорически воплощены три основных христианских вероучения в Европе — католицизм (Петр) и отколовшиеся от него в результате Реформации — кальвинизм, и в том числе пуританские секты в Англии (Джек), и более умеренное лютеранство и английская церковь (Мартин). Цель этой части — осмеяние нелепостей и извращений в религии.

Вторая часть книги представляет собой ряд постоянно прерывающих эту притчу отступлений, как будто нарочно вставленных для того, чтобы сбить читателя с толку и сделать композицию книги хаотичной. Отсюда и название — «Сказка бочки», что по-английски означает бессвязная болтовня, мешанина. На самом деле все эти предисловия, посвящения и отступления тоже имеют свою общую тему и цель — осмеяние всякого рода нелепостей в науке, образованности и особенно в современной литературе. Дополняя друг друга, эти две темы, одинаково важные, дают картину современной духовной жизни в целом, как она представлялась Свифту.

Мы знаем, каких высот мысли, доброты, самопожертвования во имя идеи способен достигать человек. Но пока в мире существуют насилие и несвобода, пока унижается человеческое достоинство и ставятся препоны его мысли, книга Свифта

будет необходима. Она свидетельство его активного желания противостоять злу, и поэтому его «жестокое негодование» не разрушает, оно целительно, хотя средства очень суровы. Они для тех, кто не ищет иллюзий, кто предпочитает «мужественную свободу».

Вопросы и задания

1. В чем корни презрительного сарказма Свифта, его негодования, его подчас почти безысходного пессимизма?
2. Докажите, что Свифт считал своей целью не развлекать, а бичевать с суровой и предостерегающей требовательностью?
3. Почему автор «Путешествия Гулливера» с таким гневом говорит там о неблагодарности как наихудшем из пороков?
4. «Сказка бочки» принесла Свифту известность, но и вызвала ненависть к нему со стороны католиков, от чего Свифт всячески отказывается в «Апологии автора», написанной позднее. Справедливы ли эти обвинения? Искренни ли его оправдания?

Советуем прочитать

Джонатан Свифт «Сказка бочки», «Путешествия Гулливера».

СОДЕРЖАНИЕ

И.С. ТУРГЕНЕВ	3
Из истории создания повести «Ася»	8
Ася	9
Л.Н. ТОЛСТОЙ	47
Жизненные источники рассказа «После бала»	49
После бала	52
Краткий анализ рассказа «После бала»	59
В.Г. КОРОЛЕНКО	65
Парадокс	67
М. ГОРЬКИЙ	82
Песня о Соколе	83
Поговорим о своеобразии композиции произведения М. Горького «Песня о Соколе»	88
А.С. ГРИН	92
Зеленая лампа	93
А. КАДЬРИ	100
Скорпион из алтаря	102

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

А.Т. ТВАРДОВСКИЙ	147
Василий Теркин	151
Читатели и писатели о поэме А. Твардовского «Василий Теркин»	159
Г. ГУЛЯМ	161
Разбудите Олмос!	166
В чем красота?	167
Лето	168
К.Г. ПАУСТОВСКИЙ	170
Телеграмма	173
В.П. АСТАФЬЕВ	185
Фотография, на которой меня нет	188

Н.М. РУБЦОВ	206
Русский огонек	207
Зимняя песня	209
Журавли	210
Во время грозы	210
ЗУЛЬФИЯ	212
Пришла весна, спрашивает о тебе	216
Мать	218
Друзьям моим	219

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

У. ШЕКСПИР	221
О трагедии «Ромео и Джульетта»	222
Ф. РАБЛЕ	229
Д. СВИФТ	233

Варфоломеев И.П. и др.

В 18 Литература: Учебник-хрестоматия для VIII класса. В 2-х частях. Ч. 2. / И.П. Варфоломеев, Н.М. Миркурбанов, Н.А. Чекулина, Н.Ф. Боярская; Под общ. ред. Варфоломеева И.П. издание седьмое. — Т.: «Узбекистан», 2014.— 240 с.

1.1,2 Соавт.

ISBN 978-9943-01-542-5

УДК: 821.161.1(075)

ББК 83.3(Рус)я721

*Ivan Pavlovich Varfolomeyev,
Nasirulla Mirsultanovich Mirkurbanov,
Nina Aleksandrovna Chekulina,
Natalya Fyodorovna Boyarskaya*

LITERATURA

**Ta'lim rus tilida olib boriladigan umumiy o'rta ta'lim
maktablarining 8-sinfi uchun ikki qismli
darslik**

II qism

Original-maket «O'zbekiston» nashriyot-matbaa ijodiy uyida tayyorlandi.
100129, Toshkent, Navoiy ko'chasi, 30.

Редактор *И. Рахимова*

Художник *В. Лебедев*

Художественный редактор *Х. Кутлуков*

Технический редактор *Т. Харитонова*

Корректор *В. Исаева*

Компьютерная верстка *Г. Кулназаровой*

Подписано в печать 26 мая 2014 года. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Антиква». Кегль 12.
Условно-печатных листов 15,0. Учетно-издательских листов 14,51.
Тираж 42163. Заказ № 171.

Отпечатано в ИПТД имени Г. Гуляма
Узбекского агентства по печати и информации.
100128, г. Ташкент, ул. Шайхантахурская, 86.

**Сведения о состоянии учебника,
выданного в аренду**

№	Имя, фамилия ученика	Учеб- ный год	Состоя- ние учебни- ка при получе- нии	Подпись классно- го руко- водителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классно- го руко- водителя
1						
2						
3						
4						
5						
6						

**Таблица заполняется классным руководителем при передаче
учебника в пользование и возвращении назад в конце учебного года.
При заполнении таблицы используются следующие
оценочные критерии**

Новый учебник	Состояние учебника при первой передаче
Хорошо	Обложка цела, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на страницах нет записей и помарок.
Удовлетворительно	Обложка не смята, слегка испачкана, края стерты. Вырванные страницы восстановлены пользователем, но некоторые страницы исчерчены. Учебник реставрирован.
Неудовлетворительно	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых вообще не хватает, имеющиеся исчерчены, испачканы. Учебник к дальнейшему пользованию не пригоден, восстановить нельзя.